

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ΕPISTEMOLOGY
&
ΦHILOSOPHY OF SCIENCE

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ и ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Т. 50 • № 4

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

МОСКВА
2016

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

2016. Том 50. Номер 4

Главный редактор: И.Т. Касавин

(Институт философии РАН, Москва, Россия)

Зам. главного редактора: И.А. Герасимова (Институт философии РАН, Москва, Россия), П.С. Куслий (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь: Л.А. Тухватулина

(Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.Ю. Антоновский (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.А. Бажанов (Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия), [В.Г. Горохов] (Институт философии РАН, Москва, Россия), Н.И. Кузнецова (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), С.М. Левин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия), Джоан Лич (Университет Куинсленда, Брисбен, Австралия), Дженнифер Лэки (Северо-Западный университет, Чикаго, США), Н.И. Мартишина (Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия), Л.А. Микешина (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия), А.Л. Никифоров (Институт философии РАН, Москва, Россия), С.В. Пирожкова (Институт философии РАН, Москва, Россия), Ханс Позер (Берлинский технический университет, Берлин, Германия), В.Н. Порус (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), С.Г. Секундант (Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова, Одесса, Украина), В.П. Филатов (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), Стив Фуллер (Уорикский университет, Ковентри, Великобритания), Я.В. Шрамко (Криворожский государственный педагогический университет, Кривой Рог, Украина)

Редакционный совет:

В.С. Степин (Институт философии РАН, Москва, Россия),
П.П. Гайдено (Институт философии РАН, Москва, Россия),
А.А. Гусейнов (Институт философии РАН, Москва, Россия),
В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва, Россия),
Ханс Ленк (Технологический институт Карлсруэ, Карлсруэ, Германия),
Том Рокмор (Университет Дюкейн, Питтсбург, США; Пекинский университет, Пекин, Китай), Ром Харре (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2004 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-57113 от 03 марта 2014 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (группа научных специальностей «09.00.00 – философские науки»); Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Ulrich's Periodicals Directory; ERIN PLUS; Philosophy Documentation Center; Russian Science Citation Index (Web of Science)

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» – 46318

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Институт философии РАН
Тел.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iph.ras.ru; сайт: <http://journal.iph.ras.ru>

EPISTEMOLOGY & PHILOSOPHY OF SCIENCE

Quarterly peer-reviewed journal

2016. Volume 50. Number 4

Editor-in Chief: Ilya Kasavin (RAS Institute of Philosophy, Russia)

Editorial Assistants: Irina Gerasimova (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Petr Kusliy (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Liana Tukhvatulina (RAS Institute of Philosophy, Russia)

Editorial Board:

Alexander Antonovsky (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Vladimir Arshinov (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Valentin Bazhanov (Ulyanovsk State University, Russia),

Vladimir Filatov (Russian State University for Humanities, Russia),

Steve Fuller (University of Warwick, Great Britain),

Vitaly Gorokhov (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Natalia Kuznetsova (Russian State University for Humanities, Russia),

Jennifer Lackey (Northwestern University, USA),

Joan Leach (Queensland University, Australia),

Sergei Levin (National Research University – Higher School of Economics, Russia),

Natalia Martishina (Siberian State Transport University, Russia),

Lyudmila Mikeshina (Moscow Pedagogical State University, Russia),

Alexander Nikiforov (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Sofia Pirozhkova (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Vladimir Porus (National Research University – Higher School of Economics, Russia),

Hans Poser (Technical University of Berlin, Germany),

Sergei Sekundant (Odessa I.I.Mechnikov National University, Ukraine),

Yaroslav Shramko (Kryviy Rih State Pedagogical University, Ukraine)

Editorial Council:

Vyacheslav Stepin (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Piama Gaidenko (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Abdusalam Guseinov (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Rom Harré (Georgetown University, USA),

Vladislav Lektorsky (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Hans Lenk (Karlsruhe Institute of Technology, Germany),

Tom Rockmore (Duquesne University, USA; Peking University, China)

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Frequency: 4 times per year. First issue: 2004

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Rosskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FS77-57113 on March 3, 2014

Abstracting and Indexing: the list of peer-reviewed scientific edition acknowledged by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Ulrich's Periodicals Directory; ERIH PLUS; Philosophy Documentation Center; Russian Science Citation Index (Web of Science)

Subscription index in the catalogue of *Rospechat* agency is 46318

Editorial address: 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iph.ras.ru; Website: <http://journal.iph.ras.ru>

TABLE OF CONTENTS

EDITORIAL

- Ekaterina Vostrikova, Petr Kusliy.* Rediscovering the logical analysis of language.....8

PANEL DISCUSSION

- Evgeny Borisov.* How to analyze the sentence “I thought your yacht was larger than it is”?.....21
- Victor Gorbatov.* Who was thinking that Yacht was larger than it is? 32
- Ivan Mikirtumov.* Arranging the rigging, or why “object” attitudes do not exist 36
- Daniel Tiskin.* In search of expressive power:
Evgeniy Borisov on the semantics of comparative predicates 44
- Petr Kusliy.* Couldn’t the same be stated in a simpler way?.....52
- Evgeny Borisov.* Reply to critics 59

EPISTEMOLOGY AND COGNITION

- Ilya Kasavin.* The critique of group belief: a discussion with Jennifer Lackey.....63
- Daniel Tiskin.* Conditional attitude ascription 74
- Enrique Villanueva.* Argument and metaphysics.....94
- Alexander Nikiforov.* Is speaking about the transcendental possible?.....98

LANGUAGE AND MIND

- Alexey Cherniak.* The third reading: a cluster analysis.....102
- Pavel Baryshnikov.* Cognitive linguistics and philosophy of mind: an explanatory gap in the ontology of linguistic sign 119
- Mikhail Smirnov.* The problem of ontological commitments in event semantics 135

VISTA

- Evgeny Loginov.* Pragmatism, truth, and the problem of meaning 151

CASE STUDIES – SCIENCE STUDIES

- Garris Rogonyan.* Measuring the mental: an apology for the analogy.....168
- Evgeny Blinov.* “Social engineering of the future”:
Evgeniy Polivanov on the principles of early Soviet language building 187

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- Olga Mitrenina.* Is an agreement between linguists and logicians on the logic of language possible? A language scholar’s response.....204

ARCHIVE

<i>Andrey Veretennikov</i> . Mind and language in the work of B. Whorf	214
<i>Benjamin Lee Whorf</i> . Language, mind, and reality (transl. by A. Veretennikov)	220

BOOK REVIEWS

<i>Ekaterina Vostrikova</i> . Logical form and ordinary thinking	244
--	-----

IN MEMORIAM

Vitaly Gorokhov (25.05.1947 – 10.09.2016)	252
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- Е.В. Вострикова, П.С. Куслий.* Открывая логический анализ
языка заново.....8

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ

- Е.В. Борисов.* Логический анализ предложения «Я думал, ваша
яхта больше [чем она есть]» 21
- В.В. Горбатов.* Кто именно думал, что «яхта больше
[чем она есть]»?.....32
- И.Б. Микиртумов.* Поправляя такелаж,
или Почему не существует «объектных» установок 36
- Д.Б. Тискин.* В поисках выразительных средств:
Е.В. Борисов о семантике предикатов сравнения 44
- П.С. Куслий.* Нельзя ли попроще? 52
- Е.В. Борисов.* Ответ оппонентам 59

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ПОЗНАНИЕ

- И.Т. Касавин.* Критика групповых убеждений:
дискуссия с Дженнифер Лэки.....63
- Д.Б. Тискин.* Условное приписывание
пропозициональных установок 74
- Э. Вильянуэва.* Рассуждение и метафизика.....94
- А.Л. Никифоров.* Можно ли говорить о трансцендентном?.....98

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

- А.З. Черняк.* Третье прочтение: кластерный анализ 102
- П.Н. Барышников.* Когнитивная лингвистика и философия
сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака.....119
- М.А. Смирнов.* Проблема онтологических обязательств
в семантике событий.....135

ПЕРСПЕКТИВА

- Е.В. Логинов.* Прагматизм, истина и проблема значения.....151

СИТУАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Г.С. Рогозян.* Измерение ментального: апология одной аналогии.....168
- Е.Н. Блинов.* «Социальная инженерия будущего»:
Евгений Поливанов о принципах раннесоветского
языкового строительства 187

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- О.В. Митренина.* Смогут ли лингвисты и логики
договориться о логике языка: взгляд лингвиста 204

АРХИВ

<i>А.А. Веретенников. Язык и сознание Бенджамина Уорфа</i>	214
<i>Б.Л. Уорф. Язык, сознание, реальность</i> (перевод А.А.Веретенникова)	220

ОБЗОРЫ КНИГ

<i>Е.В. Вострикова. Логическая форма и обыденное мышление</i>	244
---	-----

IN MEMORIAM

Памяти В.Г. Горохова.....	252
---------------------------	-----

ОТКРЫВАЯ ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ЗАНОВО...

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: kusliy@yandex.ru

В данной статье предлагается философское осмысление проекта формального описания естественных языков. Данный проект восходит к идеям Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Многие современные философы считают данный проект обреченным на неудачу, поскольку они полагают, что формализмы не способны отразить всей многоаспектности значения выражений естественного языка. Тем не менее существуют весомые аргументы в пользу того, что значение выражений строится по принципу композициональности и что существуют универсальные языковые принципы. Авторы выдвигают тезис о том, что данный проект вполне успешно может осуществляться на основе более современной формальной грамматики Монтегю.

Ключевые слова: формальная семантика, формальный синтаксис, философия языка, контекстуализм

REDISCOVERING THE LOGICAL ANALYSIS OF LANGUAGE...

Ekaterina Vostrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr Kusliy – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation.

This paper gives an overview of the project of formal description of natural languages and discusses the place and the prospects of this project in contemporary philosophy. This project goes back to the ideas of Frege, Russell and Wittgenstein, however many contemporary philosophers, especially in Russia, believe that it is doomed to failure, because any natural language is vague and context-dependent. The authors argue that Russian philosophy of language could benefit from familiarity with the ideas developed within contemporary formal semantics. In particular, the authors provide some illustrations that denounce some delusions about natural languages and the impossibility of their formal analysis. The authors provide examples of some universal restrictions in syntax (such as condition C of the Chomsky's theory of binding) to show that, despite some popular philosophical views, the nature of languages is not fully conventional and their grammars are restricted. The authors also discuss evidence from sign languages showing that they are not mere pantomimes and that their grammars are restricted in the same ways that the grammars of the spoken languages are restricted. The authors

PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: kusliy@yandex.ru

present contemporary formal semantics of natural language as the modern version of the logical semantics originally developed by Frege, Russell, Tarski and others. They claim that the results of this discipline show that the conclusion that the logical analysis of natural language is a doomed project is not justified.

Keywords: formal semantics, universals in language, philosophy of language, contextualism

Классическая логическая семантика как неудавшаяся программа

Когда сегодня в отечественной эпистемологии или философии языка говорят о логическом анализе, то, чаще всего, подразумевают корпус работ таких логиков и философов, как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, А. Тарский, А. Черч, У. Куайн, посвященных попыткам строгой логико-семантической интерпретации выражений естественного языка. Так, например, Фреге посвящает одну из главных своих работ по философии языка [Фреге, 2002a] исследованию семантики сложноподчиненных предложений, содержащих глаголы «думает», «полагает», «воображает». Б. Рассел начинал свои философско-языковые исследования с попытки экспликации значения естественно-языковых предложений, содержащих кванторные выражения («никто», «все»), а также так называемые определенные дескрипции (с его известным примером «современного короля Франции») [Рассел, 2002]. Данная философская программа нередко рассматривается как своего рода продолжение лейбнищевского проекта *lingua generalis* по построению универсального языка философии, ведь претензии многих представителей этого направления в философии шли гораздо дальше технической, по своей природе, задачи формального представления значения тех или иных выражений. Так, например, Р. Карнап с помощью логического анализа языка предлагал преодолевать метафизику [Карнап, 1998], Л. Витгенштейн говорил о границах языка как границах мира [Витгенштейн, 1994], У. Куайн и Н. Гудмен, а также представители Венского кружка во главе с М. Шликом на основании своих логико-философских штудий строили новую философию науки.

При этом также стихийно считается, что данный проект оказался неудачным, поскольку естественный язык в своей немалой части оказался неподдающимся строгому философскому анализу. С данной точки зрения, максимум, на что могли претендовать исследовавшие его логики, это строгая экспликация лишь отдельных его аспектов, осуществляемая для конкретных задач тех или иных дисциплин. Сама же идея представления какого-либо естественного языка как формальной системы символов, оперирующей на основе ограниченного набора правил, не воспринималась как реализуемая.

К тому же, и классики аналитической философии нередко придерживались сходного скептического мнения. Фреге в одной из своих ранних работ писал о том, что формальный язык формул в сравнении с повседневным языком подобен микроскопу по сравнению с глазом; микроскоп является лишь вспомогательным средством, способным выявить отдельные аспекты, ускользающие от глаза, более совершенного по широте своей применимости [Фреге, 2000b, с. 66]. Рассел считал одним из ключевых изъянов естественного языка то, что в нем кванторные выражения занимают в предложении место субъекта (конституенты) наряду с именами собственными и местоимениями, что, по его мнению, было несовместимым с тем значением, которым обладали кванторные выражения. В частности, на этом основании он прямо указывал: «Естественный язык не обладает никакой логикой» [Russell, 1957]. Программа Венского кружка по сведению языка всей науки к языку физики, который следовало соотнести с данными опыта посредством логико-семантических средств, потерпела неудачу, о чем писал сам Р. Карнап уже в 1932 г., ссылаясь на критику О. Нейрата [Карнап, 2006]. Развивавшаяся Карнапом впоследствии концепция логического эмпиризма [Карнап, 2000] подверглась известной критике со стороны У. Кайна [Quine, 1951], что, как иногда считается, положило конец классической аналитической философии языка, развивавшейся в первой половине XX в.

Постаналитическая философия языка и контекстуализм

Отход аналитической философии от экспликации значения языковых выражений посредством денотативной семантики осуществлялся параллельно с развитием новых теорий значения. В этих теориях значения естественно-языковых выражений стали эксплицироваться иными способами. Появилась концепция значения, понимаемого как следование правилу (а не в терминах интенционала и экстенционала). Будучи концептуально связанной с работами позднего Витгенштейна [Витгенштейн, 2000] и Г. Райла [Райл, 2000], она получила свое более полное выражение в так называемой философии обыденного языка (работы Дж. Остина, П. Стросона, П. Грайса, Дж. Серла). В этих работах ключевым критерием семантической оценки высказывания или его приемлемости высказываний стал контекст употребления, а не истина, понимаемая в терминах соответствия содержания высказывания некоей внеязыковой реальности, как это было в классической логической семантике [Тарский, 1998].

Тема контекстной зависимости как ключевого критерия семантической оценки высказываний проявилась и в так называемой постаналитической философии, выросшей из куайновской критики логического эмпиризма. В более поздних работах Куайна, Д. Дэвидсона и др. развивается холистское понимание языка как системы, связанной с эмпирической реальностью лишь периферийно, и поэтому детерминирующей значения составляющих ее выражений в терминах их согласованности друг с другом [Quine, 1969a, 1969b].

Уже в классической аналитической философии логико-языковой анализ неразрывным образом был связан с проблемами познания. Так, фрегевский пример Венеры как Утренней или Вечерней звезды и расселовские примеры с современным королем Франции и многие другие – их обсуждение имело не только формально-логическую, но и эпистемологическую значимость. В постаналитической философии трансформация в понимании значения оказала влияние и на эпистемологическую составляющую этой программы. Понятия непостижимости референции и неопределенности перевода в работах Куайна обусловили развитие понятия *концептуальной схемы*, целостной понятийной системы, присущей той или иной научной теории или констелляции теорий. Таким образом, в рамках этой традиции языковое выражение начинало обретать свой смысл лишь в контексте той более общей концептуальной схемы, в которой оно формулировалось.

Контекстная интерпретация языковых выражений в постаналитической философии породила сильнейший релятивистский тренд не только в области непосредственно языкового анализа, но и в области эпистемологии. Идея о возможности существования множества концептуальных схем и их принципиальной непереводаемости друг в друга гармонично сочеталась с гипотезой Сепира-Уорфа [Уорф, 1960a, 1960b] об относительности мышления и его зависимости от используемого языка, а также с идеей о множественности картин мира человека или науки.

Таким образом, начавшаяся некогда традиция строго языкового анализа естественно-языковых предложений трансформировалась на протяжении XX в. в эпистемологический релятивизм. Языковой анализ, восходящий к поздним работам Куайна, стал использоваться в эпистемологии повсеместно и, как отмечает И.Т. Касавин, сегодня «грозит даже поглотить всю эпистемологическую проблематику» [Касавин, 2011, с. 5]. Релятивистская эпистемология и философия языка были и остаются доминирующими не только в отечественной философской среде, но и в мире. В.А. Лекторский отмечает: «Релятивизм не только в современной философии, но и в культуре в целом кажется одержавшим победу <...> Сегодня многие философы – как в мире, так и в нашей стране – считают, что сегодня нельзя не быть релятивистом» [Лекторский, 2012].

В том же, что касается рассмотрения естественного языка как формальной системы, по-видимому, можно сказать, что в современной отечественной и мировой эпистемологии доминирующей является установка, согласно которой подобный проект является изначально обреченным на неудачу. Сторонники этой точки зрения считают, что естественный язык настолько богат и безграничен, что принципиально недоступен для формального анализа. Он представляется ими как отображение мира отдельного человека, а также более общей социальной реальности и поэтому не уступает им по своей сложности, богатству, многогранности, неуловимости и т. п.

И тем не менее: естественные языки как формальные системы

Рассуждения о языке релятивистски настроенных эпистемологов, как правило, красочны и интересны для чтения; они наполнены иллюстрациями из высказываний деятелей искусства и культуры; в них проводятся интересные параллели и делаются неожиданные сопоставления – всё это является ценным продуктом человеческой мысли, заставляющим читателя задуматься о многочисленных связях между языком, наукой, культурой, мировоззрением. Мы далеки от того, чтобы выступать с критикой этой традиции философствования.

Между тем хотелось бы обратить внимание, что ряд простых, но важных вопросов остается без прямого, методологически прозрачного ответа: почему, если язык столь разнообразен и безграничен, он так быстро осваивается детьми в возрасте 2,5–3 лет? Их словарный запас ограничен, они не понимают всей тонкости игры смыслами (последнее, правда, зачастую имеет место и со взрослыми), но, тем не менее, они оказываются способными довольно уверенно освоить грамматику языка, а к 6 годам синтаксис их речи вообще практически не отличается от синтаксиса речи взрослых. Почему мы понимаем предложения, произнесенные кем-то на нашем родном языке, даже если мы эти предложения никогда раньше не слышали (в том случае, разумеется, если нам известно значение слов, из которых оно составлено)? Такие предложения ведь представляют собой совершенно новую последовательность пусть и знакомых нам знаков. Как мы можем, обладая конечным сознанием и конечным запасом слов, формулировать бесконечно длинные грамматически корректные предложения (точнее, их длина будет обусловлена длительностью нашей жизни или готовностью заниматься подобным построением)? Вряд ли рассуждения бихевиористского толка или экспликации в терминах доверия собеседников друг другу, нередко до сих пор используемые современными эпистемологами, могут дать убедительный и прозрачный ответ на эти вопросы.

Простой и методологически понятный ответ они могут получить, если допустить, что грамматика естественного языка является ограниченной системой со строгой внутренней структурой. Именно эту структуру или систему правил, наряду с рядом лексем, осваивает ребенок, когда он осваивает язык. Именно появление у ребенка этой «ментальной грамматики» позволяет ему уверенно использовать собственный язык при ограниченном лексиконе. Данные идеи неоднократно излагались в работах Н. Хомского и развивались его последователями. Несмотря и на существующую их критику (в этой исследовательской области, как и в любой другой, идут дискуссии), методологическая ориентация на реабилитацию идеи о присутствии в естественных языках строгой внутренней структуры (грамматики) вполне очевидна, равно как и те основания, на которых эта реабилитация проводится. В результате наличия в языке рекурсивных правил люди оказываются способными формулировать бесконечно длинные предложения. В сочетании с идеей о том, что значение сложного выражения является производным от значения составляющих его простых выражений и правил их сочетания (принцип композициональности Фреге), рекурсивность системы грамматических правил, составляющих естественный язык, объясняет и способность людей понимать высказывания, которых они ранее не слышали.

С такого ракурса естественный язык представляется уже не чем-то безграничным, неуловимым и аморфным, а вполне ограниченной и внутренне организованной формальной системой или множеством систем (в силу существования различных языков и их диалектов). Ключевой особенностью естественных языков, как формальных систем, которая отличает их от всех других формальных знаковых систем, является ее доступность для освоения малолетним ребенком. Первопорядковая логика предикатов, по сравнению с естественным языком, не является сложной формальной системой, однако ее, в отличие от естественного языка, малолетний ребенок освоить не может.

Порой можно услышать возражения о том, что если бы родители этого ребенка говорили бы на языке логики предикатов первого порядка, то это делал бы и сам ребенок. В ответ на подобное возражение (которое на практике никем, насколько нам известно, не проверялось) можно привести известные случаи, когда естественные языки развивались самостоятельно, т. е. без копирования того языка, на котором говорило окружение. Один такой случай образования креольского языка на Гавайях описывает Р. Джекендоф [Jackendoff, 1994]. На островах, где в результате развития торговли и судоходства оказалось много людей разных национальностей и, соответственно, языков, возник пиджин (псевдоязык, используемый для обмена информацией представителями разных языков и поэтому не имеющий фиксированной синтаксической структуры и других атрибутов естествен-

ного языка, например, функциональных терминов (артиклей и др.)). Этим псевдоязыком пользовались оказавшиеся на островах взрослые для общения друг с другом. Дети же, общавшиеся дома со своими родителями на их родном языке, между собой развили пиджин в самостоятельный язык, в котором присутствовали синтаксические правила, был фиксированный порядок слов и функциональные термины. В развитом этими детьми языке присутствовали те же *ограничения на грамматическую структуру*, которые встречаются в других естественных языках, но которые, разумеется, были совершенно разными в тех языках, на которых эти дети говорили со своими родителями дома. В данном случае появление гавайского креольского языка не осуществлялось путем копирования языка того или иного авторитета (родителей), и, тем не менее, это был не язык первопорядковой логики предикатов (или чего-то подобного по своей простоте), а язык такого же типа, как и другие естественные языки.

Жестовые языки, распространенные среди людей с ограниченными возможностями слуха или речи, являются еще одной иллюстрацией идеи внутренней системности естественных языков. Жестовые языки, вопреки распространенному предубеждению, не являются пантомимой, основанной на конвенциях, хотя бы потому, что жесты, с помощью которых они артикулируются, являются лишь в ограниченной степени иконическими. Более того, жестовый язык, на котором общаются в той или иной местности, никак не связан своими структурными особенностями с используемым в этой же местности разговорным языком. Носитель американского жестового языка не поймет носителя британского жестового языка, хотя британский и американский английский крайне близки. При этом этот же носитель сможет понять человека, обращающегося к нему на жестовом языке, используемом в провинции Квебек (Канада), хотя американский английский и канадский французский совсем не близки.

Жестовые языки при этом являются полноценными естественными языками, отличающимися от разговорных языков лишь способом их артикуляции (т. е. особенностями фонологической структуры), но не принципами, регулируемыми синтаксис грамматически корректных предложений и их интерпретацию [Jackendoff, 1994]. Последние подчиняются тем же *ограничениям*, которые регулируют синтаксис и семантику разговорных языков.

Примеры структурных ограничений в естественных языках

Выше мы неоднократно говорили о сходствах в ограничениях на структуру, присутствующих в естественных языках, которые отличают их от других формальных знаковых систем. Данный вопрос является предметом исследования современной генеративной лингвистики и распространяется на разные ее области. Ниже мы приведем одну иллюстрацию того, о чем конкретно идет речь. Здесь рассмотрим некоторые примеры из синтаксиса, основывающиеся на содержании работ Н. Хомского¹.

К синтаксическим универсалиям, т. е. ограничениям на грамматическую структуру, присущим подавляющему большинству естественных языков (разговорных и жестовых), можно отнести, например, три принципа так называемой синтаксической теории связывания [Chomsky, 1981]. Рассмотрим один из них. Говоря на русском языке, мы даже не задумываемся о том, что, например, в предложении (1) местоимение «он» не может обозначать того же индивида, которого обозначает имя собственное (их коиндексация обозначает общность денотата, а звездочка в начале предложения – неграмматичность при данной индексации):

(1) *Он_i считает, что Саша_i умён.

При этом, разумеется, местоимения и имена собственные в грамматически корректных предложениях русского языка могут быть коиндексированными:

(2) Саша_i считает, что он_i умён.

Предложение (2) вполне может выражать мысль, согласно которой Саша считает себя умным. При этом разница между (1) и (2) не в линейном соотношении местоимения и имени собственного. В предложении (3), как и в неграмматическом (1), местоимение «он» предшествует имени собственному, однако (3) при данной индексации все же грамматично, в отличие от (1).

(3) Человек, которого он_i совсем не знал, думал, что Саша_i умён.

Интересно, что аналоги этих предложений в других языках демонстрируют те же самые закономерности. Данные примеры, иллюстрирующие так называемый принцип С теории связывания, показывают, что ограничения на коиндексирование имен собственных и личных местоимений присутствуют в языках и являются не линейными,

¹ Для более подробного обсуждения семантических универсалий см., например, [Von Stechow, 2008].

а структурными. Чтобы выразить их, необходимо допустить наличие определенной синтаксической структуры в каждом из этих предложений. И смысловая составляющая данных предложений находится в зависимости от этой синтаксической структуры: предложение (1), как ни крути, не может выразить мысль, которая с легкостью выражается в предложении (2). Иначе говоря, носитель русского языка, полагающий, что Саша считает себя умным, никогда не станет выражать эту мысль предложением (1).

«Хорошо забытая старая» повестка для логического анализа языка

Для ответа на вопрос о том, какие предложения того или иного естественного языка являются грамматическими, а какие нет, и какими значениями могут обладать грамматические предложения, а какими не могут, не требуется никаких особых профессиональных квалификаций: любой рефлексирующий носитель языка (или диалекта) скажем вам, что в его диалекте выразимо такими-то и такими-то предложениями, а что нет. Вопрос о том, как данные ограничения отображаются в синтаксисе соответствующего языка, исследуют специалисты в области синтаксиса. Они строят соответствующие структуры, выражающие грамматику данного языка. Однако, как синтаксисты, они не могут предложить строгую композициональную интерпретацию открываемых и выражаемых ими синтаксических структур.

Для того, чтобы показать, как именно каждое предложение (обладающее такой-то структурой) пошагово обретает то значение, которым, по сообщениям носителей языка, оно обладает, требуются отдельные компетенции в области логической семантики и философии языка. И именно здесь взаимодействие философов, логиков и лингвистов оказывается наиболее продуктивным, позволяя специалистам по семантике (формальной теории смысла) не только позитивно влиять на концепции на концепции друг друга, но и открывая для них новые исследовательские горизонты.

На сегодняшний день формальная семантика естественного языка, начатая как проект в работах Р. Монтегю [Montague, 1970, 1973], преодолевшего ряд фундаментальных проблем, обсуждавшихся Фреге и Расселом, стала одним из ведущих направлений не только в области формального языкознания, но и в области философии языка. Опираясь на фундаментальные работы Фреге, Рассела, Витгенштейна, Тарского, Карнапа, Черча, Куайна и других логиков и философов, представители формальной семантики (лингвисты, логики и философы) показали, насколько продуктивным может быть применение формального логико-семантического аппарата к естественно-языковому материалу.

С помощью такого аппарата, разработанного в рамках данной традиции, было проинтерпретировано значительное число репрезентативных фрагментов разных естественных языков. Эта работа показала (и продолжает показывать) не только то, что сложные синтаксические конструкции, присущие естественно-языковым предложениям, могут последовательно и наглядно обретать именно то значение, которое ему приписывают носители языка (и никакое другое), но и то, как именно это происходит.

Перспективы данной исследовательской программы интересны и для эпистемологии, поскольку (с опорой на эмпирически фиксируемую языковую практику) позволяют понять то, как именно люди говорят и думают о мире. Исследования в этой области способны показать, что функционирование естественных языков как формальных систем, а следовательно, и те способы, по которым выражения естественных языков обретают свое значение, поддаются строгому научному исследованию.

Также, по нашему мнению, эти исследования демонстрируют, что значимость ряда постулатов современной релятивистской эпистемологии о непостижимости референции, неопределенности перевода и т. п. является чрезмерно раздутой без достаточных на то оснований. Переоткрытие логико-семантического анализа для интерпретации выражений естественных языков во взаимодействии с результатами современной лингвистики позволяют вдохнуть новую жизнь в концепции классиков аналитической философии, а также могут сделать современные исследования в области философии языка менее оторванными от реальной языковой практики.

Список литературы

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Карнап, 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуал. кн.; Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.

Карнап, 2000 – *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Биробиджан: Тривиум, 2000. 140 с.

Карнап, 2006 – *Карнап Р.* О протокольных предложениях // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2006. Т. 7. № 1. С. 219–231.

Касавин, 2011 – *Касавин И.Т.* Познание и язык // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2011. Т. 30. № 4. С. 5–15.

Лекторский, 2012а – *Лекторский В.А.* Предисловие // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–4.

Райл, 2000 – *Райл Г.* Понятие сознания / Пер. с англ. Общ. ред. В.П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 2000. 408 с.

Рассел, 2002 – *Рассел Б.* Об обозначении // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 7–22.

Тарский, 1998 – *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуал. кн.; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.

Уорф, 1960а – *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 174–175.

Уорф, 1960б – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.

Фреге, (1879) 2000б – *Фреге Г.* Исчисление понятий, язык формул чистого мышления, построенный по образцу арифметического // Фреге Г. Логика и семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 65–142.

Фреге, 2000а – *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 230–246.

Chomsky, 1981 – *Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 371 p.

Jackendoff, 1994 – *Jackendoff R.* Patterns In The Mind: Language And Human Nature. N. Y.: Basic Books, 1994. 246 p.

Montague, 1970 – *Montague R.* English as a Formal Language // Linguaggi nella società e nella tecnica / Ed. by B. Visentini et al. Milan: Edizioni di Comunità, 1970. P. 189–224.

Montague, 1973 – *Montague R.* The proper treatment of quantification in ordinary English // *Approaches to Natural Language* / Ed. by K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, and P. Suppes. Dordrecht: Reidel, 1973. P. 221–242.

Quine, 1951 – *Quine W.V.* Two dogmas of empiricism // *Philosophical Review*. 1951. Vol. 60. No. 1. P. 20–43.

Quine, 1969а – *Quine W.V.* Ontological Relativity // *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. 165 p.

Quine, 1969b – *Quine W.V.* Epistemology Naturalized // *Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. 165 p.

Russell, 1957 – *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // *Mind*. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.

Von Fintel, Matthewson, 2008 – *Von Fintel K., Matthewson L.* Universals in semantics // *The Linguistic Review*. 2008. No. 25. P. 139–201.

References

- Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90–129. (In Russian)
- Carnap R. Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka [The elimination of metaphysics through logical analysis of language]. In: A.F. Gryaznov (ed.) *Analiticheskaya filosofiya (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)
- Carnap R. *Znachenie i neobkhodimost'*. *Issledovanie po semantike i modal'noy logike* [Meaning and necessity]. Birobidzhan: Trivium Publ., 2000. 140p. (In Russian)
- Carnap, R. O protokol'nyh predlozheniyah [Über Protokollsätze]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2006, vol. 7, no. 1, pp. 219–231. (In Russian)
- Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 371p.
- Frege G. Ischislenie ponyatiy, yazyk formul chistogo myshleniya, postroenny po obraztsu arifmeticheskogo [Begriffsschrift: eine der arithmetische nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens]. In: G. Frege. *Logika i logicheskaya* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt-Press, 2000, pp. 65–142. (In Russian)
- Frege G. O smysle i znachenii [On sense and denotation]. In: G. Frege. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt-Press, 2000, pp. 230–246. (In Russian)
- Jackendoff R. *Patterns in the Mind: Language and Human Nature*. New York: Basic Books, 1994. 246 p.
- Kasavin I.T. Poznanie i yazyk [Cognition and language]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 5–15. (In Russian)
- Lektorski V.A. Foreword. In: V.A. Lektorski (ed.) *Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2012, pp. 3–4. (In Russian)
- Montague R. English as a Formal Language. In: Visentini, Bruno et al. (eds.). *Linguaggi nella società e nella tecnica*. Milan: Edizioni di Comunità, 1970, pp. 189–224.
- Montague R. The proper treatment of quantification in ordinary English. In: K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, and P. Suppes (eds.). *Approaches to Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1973, pp. 221–242.
- Quine W.V.O. Ontological Relativity. In: W.V.O. Quine. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969, pp. 26–68.
- Quine W.V.O. Two dogmas of empiricism. *Philosophical Review*, 1951, vol. 60, no. 1, pp. 20–43.
- Quine, W.V.O. Epistemology Naturalized. In: W.V.O. Quine. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969, pp. 69–90.
- Russell B. Mr. Strawson on Referring. *Mind*, 1957, vol. 66, no. 263, pp. 385–389.
- Russell B. Ob oboznachenii [On denoting]. In: *Yazyk, istina, suschestvovanie* [Language, truth, existence]. Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 2002, pp. 7–22. (In Russian)
- Ryle G. *Ponyatie soznaniya* [The Concept of Mind]. Moscow: Ideya-Press, 2000, 408p. (In Russian)

Tarski A. Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [The semantic conception of truth and the foundations of semantics]. In: Gryaznov A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90–129. (In Russian)

Von Fintel K., Matthewson L. Universals in semantics. *The Linguistic Review*, 2008, no. 25, pp. 139–201.

Whorf B.L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 174–175. (In Russian)

Whorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 135–168. (In Russian)

Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. In: L. Wittgenstein. *Filosofskiy trudy* [Philosophical Papers], part 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612p. (In Russian)

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ «Я ДУМАЛ, ВАША ЯХТА БОЛЬШЕ [ЧЕМ ОНА ЕСТЬ]»

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор. Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36. Профессор. Томский научный центр СО РАН. Российская Федерация, 634021, г. Томск, пр-т Академический, д. 10, стр. 4; e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Предложение, приведенное в названии статьи, – обозначим его (P) – репрезентирует класс предложений, в которых компаративный предикат применяется дважды к одному и тому же объекту в области действия эпистемического глагола. Проблема, связанная с предложениями этого типа, состоит в том, что стандартные средства логического анализа не позволяют адекватно отобразить их поверхностную структуру и при этом учесть некоторые интуиции относительно их употребления. В данной статье анализируется ряд версий анализа (P) и демонстрируются их недостатки. Особое внимание уделяется предложенному В.В. Горбатовым анализу (P) в терминах кросс-мировой субъективной модальной логики (CSML) Вемайера. Я показываю, что этот анализ имеет контр-интуитивное следствие, делающее его неприменимым к стандартным случаям употребления предложений указанного типа, и предлагаю альтернативную версию анализа (P) в терминах CSML. Специфика предлагаемого анализа состоит в том, что он интерпретирует (P) в качестве аскрипции объектной установки, тогда как все рассматриваемые в статье версии анализа интерпретируют (P) как аскрипцию пропозициональной установки. Я намечаю семантику аскрипции объектной установки с использованием кросс-мирового предиката и показываю, что предложенный анализ свободен от дефектов, присущих всем рассмотренным в статье альтернативам.

Ключевые слова: семантика, компаративный предикат, кросс-мировая субъективная модальная логика, пропозициональная установка, объектная установка

HOW TO ANALYZE THE SENTENCE “I THOUGHT YOUR YACHT WAS LARGER THAN IT IS”?

Evgeny Borisov – DSc in Philosophy, professor. Tomsk State University. 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation. Professor. Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 10/4 Akademicheskiiy avenue, Tomsk, 634021, Russian Federation; e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The sentence cited in the title – in what follows, I refer to it as (S) – occurs in a story Russell tells us in *On Denoting*. It represents the class of sentences containing a comparative predicate applied twice to a single object in the scope of an epistemic verb. The problem with sentences of this type is that the received tools of logical analysis do not allow both to accurately reflect their surface structure and to take into account some intuitions about our use of them in standard cases. For instance, as Kripke has shown, Russell’s own analysis conflicts with our intuition since it renders (S) as an ascription of a *de re* belief about the size of the yacht. I argue that an analogous flaw have alternative analyses involving the notion of size, viz. ones offered by Kaplan and Salmon. In 2013, I proposed an objectual analysis of (S) which makes no use of the notion of size. That analysis has certain counter-intuitive implications, too. Recently, Gorbатов proposed a version of the objectual analysis based on interpretation of the adjective *larger* in (S) as a cross-

world predicate in terms of Wehmeier's cross-world subjunctive modal logic (CSML). I argue that Gorbатов's analysis is counter-intuitive, too, for it ascribes to the utterer a quite uncommon belief involving a particular possible world. Nevertheless, I find the idea behind his proposal – the interpretation of *larger* in (S) as a cross-world predicate – fruitful, and offer an alternative version of analysis of (S) in terms of CSML. The analysis I propose renders (S) as an ascription of an objectual attitude rather than a propositional one. I sketch the semantics of objectual attitude ascription involving a cross-world comparative predicate and argue that the analysis I propose is free from disadvantages of the analyses mentioned above.

Keywords: semantics, comparative predicate, cross-world subjunctive modal logic, propositional attitude, objectual attitude

Рассел [Russell, 1905: 489] в «On Denoting» рассказывает следующий анекдот: «Я слышал об обидчивом владельце яхты, который на реплику посетителя 'Я думал ваша яхта больше [чем она есть]', ответил: 'Нет, моя яхта не больше [чем она есть]'». Реплика гостя

(P) Я думал, ваша яхта больше [чем она есть]

содержит компаративное прилагательное, примененное к одному объекту дважды в области действия эпистемического глагола «думал». Проблема, связанная с такого рода предложениями, состоит в том, что стандартные средства логического анализа не позволяют адекватно отобразить их поверхностную структуру и при этом учесть некоторые интуиции относительно их употребления. В этой статье я 1) рассматриваю основные версии анализа (P) с использованием функции «размер» и показываю их недостатки; 2) критикую предложенную Горбатовым интерпретацию (P) в терминах кросс-мировой субъюнктивной модальной логики (CSML) Вемайера; 3) предлагаю альтернативный анализ в терминах CSML, решающий указанную проблему.

1. Анализ с использованием функции «размер»

1.1. Анализ Рассела и возражение Крипке

Рассел [Russell, 1905, p. 489] перефразирует (P) следующим образом: «Размер, который, как я думал, имеет ваша яхта, больше ее [действительного] размера». Символически этот парафраз можно представить следующим образом:

(1) [the x : $B(x=S_u a)$] [the y : $y=S_u a$] $x > y$,

где « a » обозначает обсуждаемую яхту; « u » – подразумеваемую единицу измерения размера; « $S_u a$ » – размер a в u ; « x » и « y » суть числовые переменные; « B » – оператор аскрипции мнения данному агенту (посетителю яхты) на тот момент времени, к которому имплицитно отсылает глагол «думал» в (P)¹.

Крипке [Kripke, 2005, p. 1021–1022] обнаруживает недостаток данного анализа, не позволяющий считать его адекватным для стандартных случаев употребления предложений типа (P). Дело в том, что (1) приписывает посетителю яхты мнение *de re* о некотором определенном числе: например, он мог думать, что размер яхты составляет ровно 47,2 м. Однако очевидно, что анекдот Рассела не требует такого рода допущения и что мы часто высказываем предложения типа (P), не имея соответствующих мнений *de re* о числах. Поэтому (1) не решает задачу логического анализа (P) применительно к стандартным случаям.

1.2. Анализ Каплана – Сэлмона

Каплан предложил остроумный парафраз (P): «Посетитель яхты мог сказать: Давайте назовем длину вашей яхты “рассел”. Так вот, я думал, что ваша яхта превышает один рассел в длину». [Kaplan, 1973, p. 501]. Символически:

$$(2) [\text{the } x: x=S_{\text{russell}} a] x=1 \ \& \ B([\text{the } y: y=S_{\text{russell}} a] y>1)$$

Сэлмон [Salmon, 2009] предложил версию анализа (P), которая представляет собой обобщение (2). По Сэлмону, гость хотел сказать: «Существует уникальный размер вашей яхты r ; и я думал, что существует уникальный размер вашей яхты и что он больше r ». Символически:

$$(3) [\text{the } r: r=S_u a] B([\text{the } x: x=S_u a] x>r)$$

Анализ Каплана – Сэлмона свободен от дефекта, обнаруженного Крипке в парафразе Рассела: ни (2), ни (3) не приписывает гостю определенного мнения о том, какое число выражает размер яхты (в тех или иных единицах). Однако этот анализ содержит аналогичный дефект: он предполагает, что гость имел в виду определенное число, о котором думал, что размер яхты превышает это число. Иначе говоря, согласно данному анализу, гость, не имея определенного мнения о размере яхты, имел вполне определенное мнение о его нижнем пределе (в версии Каплана это 1 рассел). Таким образом, данный анализ,

¹ Строго говоря, здесь следует использовать символ « $B_{A,t}$ », где « A » отсылает к агенту (посетителю яхты), а t – к соответствующему моменту времени. Я здесь и далее экономлю на индексах, поскольку их значение задано контекстом.

как и анализ Рассела, атрибутирует гостю мнение *de re* об определенном числе, что, опять же, не соответствует стандартной практике использования предложений типа (P).

2. Объектная интерпретация

2.1. Объектная интерпретация I (мое прежнее предложение)

Чтобы устранить указанные недостатки (1) и (2), я в одной из своих публикаций [Борисов, 2013] предложил: 1) **применять компаративные предикаты «больше» и «равны» не к размерам, а непосредственно к объектам; 2) трактовать (P) как сравнение яхты с неким объектом для сравнения.**

В основе первого предложения лежит тот факт, что при сравнении объектов мы не всегда принимаем в расчет их размеры: увидев два растущих рядом дерева, я могу констатировать, что одно из них выше другого, даже если не имею никакого представления о высоте каждого из них. При такой интерпретации (P) – я называю ее объектной – функция «размер» (S_x), фигурирующая в (1) – (3), не используется.

Второе предложение мотивировано следующим соображением. Почему гость думал, что яхта *больше*, чем она есть, а не, например, *меньше*? Я предположил, что это обусловлено тем, что гость сравнил обе «ипостаси» яхты (действительную и мнимую) с некоторым объектом (или рядом объектов). Например, он мог раньше думать, что яхта равна по величине этому пирсу, но теперь (в момент произнесения (P)) увидел, что пирс больше. В обобщенном виде соответствующая пропозиция может быть представлена так:

$$(4) \exists x [B(x=a) \ \& \ x > a],$$

где « x » пробегает по объектам, и к объектам же применяются предикаты «быть одной величины» (=) и «быть больше» (>)².

Этот анализ имеет как минимум два недостатка: 1) он постулирует неявную референцию к объекту для сравнения, которой нет в поверхностной структуре (P); 2) он допускает очевидно неадекватное прочтение: «Я думал о некотором объекте, что он меньше [чем он есть]». Первый недостаток (4) разделяет с (1) – (3), поскольку (1) – (3) равным образом содержат элементы, отсутствующие в поверхностной структуре (P) – функцию «размер» и референцию к единицам измерения размера. Второй недостаток является специфическим для (4).

² Конечно, здесь возможны и другие варианты, например: $\exists x (B(x < a) \ \& \ x > a)$.

Указанные дефекты не позволяют считать, что данный анализ имеет преимущество перед альтернативными версиями; я рассматриваю (4) не как окончательный результат, но как пробный шаг в направлении объектной интерпретации (P).

2.2. Объектная интерпретация II (версия Горбатова)

Горбатов [Горбатов, 2016] предлагает любопытную модификацию (4), основанную на интерпретации предикатов « $\Rightarrow$ » и « $\langle \rangle$ » как кросс-мировых предикатов в рамках семантики возможных миров. По моему мнению, предложенный им анализ неприемлем, но лежащая в его основе идея – интерпретировать предикат «больше» в (P) как кросс-мировой – мне кажется продуктивной, поскольку позволяет дать анализ (P), имеющий существенные преимущества перед всеми приведенными выше вариантами. В этом разделе статьи я представляю подход Горбатова и мои возражения против него; в следующем разделе я предлагаю свою версию анализа (P), основанную на трактовке предиката «больше» как кросс-мирового.

Горбатов анализирует (P), используя аппарат «кросс-мировой субъонктивной модальной логики» (CSML), разработанной Вемейером [Wehmeier, 2012] для анализа предложений, описывающих кросс-мировые факты, таких как

(5) *Джон мог бы быть выше, чем Мэри, как она есть.*

Полное изложение синтаксических и семантических положений CSML представлено в [Wehmeier, 2012]; я приведу несколько положений, существенных для последующих рассуждений.

1) Экстенционал двухместного³ кросс-мирового предиката R определяется относительно каждой пары возможных миров $\langle v, w \rangle$ как подмножество $D_v \times D_w$, где D_x – домен возможного мира x .

2) Кросс-мировые предикаты принимают изъявительное или сослагательное наклонение относительно своих аргументов. Если в формуле F кросс-мировой предикат R стоит в изъявительном наклонении относительно аргумента x , то при истинностной оценке F x следует оценивать на действительном мире независимо от того, относительно какого мира проводится истинностная оценка F; если R стоит в сослагательном наклонении относительно аргумента x , то x следует оценивать на том возможном мире, относительно которого производится истинностная оценка F. Наклонения кросс-мировых предикатов маркируются верхними индексами: « i » для изъявительного наклонения и « s » для сослагательного.

³ Далее для кросс-мировых предикатов двухместность предполагается по умолчанию.

3) Аналогичным образом определяется и индексируется наклонение кванторов: если в формуле F квантор стоит в изъявительном наклонении ($\forall^i, \exists^i$), то он пробегает по домену действительного мира (независимо от того, в каком мире производится истинностная оценка F); квантор, стоящий в сослагательном наклонении ($\forall^s, \exists^s$), пробегает по домену того мира, в котором производится истинностная оценка F .

4) Формула является предложением только если она является «субъонктивно замкнутой» [Wehmeier, 2012, p.113], т. е. если каждый индекс « s » в ней входит в область действия какого-либо модального или эпистемического оператора; в противном случае она является «субъонктивно открытой» и не имеет фиксированного истинностного значения.

В качестве примера использования CSML приведу Вемайеров анализ (5):

$$(6) \diamond^j s R m^i,$$

где « R » – символ для кросс-мирового предиката «выше»; « j » обозначает Джона, а « m » – Мэри⁴. Оператор возможности в совокупности с индексами наклонения определяет следующие условия истинности для (6): (6) истинно тогда и только тогда, когда существует возможный мир w , достижимый из действительного мира, такой что $\langle$ Джон, Мэри $\rangle$ принадлежит экстенсionalу « R » для $\langle w$, действительный мир $\rangle$.

Используя данный аппарат, Горбатов предлагает следующий анализ (Р):

$$(7) \exists x (B(x^s = a^i) \& x^i > a^i),$$

где « $=$ » и « $>$ » понимаются как кросс-мировые предикаты [Горбатов, 2016, с. 351]. В этой формуле эпистемический оператор « B » действует как квантор всеобщности применительно к альтернативам гостя на момент t , к которому отсылает глагол «думал»: « Bp » говорит, что пропозиция p истинна во всех возможных мирах, совместимых с мнениями, которые гость имел в t . (Если считать, что из действительного мира достижимы только альтернативы гостя на момент t , то « B » действует как оператор необходимости.)

Прежде чем обсуждать данный анализ, я хочу внести в (7) два уточнения (они не повлияют на последующую критику данного анализа).

⁴ Пример Вемайера [Wehmeier, 2012, p. 116]. Вемайер записывает (6) следующим образом: $\diamond^T s^j m$. Я использую нотацию Горбатова. Вемайер рассматривает имена «Джон» и «Мэри» как жесткие десигнаторы, что позволяет ему не использовать в формуле (6) лямбда-оператор. Равным образом, я не использую лямбда-оператор в последующих формулах, содержащих « a » и эпистемический оператор, поскольку рассматриваю « a » как жесткий десигнатор, указывающий на обсуждаемую яхту во всех релевантных возможных мирах. Думаю, это относится и к обсуждаемому ниже анализу Горбатова.

1) Поскольку в (7) переменная « x » является аргументом кросс-мировых предикатов, связывающий ее квантор должен иметь определенное наклонение. При этом квантор не входит в область действия эпистемического оператора, поэтому – коль скоро мы предполагаем, что (7) является предложением, а не субъонктивно открытой формулой, – он должен иметь изъявительное наклонение.

2) (P) говорит о том, что гость имел неадекватное представление о яхте, а не об объекте для сравнения, который является одним из значений переменной « x ». Поэтому кросс-мировой предикат « $\equiv$ » должен иметь сослагательное наклонение относительно a и изъявительное относительно x .

Думаю, не искажу замысел В. Горбатова, если – с учетом данных уточнений – представлю предложенный им анализ как (8):

$$(8) \exists^i x (B(x^i = a^s) \& x^i > a^i).$$

Я считаю этот анализ неприемлемым по двум причинам.

1) Объектом мнения, которое (8) приписывает гостю, является кросс-мировая пропозиция (будем называть так пропозиции, выражаемые с использованием кросс-мировых предикатов). Само по себе это в порядке вещей; если мы принимаем идею кросс-мировой предикации, то вполне естественно думать, что, например, следующие предложения атрибутируют Ивану веру в кросс-мировые пропозиции:

(9) *Иван думает, что Монблан мог быть выше, чем Джомолунгма, как она есть по мнению Ивана.*

(10) *Иван думает, что Петр считает, что Монблан выше, чем Джомолунгма, как она есть по мнению Ивана.*

(9) приписывает Ивану мнение, согласно которому в некотором возможном мире Монблан выше, чем Джомолунгма, как она есть в мире, который Иван считает действительным. (10) приписывает Ивану мнение, согласно которому во всех альтернативах Петра Монблан выше, чем Джомолунгма, как она есть в мире, который Иван считает действительным. Поэтому придаточные предложения в обоих случаях содержат фразы, указывающие на соответствующие операторы: (9) содержит фразу «мог быть», которая является эквивалентом оператора возможности; (10) содержит фразу «Петр считает, что», соответствующую эпистемическому оператору.

Однако (P) не содержит фраз, указывающих на необходимость использования того или иного модального или эпистемического оператора при анализе придаточного предложения. Таким образом, (8) содержит дополнительный (по сравнению с (4)) пункт несоответствия поверхностной структуре (P). Это возражение можно объявить незначительным: один пункт – это не более чем один пункт. Однако следующее возражение мне представляется существенным.

2) При истинностной оценке (8) действительный мир – это мир, в котором гость произносит (Р), обнаружив, что в t он имел неверное представление о величине яхты. Обозначим этот w_0 . В момент произнесения (Р) w_0 является для гостя действительным миром, однако в t он еще не был таковым: w_0 не совместим с некоторыми представлениями, которые гость имел в t , поэтому в t он был для гостя только одним из возможных миров. Таким образом, пропозиция, веру в которую (8) атрибутирует гостю, состоит в том, что яхта, какой гость ее себе представлял в t (яхта, как она есть в мире, который гость считал действительным в t), равна по величине некоторому объекту, как он есть в w_0 – одном из миров, которые гость в t считал возможными. Если бы гость в t захотел высказать мнение, которое ему атрибутирует (8), он мог бы сказать, например:

(11) Яхта, как она есть, равна по величине некоторому объекту, каким он мог бы быть при таких-то обстоятельствах.

Поскольку гость высказывает (11) в t , фраза «как она есть» отсылает не к w_0 , но к тому миру, который гость считал действительным в t : это один из миров, к которым отсылает индекс « s » в (8). Фраза «мог бы быть» указывает на то, что гость сравнивает яхту (какова она мире, который он в t считает действительным) с объектом, каков он в некотором возможном мире (мире, который для него является возможным в t). Фраза «при таких-то обстоятельствах» указывает на то, что гость имеет в виду вполне определенный возможный мир (w_0). Подчеркну: в стандартном случае употребления таких фраз, как «возможно», «мог бы быть» и т. п., мы имеем в виду, что существует *некий* возможный мир с определенными характеристиками, но не имеем в виду какой-либо *определенный* возможный мир. Однако (11) содержит отсылку к вполне определенному возможному миру. Поэтому мнение, которое (8) приписывает агенту, имеет довольно эксцентричный характер, и представляется очевидным, что анекдот Рассела не дает оснований для его атрибуции гостю.

2.3. Объектная интерпретация III (мое актуальное предложение)

В этом разделе я предлагаю свою версию анализа (Р), основанную на предложении Горбатова интерпретировать слово «больше» как кросс-мировой предикат.

Если мы интерпретируем слово «больше» в (Р) как кросс-мировой предикат, мы можем трактовать (Р) как сравнение яхты с нею самой и использовать в анализе (Р) подформулу « $a^s > a^t$ ». В этом случае

предположение, что гость имел в виду некоторый объект для сравнения, оказывается излишним, что позволяет устранить из анализа (P) переменную «x», как она используется в (4) и (8), и предикат «=».

Чтобы искомый анализ был субъонктивно замкнутым, выражение « a^s » должно подчиняться некоторому эпистемическому оператору. Однако соображения, изложенные в предыдущем разделе, показывают, что пропозиция, выражаемая подформулой « $a^s > a^i$ », не была объектом мнения агента в t . Я попытался показать, что (8) атрибутирует гостю эксцентричное мнение и что эксцентричность последнего обусловлена тем фактом, что в подформуле, выражающей это мнение ($x^i = a^s$), фигурирует индекс индикативности. Этот аргумент применим и к « $a^s > a^i$ »: (P) нельзя анализировать как $V(a^s > a^i)$, поскольку в t гость еще не сравнивал яхту, какой он ее себе представлял, с яхтой, какова она в w_0 . Таким образом, в искомом анализе необходимо использовать иной эпистемический оператор. Какой же именно?

Я предлагаю отказаться от интерпретации (P) как атрибуции пропозициональной установки. Это предложение мотивировано тем, что с точки зрения поверхностной структуры (P) не указывает на какую-либо пропозицию как объект веры гостя в t . Во всех версиях анализа, рассмотренных выше, пропозиция – предполагаемый объект веры гостя в t – конструируется с использованием элементов, о которых в (P) не упоминается: размера, как в (1) – (3), или объекта для сравнения, как в (4) и (8). Однако каждый раз использование этих дополнительных элементов порождает определенные проблемы.

В качестве альтернативы я предлагаю рассматривать (P) как кросс-мировое сравнение яхты, какова она в альтернативах гостя на момент t , и яхты, какова она в действительности. Альтернативы гостя на момент t – это возможные миры, совместимые с его мнениями в t , поэтому мнения, которые гость имел в t , имеют косвенное отношение к содержанию (P), однако (P), повторяюсь, не специфицирует ни одно из этих мнений. То, о чем сообщает (P), это не отношение, которое гость имел в t к некоторой пропозиции, но отношение, которое он имел в t к определенному объекту: не пропозициональная, но объектная установка. Для атрибуции объектной установки необходим оператор, задействующий альтернативы агента A на момент t ; обозначу этот оператор символом « $O_{A,t}$ ». Этот оператор действует как квантор всеобщности, связывающий переменную для альтернатив A на момент t . Поскольку в нашем анализе (P) значения индексов «A» и « t » очевидны, я их в нижеследующей формуле опускаю. Итак, предлагаемый анализ выглядит следующим образом:

$$(12) O(a^s > a^i)$$

Истинностные условия (12) таковы:

во всех возможных мирах, совместимых с мнениями гостя в t , яхта больше, чем как она есть в действительном мире,

или: для каждого возможного мира w , совместимого с мнениями гостя в t , пара $\langle a, a \rangle$ принадлежит экстенционалу $\langle \rangle$ для $\langle w, w_0 \rangle$.

Достоинства (12) состоят в том, что этот анализ чисто отображает поверхностную структуру (P) и не имеет контр-интуитивных импликаций, присущих рассмотренным выше версиям анализа (P). Стоит отметить, что использование оператора аскрипции объектной установки (O) не налагает на нас каких-либо онтологических обязательств помимо обязательств, связанных с использованием оператора аскрипции мнения (B). «B» выполняет две функции – указания на определенное множество альтернатив и аскрипции пропозициональной установки; «O» выполняет только первую из этих функций: «O» – это усеченная версия «B». Поэтому любая семантика, допускающая использование «B» и кросс-мировую предикацию, допускает и использование «O».

Недостатком данного анализа является тот факт, что он постулирует семантическую неоднозначность глагола «думать»: принимая данный анализ, мы должны согласиться, что в некоторых контекстах глагол «думать» указывает на пропозициональную установку, а в некоторых – на объектную. Думаю, что указанные достоинства (12) перевешивают данный недостаток.

Список литературы

Борисов, 2013 – *Борисов Е.В.* О семантике компаративных предикатов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. Т. 22. № 2. С. 219–225.

Горбатов, 2016 – *Горбатов В.В.* Семантика компаративных предикатов в интенциональных контекстах: двумерный подход // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. Т. 34. № 2. С. 345–353.

Kaplan, 1973 – *Kaplan D.* Bob and Carol and Ted and Alice // *Approaches to Natural Language* / Ed. by K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, P. Suppes. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 490–518.

Kripke, 2005 – *Kripke S.* Russell's Notion of Scope // *Mind*. 2005. Vol. 114. No. 56. P. 1005–1037.

Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

Salmon, 2009 – *Salmon N.* Points, Complexes, Complex Points, and a Yacht // *Russell vs. Meinong* / Ed. by N. Griffin, D. Jacquette. N. Y.; L.: Routledge, 2009. P. 343–364.

Wehmeier, 2012 – *Wehmeier K.* Subjunctivity and Cross-World Predication // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2012. Vol. 159. No. 1. P. 107–122.

References

Borisov E.V. O semantike komparativnykh predikatov [On Semantics of Comparative Predicates]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 219–225. (In Russian)

Gorbatov V.V. Semantika komparativnykh predikatov v intensionalnykh kontekstakh: dvumernyy podkhod [Semantics of Comparative Predicates in Intensional Contexts: A Two-Dimensional Approach]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, vol. 34, no. 2, pp. 345–353. (In Russian)

Kaplan D. Bob and Carol and Ted and Alice. In: K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, P. Suppes (eds.). *Approaches to Natural Language*. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1973, pp. 490–518.

Kripke S. Russell's Notion of Scope. *Mind*, 2005, vol. 114, no. 456, pp. 1005–1037.

Russell B. On Denoting. *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Salmon N. Points, Complexes, Complex Points, and a Yacht . In: N. Griffin, D. Jacquette (eds.). *Russell vs. Meinong*. New-York, London: Routledge, 2009, pp. 343–364.

Wehmeier K. Subjunctivity and Cross-World Predication. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 2012, vol. 159, no. 1, pp. 107–122.

КТО ИМЕННО ДУМАЛ, ЧТО «ЯХТА БОЛЬШЕ [ЧЕМ ОНА ЕСТЬ]»?

Горбатов Виктор Викторович – старший преподаватель. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: vgorbatov@hse.ru

Данная статья является ответом на высказанную Е.В. Борисовым критику моей интерпретации знаменитого расселовского предложения о величине яхты. Отчасти принимая эту критику и соглашаясь с необходимостью более четкого различения семантического содержания и условий истинности, я, тем не менее, считаю необходимым дополнительно прояснить идейные основания своего анализа. Также я указываю на основной недостаток подхода Е.В. Борисова: его трактовка упускает из виду «рефлексивную» часть содержания анализируемого предложения.

Ключевые слова: семантика возможных миров, объектная установка, центрированные миры, семантическое содержание, рефлексивное содержание, условия истинности

WHO WAS THINKING THAT YACHT WAS LARGER THAN IT IS?

Victor Gorbatov – senior lecturer. National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnienskaya St., Moscow, 101000 Russian Federation; e-mail: vgorbatov@hse.ru

The present paper is a reply to Borisov's recent criticism of my interpretation of Russell's joke about yachts. *I partially agree with him in the issue of semantic content / truth conditions differentiation.* Nevertheless, *I deem it necessary to clarify the basic idea of my approach and to draw attention the main drawback of the Borisov's 'objectual analysis III' – namely, his interpretation ignores the "reflexive" content of the analyzed sentence.*

Keywords: possible worlds semantics, objectual attitude, centered worlds, semantic content, reflexive content, truth conditions

В своей статье Е.В. Борисов дает развернутый и детально обоснованный логический анализ предложения (P), послужившего предметом знаменитой шутки Рассела [Russell, 1905, p. 489] о величине яхты. В статье критикуется сформулированная мной [Горбатов, 2016a] на основе подхода К. Вемайера [Wehmeier, 2012] «объектная интерпретация-II» этого предложения и предлагается альтернативная трактовка, лишенная критикуемых недостатков. Отчасти принимая критику автора и соглашаясь с ним по многим пунктам анализа, я бы хотел (1) прояснить идейные основания своей позиции, в том числе обсуждаемые в моей более поздней статье [Gorbatov, 2016b] и (2) выдвинуть одно принципиальное возражение против усовершенствованной версии его собственного подхода («объектной интерпретации-III»).

Трактовка предложения «Я думал, ваша яхта больше [чем она есть]», сформулированная мной в [Горбатов, 2016a], действительно может быть выражена формулой

$$(8) \exists^t x (B(x^i = a^s) \& x^i > a^i),$$

в то время как усовершенствованная интерпретация Борисова выглядит более лаконично:

$$(12) O(a^s > a^i).$$

По мнению автора, мой анализ включает в содержание (P) больше, чем следует. А именно, он приписывает субъекту веру в кросс-мировую пропозицию $x^i = a^s$, которой, возможно, у него никогда не было. В любом случае, как отмечает Борисов, приписывание этой веры не соответствует поверхностной структуре предложения (P).

Я принимаю это возражение, но лишь отчасти. Вероятно, (8) на самом деле предлагает такую интерпретацию, которая включает в содержание (P) некоторые компоненты, относящиеся скорее к условиям истинности (P). Лишь в этом смысле, признавая различие между содержанием и условиями истинности, я соглашусь, что вложил в содержание (P) *больше*, чем следовало.

Действительно, мнения $x^i = a^s$ у субъекта вполне могло не быть в момент t , когда он еще ошибался насчет величины яхты. По крайней мере, это мнение могло не осознаваться им со всей определенностью и отчетливостью. Однако в момент t_p , когда он произносит предложение (P) и признает свою ошибку, он должен уже осознавать, в чем именно его ошибка заключалась. А для этого ему придется ретроспективно произвести экспликацию содержания своих прежних представлений о яхте и приписать себе мнение $x^i = a^s$. Таким образом, спор упирается в проблему экспликации субъектом его мнений и нашего права атрибутировать ему эти мнения до и после их экспликации.

Это очень серьезная проблема, решить которую в рамках короткой реплики вряд ли возможно. В общих чертах свою позицию я бы обозначил следующим образом: опасения насчет поспешной атрибуции мнений были бы оправданы, если бы мы не умели адекватно описывать *динамику* его убеждений¹. В настоящий момент у нас есть теоретический аппарат динамической эпистемической логики, позволяющий сравнивать мнения субъекта, в том числе о самом себе, в различные моменты времени – см., напр., [Stalnaker, 2008, p. 69–74]. Поэтому мы вполне способны использовать формулу (8) как отражающую содержание текущего утверждения субъекта², не навязывая ему никаких частей этого содержания в качестве его былых мнений постфактум.

¹ Как это было, например, в эпистемической логике «первого поколения», предложенной Я. Хинтиккой в 1962 г., где познающий субъект внешним образом ассоциировался с тем или иным отношением достижимости между возможными мирами.

² В данном случае это содержание, среди прочего, предполагает собственную экспликацию им самим его былых мнений.

Более серьезным возражением Борисова является то, что при истинностной оценке (8) кроме действительного мира w_0 , в котором субъект произносит свое предложение о яхте, используется один из возможных миров (назовем его w_1), к которым отсылает индекс «s». Причем имеется в виду «вполне определенный возможный мир», а не просто «некий возможный мир с определенными характеристиками». Такой анализ, согласно Борисову, неизбежно влечет экспликацию предыдущего мнения субъекта – того ошибочного мнения, которое он имел о величине яхты в момент t , – как мнения о тождестве двух объектов, один из которых *яхта, как она есть в мире, который гость считал действительным в t* , другой – *яхта, какой она могла бы быть при таких-то обстоятельствах* (т. е. как она есть мирах, совместимых с представлениями субъекта в момент t). Если таких миров было множество, то какой из них должен быть выбран в качестве w_1 ?

В ответ на это замечание я могу сказать, что формула (8), содержащая доксистический оператор В, вовсе не обязывает нас при установлении объекта сравнения искать некий единственный контрфактический мир, как это было бы в случае использования оператора возможности. Она отсылает нас к доменам всех возможных миров, эпистемически неразличимых для субъекта в тот момент, который нас интересует.

На мой взгляд, предложение (Р) следует интерпретировать в терминах центрированных, а не обычных возможных миров. Как я отмечаю в [Gorbatov, 2016b], ошибка гостя насчет величины яхты действительно была ошибкой насчет возможных миров – он неправильно оценил, какой из них является действительным. Это ошибка фактическая, не логическая. Ошибка хозяина яхты – совсем другого рода, ее нельзя описать в терминах обычных возможных миров. Интерпретируя слова гостя, он атрибутировал ему мнение, которого тот не придерживался. Другими словами, он ошибся в выборе способе центрирования одного и того же мира, а не в выборе какого-то мира среди возможных.

Относительно предложенной Борисовом «объектной интерпретации-III» следует заметить, что она включает в содержание (Р) меньше, чем следует. Формула (12) схватывает только объективную сторону содержания (Р), упуская из виду «рефлексивное» (в терминах Дж. Перри) содержание. Даже поверхностная структура рассматриваемого предложения включает в себя местоимение «Я» и доксистический оператор «думал». На мой взгляд, невозможно адекватно интерпретировать содержание (Р), упустив из виду, что в нем субъект говорит в том числе и о себе самом. Существенной частью содержания рассматриваемого предложения (Р) является эгоцентрическое убеждение «Я [теперь] признаю, что я [тогда] ошибался». А эгоцентрические убеждения следует интерпретировать в терминах центри-

рованных миров. Какой именно способ центрирования здесь нужно предпочесть, это вопрос открытый. Я продолжаю придерживаться мнения, высказанного мной в предыдущей статье [Gorbatov, 2016b], что здесь должна использоваться 2D семантика. Однако в настоящий момент наиболее подходящим вариантом мне представляется не эпистемический 2-димионализм Чалмерса, а семантика центрированных миров, предложенная Столнейкером в [Stalnaker, 2008, p. 69–74].

Список литературы

- Горбатов, 2016а – *Горбатов В.В.* Семантика компаративных предикатов в интенциональных контекстах: двумерный подход // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. Т. 34. № 2. С. 345–353.
- Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.
- Stalnaker, 2008 – *Stalnaker R.* Our Knowledge of the Internal World. Oxford: Oxford University Press, 2008. 148 p.
- Wehmeier, 2012 – *Wehmeier K.* Subjunctivity and Cross-World Predication // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2012. Vol. 159. No. 1. P. 107–122.
- Gorbatov, 2016b – *Gorbatov V.V.* Why Don't 2D Jokes Fall Flat? A Two-dimensional Interpretation of Russell's Joke about the yachts // *Basic Research Programme. Series HUM "Humanities"*. 2016. No. 131. P. 116–131.

References

- Gorbatov V.V. Semantika komparativnykh predicatov v intensionalnykh kontekstakh: dvumernyy podkhod [Semantics of Comparative Predicates in Intensional Contexts: A Two-Dimensional Approach]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, vol. 34, no. 2, pp. 345–353.
- Gorbatov V.V. Why Don't 2D Jokes Fall Flat? A Two-dimensional Interpretation of Russell's Joke about the yachts . In: *Basic Research Programme. Series HUM "Humanities"*, 2016, no. 131, pp. 116–131.
- Russell B. On Denoting. *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.
- Stalnaker R. *Our Knowledge of the Internal World*. Oxford University Press, 2008, 148 pp.
- Wehmeier K. Subjunctivity and Cross-World Predication. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 2012, vol. 159, no. 1, pp. 107–122.

ПОПРАВЛЯЯ ТАКЕЛАЖ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ СУЩЕСТВУЕТ «ОБЪЕКТНЫХ» УСТАНОВОК*

Микиртурмов Иван Борисович – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

В статье обсуждаются некоторые проблемы формализации расселовского примера с яхтой и предложение Евгения Борисова об использовании «объектных» установок. Эта идея кажется мне неверной содержательно, а её формальная реализация терпит неудачу. Я считаю, что формализация примера с яхтой должна, во-первых, учитывать прагматику употребления соответствующей фразы, во-вторых, использовать указание на ментальные репрезентации объектов. Для этого могут использоваться пропозиции, отражающие техническую сторону семантических отношений.

Ключевые слова: дескрипция, пропозиция, объект, эпистемические установки, ментальные репрезентации

ARRANGING THE RIGGING, OR WHY “OBJECT” ATTITUDES DO NOT EXIST

Ivan Mikirtumov – DSc in Philosophy, professor. Saint Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

The article deals with some problems of formalization of Russell's example with a yacht and Eugeny Borisov's proposal concerning the usage of “object” attitudes. This idea seems wrong to me in terms of its contents, besides its formal realization fails. I believe that formalization of the example with a yacht must, firstly, take into account the pragmatics of the phrase's usage and, secondly, point at the mental representations of the objects. To do this, one can use propositions reflecting a technical aspect of semantic relations.

Keywords: description, proposition, object, epistemic attitudes, mental representations

Предложенный Евгением Борисовым анализ известного расселовского примера

(Р) Я думал, ваша яхта больше

заставляет по-новому посмотреть на известные вещи. Сначала я затрону некоторые общие проблемы, связанные со значением (Р), а затем покажу, почему идея Борисова неудачна. Поскольку я не выхожу за пределы материалов его статьи, ссылки на литературу опускаются.

Логический анализ значения выражений естественного языка имеет задачу вполне конкретную – представить его в логической форме, отражающей функциональные связи, которые обеспечивают уста-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00321 «Композициональность и некомпозициональность: логическая теория и прагматика».

новление значения. Эти связи относительны, т. е. зависит от области и характера употребления выражения. Конечная цель формализации состоит в том, чтобы сделать установление значения до некоторой степени алгоритмической процедурой.

Начну с примера, наводящего на проблему яхты. В «Похождениях бравого солдата Швейка» кадет Биглер объелся линцскими пирожными, с ним приключилась досадная оплошность, штабной врач диагностировал у Биглера холеру и отправил его в холерный барак. Кадет, однако, быстро пришёл в себя и вернулся в строй. Предположим, что штабной врач узнаёт об этом и реагирует так:

(В) Я думал, что у Биглера холера, а он, оказывается, объелся пирожными.

Дисциплинарная среда, в которой происходят приключения Биглера, определяет прикладную онтологию, куда входят домены больных, врачей, диагнозов, моментов времени, помещений, лекарств и пр., так что значение (В) можно описать так:

(В*) Я (полковой врач) неделю назад усмотрел основания для постановки Биглеру диагноза «холера», а другим врачом ему был позже поставлен диагноз «функциональное расстройство, вызванное перееданием пирожных», который подтвердился.

Атомарные единицы языка – «Биглер», «врач N», «диагноз», «холера», «функциональное расстройство», «неделю назад», «позже» надёжно снабжены референцией, т. к. используются с конкретными коммуникативными целями в подготовленной для этого среде. Установка «думал» интерпретируется как «квалифицировал состояние больного и зафиксировал это в истории болезни», предикат Q_t – овременённое отношение между больным и его состоянием, которое имеет место тогда, когда больному на момент времени поставлен определённый диагноз. Формально (В) следует записать так:

(B^{LF}) $Bel(N, t, Q_t$ (Биглер, холера))

$\wedge Bel(N, t', Q_{t'}$ (Биглер, функциональное расстройство))

Предполагается известным: (1) если в графе «диагноз» в момент t записано А, то любые иные диагнозы тем самым отвергаются, (2) если в графе «диагноз» в момент t записано А, то это так для всех последующих моментов времени вплоть до смены диагноза или его отмены (признания здоровым), (3) «я думал» играет роль признания ошибки, а констатация демонстрирует обновлённое знание полкового врача. Информационные системы медицинских учреждений разнообразны, так что если какая-то из них будет иметь своей задачей анализ комментариев врачей к своим диагнозам, то ей нетрудно будет адекватно интерпретировать и высказывания типа (В).

Этот пример показывает, что в прикладной онтологии объекты всегда представлены как компоненты пропозиций, связанных с фиксированным набором предикатов.

Что значит «больше»?

Интенционал «больше» – это способ верификации: «Москва больше Санкт-Петербурга» указывает на измерение площади, «Пушкин больше Жуковского» на экспертные оценки дарования и влияния. Помимо метрических, в частности, числовых характеристик смысл предиката «больше» может быть задан наглядными операциями с предметами или их образами. «Это дерево больше того» может предполагать операцию наложения образов деревьев, «Эта матрёшка больше той» может предполагать помещение (возможно, вслепую) второй матрёшки внутрь первой. Мы знаем, что значит «больше», когда умеем сравнивать объекты по определённым признакам. Ментальная репрезентация этих признаков для каждого из объектов сравнения абсолютно необходима, так что фраза « a больше b » – это эллипсис фразы « a больше b по признаку f или в отношении операции сравнения g ». Тот факт, что не всякий человек, осуществляющий сравнение a и b , готов раскрыть эллипсис « a больше b » указанным способом, не означает, что он не сможет этого сделать после некоторой работы по уточнению семантики «больше». Отсюда следует, что предикат «больше» является не двухместным, а трёхместным, и что «больше¹» фундирует любое из отношений «больше²». В роли третьего аргумента «больше³» выступает допускающее степени качество – основание сравнения. Верификация степени присущности признака объекту осуществляется агентом с использованием самых разнообразных когнитивных механизмов, работающих с категорией количества.

«Поверхностная структура» и эллипсис

Одни из аргументов Евгения Борисова в пользу недопущения «лишних» терминов – «числовой размер», «величина», «эталонная единица» и пр. при анализе (Р) состоит как раз в том, что «поверхностная структура» (Р) этих терминов не содержит. Принять этот аргумент нельзя, т. к. интендируемое говорящим значение эллиптической фразы не отличается от значения, которая она имеет в полной форме. Задача же воспроизведения «поверхностной структуры» в данном слу-

¹ Цитата даётся по рукописи статьи Е.В. Борисова, опубликованной в настоящем номере.

чае если и имеет смысл, то только как этап в устранения эллипсиса, где центральную роль играют обращение к контексту и к фоновым знаниям. В следующих фразах первая часть подобна (P), а вторая поясняет основание сравнения и раскрывает эллипсис:

(P₁) Я думал, этот роман интереснее (более интересен), я неоднократно засыпал / я многое пролистывал / я читал такое раньше.

(P₂) Я думал, эти духи тоньше (более тонкие), они пахнут резко / стандартные цветочные ароматы / запах имеет один слой.

(P₃) Я думал, этот автомобиль вместительнее (более вместительен), все эти книги сюда не поместятся / эти люди сюда не поместятся / я сюда не помешусь.

При коммуникации без таких пояснений можно обойтись, поскольку мы, как правило, раскрываем эллиптические формы из контекста и фоновых знаний достаточно точно:

для (P₁) содержание романа не удивляет и не увлекает,
 для (P₂) в духах мало разнообразия и избыток определённости,
 для (P₃) в автомобиль что-то плохо помещается.

Раскрытие эллипсиса, в форме которого мы обычно встречаем предикат «больше» – это особая задача, не имеющая отношения к значению (P). Исследуя последнее, мы проходим сквозь эллипсис до полной формы пропозиции «*a* больше *b* по основанию сравнения *f*».

Условия для «думал»

Диалог гостя и хозяина из примера Рассела предполагает некоторые условия, соответствующие, по словам Борисова, «стандартной практике использования предложений типа (P)». Приведу только два условия.

Во-первых, гость в прошлом составил себе некоторое представление относительно размеров яхты. При этом он оперирует жёстким десигнатором «ваша яхта», в число идентифицирующих признаков которого может не входить не только конкретный размер, но и вообще свойство иметь размер:

- Эта яхта такого размера, какой вы ожидали встретить?
- О размере яхты я не думал, а вот об её оснащении думал лучше.
- Я думал, ваша яхта больше.
- Она имеет стандартный размер для своего класса.
- Да, но мой контрабас не пролезает в дверь каюты.

Во-вторых, чтобы обнаружить различие между своими предположениями и действительностью, у гостя должно возникнуть ментальное состояние, в котором репродуцируются предполагавшиеся им ранее характеристики яхты:

- Ушибли руку о потолок?
- До этого случая я думал, что ваша яхта больше.
- Но вы же были на ней месяц назад.
- Тогда я не пытался делать гимнастических упражнений.

Вызвать такие ментальные состояния могут не только попытки реализовать спланированные действия, но и спонтанная сенсомоторная активность. Даже если речь, в самом деле, идёт о размерных параметрах «плавсредства», то в дело могут идти как числовые характеристики, так и ментальные репрезентации ранее воспринимавшихся яхт. При сравнении воображаемой и актуальной яхт гость обладает дискурсивно или сенсомоторно сгенерированным знанием основания сравнения.

Что задаётся дескрипцией?

Критика формализации Рассела со стороны Крипке состоит в том, что возникшие дескриптивные термы имеют денотатами числовые величины, в то время как гость яхты мог не иметь в виду никакой конкретной величины. Это замечание снимается не модификациями логической формы, а уточнением прикладной онтологии. Как было показано выше, никакое сравнение объектов невозможно без ментальной репрезентации наличия у них основания сравнения – признака, допускающего степени. Этот признак не всегда является числовой метрикой, а в примере Рассела он, скорее всего, имеет сенсомоторную природу. Для формализации (P) требуется универсальное описание основания сравнения, и оно у нас есть, поскольку, идёт ли речь о численных характеристиках размеров или о сенсомоторных образах и реакциях, в обоих случаях мы сталкиваемся с ментальной репрезентацией наличия у объекта признака сравнения. На эту репрезентацию и указывают дескрипции «величина вашей яхты», «размер вашей яхты» и т. п. Каков же её референт?

В прикладной онтологии информационной системы конкретные величины и иные характеристики объектов закладываются изначально, хотя могут оставаться неизвестными эпистемическим субъектам. Но в формальной онтологии мы ориентируемся на процедуру установления референта и, следуя за Ричардом Монтегю, обнаруживаем, что ментальную репрезентацию присущности яхте признака – основания сравнения для «больше³» можно выразить как свойство концепта яхты. В самом деле, интенционал жёсткого десигнатора «ваша яхта» предполагает набор всегда присущих ей свойств-1. Некоторые из таких свойств-1 обладают свойством-2 быть присущими яхте в определённой степени, а именно, в такой, которая адекватна ожиданиям

гостя. Опыт его актуального взаимодействия с яхтой формирует новую ментальную репрезентацию, характеризующую иное свойство-2 того же самого свойства-1. Таким образом, дескрипция вида «размер вашей яхты» указывает не на объект, а на свойство-2 свойства-1 яхты, т. е. на характер присущности. Предикат «больше» выражен здесь предикатом «присущ в большей степени³». При попытке формализации (P) следует искать логическую форму, открытую для каждого конкретного уточнение значения предиката «больше» и прагматики использования «думал». Мой вариант предполагает онтологию ментальных репрезентаций, выразимых как свойства концептов. R^{comp} – основание сравнения, S и T – свойства быть присущим с определённой интенсивностью, $SupAttr$ – «присущ в большей степени»:

(P) истинно $\Leftrightarrow$ сопоставление двух ментальных репрезентаций яхты, одна из которых известна мне как полученная ранее, а вторая – как полученная теперь, показывает, что некоторое качество, играющее роль основания сравнения, в первой репрезентации присутствует с большей интенсивностью,

или

$$Know(A, t', SupAttr (\lambda S(S(R^{comp}, t) \lambda T(T(R^{comp}, t')), R^{comp})).$$

Затруднения с «объектной» установкой

Эпистемический контекст допускает работу со всеми возможными объектами, среди которых и двойники действительных. Отношение двойничества (Дэвид Льюис) можно определить как при дифференциации доменов миров, так и при работе с универсумом возможных объектов и предикатом существования E , который для каждого мира указывает действительные в нём объекты. Кросс-мировая линия в языке представлена предметной константой и, при необходимости, набором неизменных свойств (Ричард Монтегю и Дана Скотт). Роль «рубильника», включающего квантификацию по возможным объектам, могут играть модальный оператор, маркер сослагательного наклонения или же, как в случае с (P), сочетание «думал» с рефлексивностью «больше», которая противоречит его обычной семантике. В подходе же Кая Вемайера я ничего принципиально нового для анализа (P) не нахожу.

Решение, предлагаемое Борисовым, использует двойничество и кросс-мировую интерпретацию предиката «больше». Эпистемический оператор в явном виде отсутствует и заменён квантором по мирам агента $O_{A,P}$, так что возникает необходимость присваивать константе «ваша яхта» индексы действительного и возможного миров,

что, надо сказать, не соответствует «поверхностной структуре» (P), хотя отсутствие эпистемического оператора соответствует ей ещё меньше. Но не это делает предложение Борисова неудачным.

Условие истинности для формулы

$$(12) O_{A,t}(a^s > a^i)$$

которая выражает (P), Борисов записывает так:

(12*) во всех возможных мирах, совместимых с мнениями гостя в t , яхта больше, чем как она есть в действительном мире, или: для каждого возможного мира w , совместимого с мнениями гостя в t , пара $\langle a, a \rangle$ принадлежит экстенсионалу «>» для $\langle w, w_0 \rangle$.

В условиях истинности для (12) задействованы две модальности – временная и эпистемическая, – но полностью их параметры не описаны, что сыграло с построением Борисова злую шутку. Если восстановить полную запись условий истинности для (12), то получаем следующее (w – действительный мир, t' – «теперь»)

$$(12^{**}) |O_{A,t}(a^s > a^i)|_{w,t'} = \text{И} \Leftrightarrow \text{для любого } v, \text{ совместимого с мнением } A \text{ в мире } u \\ \text{в момент } t, |a^s > a^i|_{v,t} = \text{И}, \text{ где } a^i \in D_w, \\ a^s \in D_v, t' > t.$$

От (12*) эта запись отличается указанием мира u , в котором находился агент A в момент t . Не указать мир u нельзя, две модальности требуют двух шкал, эпистемические альтернативы не совпадают с темпоральными, от момента к моменту мир и его эпистемические альтернативы меняются. Но правая часть (12**) в стандартной реляционной семантике эпистемических операторов эквивалентна тому, что

$$(12') |Know_{A,t}(a^s > a^i)|_{u,t} = \text{И}$$

т. е. оказывается, что агент A в мире u в момент t знает, что $a^s > a^i$. Это, конечно, неприемлемо, поскольку в мире u в момент t агент ещё не взаимодействовал с яхтой «как она есть» и не мог сопоставить два её образа. Мир же w не может играть роль u , т. к. в этом случае пропадут отличия между t и t' . Перепробовав несколько вариантов, я не нашёл способа исправить положение, т. е. «вытащить» яхту из u , включив её в кросс-мировую пропозицию, без того, чтобы она не вошла в состав какой-либо внутренней для u пропозиции.

Борисов хочет, чтобы с позиции наблюдателя из действительного мира можно было сравнить яхту, относящуюся к одному из миров гостя в прошлом с яхтой в действительности. Такая позиция доступна только в действительном мире и только самому гостю, причём сравниваются ментальные репрезентации яхты. Другому агенту для верификации суждения «А думал, что ваша яхта больше» потребуется

универсум всех возможных объектов с гарантированным наличием у референта имени «ваша яхта» свойства «быть компонентом установки А в момент времени t ». Но чтобы такое свойство, которое, конечно, может выражать «объектность», имело место у яхты, необходимо найти соответствующую установку, на этот раз, чтобы избежать круга, всё-таки пропозициональную. Борисов отвергает все ранее предлагавшиеся способы засвидетельствовать наличие в u объекта истинностью пропозиции с его участием, поэтому отброшены переформулировки с терминами «размер», «эталон» и пр., как, наверняка, будет отвергнуто и моё предложение использовать ментальные репрезентации интенсивности свойств индивидуального концепта имени «ваша яхта». Стремление Борисова к объекту, а не к пропозиции – это поиск короткого пути, ведь, в самом деле, в случае полкового врача и кадета Биглера ментальные репрезентации были засвидетельствованы записями в истории болезни, в случае с яхтой они, как кажется, просто сохраняются в памяти агента, так что существенного отличия между этими случаями нет. Возникает впечатление, что мы здесь не имеем дела с пропозициями, а лишь с объектами, которые остаётся только «отловить», но именно это вне пропозиций и невозможно. Короткий путь никуда не ведёт, и я постараюсь объяснить, почему это так и с содержательной стороны.

Всякий объект дан некоторой ментальной репрезентацией, но в одних случаях в модусе актуального восприятия, а в других – в модусе репродукции. И там, и там в дело вступает сигнификативная интуиция, дающая отношение обозначения, благодаря которому один феномен («ноэма») становится репрезентацией другого («ноэза»). Именно в такой связке и происходит запоминание репрезентации объекта. Правда, при актуальном восприятии вещи возникающее отношение обозначения обычно подвергается рефлексии менее интенсивно, чем при репродукции. Это происходит потому, что в последнем случае в силу особенностей памяти возможны ошибки идентификации – репродуцированная репрезентация не совпадает с вновь актуально сформированным образом, так что мы не можем понять, видели мы этот фильм или нет, встречали ранее этого человека или нет и т. д. Иными словами, ментальные репрезентации объектов, по меньшей мере, при их репродукции всегда являются компонентами некоторых пропозиций, а именно, имеющих «техническое» содержание: «я имею дело с репрезентацией некоторого (такого-то) объекта». Здесь нет внелогической информации об объекте, пропозиция отражает семантический факт, поэтому если «объектные» установки и существует, то только в подобном виде. Тетической силой обладает не акт именованья, а его рефлексия, поскольку полагаются пропозиции, а не вещи. Это, в конечном счёте, и приводит к неудаче попытки «отлавливать» объекты в возможных мирах, не опутывая их сетями пропозиций.

В ПОИСКАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ: Е.В. БОРИСОВ О СЕМАНТИКЕ ПРЕДИКАТОВ СРАВНЕНИЯ

Тискин Даниил Борисович – магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

В комментарии рассматриваются две основных проблемы: выбор логического формализма, который лучше всего выполнил бы роль языка-посредника при анализе шутки Б. Рассела о величине яхты, и допустимые типы аргументов в логико-семантических исследованиях естественного языка. С формальной стороны комментарий обосновывает использование экстенционального языка с переменными по возможному миру и по степеням выраженности признака и показывает, как проанализировать пример Рассела в таком формализме, а также содержит ряд замечаний к техническим аспектам рассуждений Е.В. Борисова. В методологическом отношении мы выступаем против исключительно интуитивных аргументов в пользу наличия или отсутствия в семантике слова тех или иных элементов и призываем всякий раз обращаться к данным о приемлемости и значении предложений, включающих это слово.

Ключевые слова: экстенциональные языки, объектные установки, *de re*, семантика сравнения, аргументация в семантике

IN SEARCH OF EXPRESSIVE POWER: EVGENY BORISOV ON THE SEMANTICS OF COMPARATIVE PREDICATES

Daniel Tiskin – graduate student. Saint Petersburg State University. 11 Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

The comment is focused on two aspects of the commented paper, viz. the choice of the appropriate auxiliary formalism for the analysis of Russell's joke about the yacht, and the more general issue of what sort of arguments are acceptable in the logical investigation of natural language semantics. As for technical issues, we suggest that an extensional language should be used which contains variables over possible worlds and over degrees and show how Russell's joke could be accounted for in such a formalism; in addition, some remarks concerning Borisov's technical work are provided. At the methodological side, we argue against purely intuitive considerations regarding the presence or absence of this or that component in the semantics of a given lexical item. Real evidence as to which *sentences* containing that word are acceptable and what they mean should be used instead.

Keywords: extensional languages, objectual attitudes, *de re*, semantics of comparison, evidence in formal semantics

Е.В. Борисов характеризует затруднение, связанное с примером Рассела, как недостаточную гибкость «стандартных средств логического анализа», неспособных одновременно «отобразить... поверхностную структуру и... учесть некоторые интуиции относительно... употреб-

ления» данного примера. Наш комментарий концентрируется вокруг двух основных проблем, связанных с такой характеристикой: поиска адекватных средств формализации и пригодности тех или иных «интуиций» в качестве критерия адекватности.

1. Технические замечания

1.1. Преимущества экстенционального языка. В.В. Горбатов [Горбатов, 2016], с которым полемизирует Борисов, использует «логику сослагательного наклонения» К. Вемайера [Wehmeier, 2012], чтобы представить расселовское предложение как случай «межмировой предикации», при которой различные аргументы одного и того же предиката называют объекты из доменов разных миров. Сама по себе межмировая предикация имеет и другие применения, так что её использование в данном случае весьма удачно. Остаётся, однако, неясным, зачем использовать нетривиальный интенциональный язык (он вводится в более ранней работе Вемайера [Wehmeier, 2004], где на с. 615 де-факто рассматривается и экстенциональная версия), в котором каждое аргументное место предиката должно быть охарактеризовано с точки зрения того, действительный или возможный индивид здесь обозначается. То же самое, а на деле и больше (если речь идёт о нескольких уровнях вложения модальных операторов), можно выразить, используя двусортный экстенциональный язык [Gallin, 1975; von Fintel and Heim, 2011, p. 102 ff.]. В частности, формулу (8) у Борисова, представляющую собою исправленный анализ по Горбатову, можно представить как

$$\exists x(B^w(x @ =_w a) \wedge (x @ >_@ a))$$

или как

$$\exists x(B^w((x, @) = (w, a)) \wedge ((x, @) > (w, @)),$$

где значение всякого предиката релятивизировано не только к цепочке его индивидуальных аргументов, но и к цепочке аргументов-миров, по одному на каждый индивидуальный аргумент. Кванторы при этом не имеют аргументов-миров, но для наших целей это не составляет значимого различия: при каждом предикате ясно указано, в каком мире должен рассматриваться тот или иной его индивидуальный аргумент. (Если необходимо, в качестве рестрикции квантора можно добавить « $x \in D_w$ ».)

1.2. Понятие объектной установки. Предложенный Борисовым в более ранней работе [Борисов, 2013] термин *объектная интерпретация компаративных предикатов* сам по себе может рассматриваться как удачный, однако вызывает путаницу, если в одном контексте с

ним вводится термин *объектная установка* [Forbes, 2000], используемый и Борисовым в обсуждаемой работе. Под объектной установкой Г. Форбс и другие авторы понимают отношение между агентом и действительным или лишь возможным, специфическим или неспецифическим объектом, в отличие от пропозиции, отношение агента к которой называлось бы пропозициональной установкой. К высказываниям об объектных установках относятся *Рыцарь ищет единорога, Мориарти боится Шерлока Холмса* и др. Вопрос о сведении высказываний об объектных установках к высказываниям о пропозициональных является открытым [Forbes, 2013].

Как нам представляется, Е.В. Борисов, предлагая финальную версию своего подхода в § 2.3, оказался жертвой смешения двух значений термина *объектный*. Предлагаемый им анализ (пример (12) в статье) формулируется как

$$O(a^s > a^i),$$

где верхние индексы определяют, в действительном (i) или возможном (s) мире рассматривается индивид, а O **неформально характеризуется** как оператор объектной установки. Этот оператор определяет значение индекса i , но, по утверждению Борисова, не вводит в рассмотрение никакого множества миров-альтернатив. Строгого описания семантики O статья не содержит, однако синтаксически O как раз таки является оператором пропозициональной установки, поскольку его аргумент обозначает пропозицию, да и условия истинности для формулы с O выражены через значение подаргументной пропозиции. В то же время задача разделения функций квантификации по мирам и «перенесения действия» из одного мира в другой у интенциональных операторов интересна и заслуживает внимания. Вот как это можно было бы формализовать в экстенциональном языке, где означивание g отвечает за значения как индивидуальных переменных, так и переменных по мирам.

$$[[O_i\phi]]^g = \lambda w. [[\phi]]^{g[i \mapsto w]}(w)$$

$$[[\forall O_i\phi]]^g = \forall v \in \text{dox} : [\lambda w. [[\phi]]^{g[i \mapsto w]}(w)](v) \equiv \top$$

Здесь O **выступает как абстрактор, открывающий аргументное место**, а оператор пропозициональной установки квантифицирует по этому месту. Построение повторяет решение Д. Бюринга с β -операторами [Büring, 2005, p. 85].

1.3. Действительный мир и межмировые пропозиции. Уже обсуждавшаяся выше формула (8), по Борисову, неудовлетворительна, поскольку (в частности) приписывает говорящему «эксцентричное» убеждение, предполагающее сравнение действительного размера яхты с размером некоторого объекта в докстатических альтернативах

говорящего, бывших у него прежде, чем он мог познакомиться с яхтой в действительности. В этом, однако, нет ничего особенного: во-первых, такое возможно в случае приписывания установки *de re* (которое не всегда требует знаменитого «отношения знакомства» между носителем и объектом установки [van Fraassen, 1979; Tiskin, to appear]); во-вторых, речь ведь идёт не о яхте, а о размере яхты, что, правда, не отражается в (8) из-за избранной «объектной» тактики. Размер же представляет собой число, и для «знакомства» с ним необязательно иметь «знакомство» с каким-либо предметом, имеющим данный размер, – **во всяком случае, необязательно с тем самым предметом, размер которого обсуждается в данном случае.**

2. Интуиции и формальный семантический анализ

Достаточно глубокая методологическая проблема возникает в связи с замечанием другого участника разгоревшейся в российской литературе спора о семантике компаративных предикатов – В.А. Суровцева [Суровцев, 2013, с. 229] – о том, что для некоторых признаков, таких как красота, «никаких количественных сравнений... быть не может». Действительно, общепринятой шкалы измерения красоты или, к примеру, доброты не существует, и научная картина мира не включает об этом никаких сведений. В то же время невозможно априори исключить возможность того, что естественный язык как отражение своего рода «наивной картины мира» требует для экспликации семантики своих выражений той или иной шкалы красоты¹. Может оказаться более верным решением не отказываться от градуированной шкалы для представления семантики размера, поскольку-де такая шкала невозможна для красоты, а допустить шкалу и для красоты, поскольку она очевидным образом необходима, чтобы говорить о размере (даже если этот последний, как Борисов настаивает вслед за [Kripke, 2005], для яхт рассчитывается по нетривиальной формуле)!

Сходным образом, критикуя одну из предшествующих версий анализа, Борисов отмечает, что она допускает в семантике «элементы, отсутствующие в поверхностной структуре... функцию “размер” и референцию к единицам измерения размера». Мы хотели бы предостеречь семантистов от чрезмерного доверия к тем интуициям и иллюзиям очевидности, которые выходят за пределы необходимого инвентаря семантического исследования, включающего суждения о **(а) семантической нормальности некоторого цельного (!) высказы-**

¹ См. [Lauer and Djalali, 2014] о наивной концептуализации как своего рода «модели» (в смысле теоретико-модельной семантики) для высказываний естественного языка, относительно которой (а не относительно научной картины мира) они и должны проверяться на истинность.

вания или словосочетания и **(b) истинности того или иного высказывания** в данной речевой ситуации. Всё остальное, куда в первую очередь относятся суждения вроде «ясно, что данное слово означает то-то и то-то» или «значение данного слова должно быть гораздо проще, чем постулирует данная теория, потому что построение данной теории контринтуитивно», может претендовать самое большее на роль эвристических соображений, направляющих поиск наиболее изящного решения, но не аргументов в полемике. Соответственно, никакие интуитивные соображения не могут подсказать нам, имеется ли в лексической семантике² данного предиката отсылка к шкале или нет. Напротив, возможность указать в высказывании величину различия между размерами двух объектов, как в (2), заставляет считать, что величина различия может быть аргументом предиката *больше*, а следовательно, речь действительно идёт о шкалах; аналогичным образом, в ряде языков, например в английском, можно сравнивать гомологичные, но неодинаковые параметры объектов между собой, как в (3), что делает семантику со шкалами предпочтительнее семантики с неколичественным сравнением (ср. апелляцию к «феноменологическому» восприятию объектов у В.А. Суровцева).

(2) Ваша яхта больше моей (на три метра).

(3) *Caroline is taller than the sofa is long.* [Beck, 2011, p. 1342]

‘Рост Каролины больше длины дивана (букв.: Каролина выше, чем длинен диван)’

Вообще говорить об отсутствии в поверхностной структуре элементов, соответствующих тем или иным компонентам значения, имеет смысл тогда, когда имеются независимые основания считать, что данным компонентам должны соответствовать особые языковые единицы, так что если этих единиц в предложении нет, то нет и компонентов. Так, например, если в русском языке лично-числовые значения глаголов обычно являются согласовательными и зависят от подлежащего, то и для случаев типа *Вчера приносили почту* можно постулировать нулевое подлежащее, ответственное за привнесение этих значений, а заодно и за значение неопределённости деятеля, которое трудно произвести из глагола. Таковы в общих чертах аргументы в пользу признания в русском языке одного из типов нулевых подлежащих [Мельчук, 1974]. Ожидать же, что семантика предложе-

² Хотя Е.В. Борисов, как часто случается, оперирует значениями целых высказываний, общие соображения композициональности – выводимости значения высказывания из значений его компонентов и семантического вклада синтаксических правил – требуют, чтобы постулируемое для целого предложения значение разлагалось на компоненты, сопоставляемые (в основном) словам, из которых это предложение состоит. Так, если в предложении имеется предикат *больше*, а в значении предложения – отсылка к шкале размера, то естественно сопоставить эту отсылку слову *больше* как часть его лексического значения.

ния может апеллировать к понятию размера только в том случае, если отдельный элемент со значением ‘размер’ присутствует в синтаксической структуре предложения, нельзя; такая апелляция может быть заключена в семантике других слов в том же предложении, таких как *больше*. (Впрочем, больше можно быть не только размером, ср. *Вес этой сумки больше веса той*.)

С другой стороны, постулирование нулевых единиц в синтаксисе (или операций, таких как сдвиги типа [Partee, 1987]) из семантических соображений редко считается прегрешением в формальной семантике. В частности, операция взятия максимального значения применяется для семантического анализа предложений с предикатами сравнения и кванторными выражениями в позиции их аргумента [Beck, 2011, p. 1358]:

(4) Caroline is taller than anyone in Derbyshire.

‘Каролина выше всех в Дербишире’

$\text{рост}(c) > \max(\lambda d. \exists x [V\_Дербишире(x) \wedge (\text{рост}(x) = d)])$

Учитывая, что предикаты установок тоже представляют собой кванторы, мы могли бы надеяться, что одна из проблем, о которых говорит Борисов, – необходимость избежать референции к конкретной величине яхты, которую воображал себе говорящий, – может быть решена в духе (4). Место максимизирующего оператора должен будет занять минимизирующий, поскольку (5) утверждает, что, какую докстатическую альтернативу говорящего ни возьми, размер яхты в ней всё же превысит тот, которым она характеризуется в действительности. @ обозначает действительный мир.

(5) Я думал, Ваша яхта больше, чем она есть.

$\min(\lambda d. \exists w \in \text{dox} : \text{размер}_w(a) = d) > \text{размер}_@(a)$

Список литературы

Борисов, 2013 – *Борисов Е.В.* О семантике компаративных предикатов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. Т. 22. № 2. С. 219–225.

Горбатов, 2016 – *Горбатов В.В.* Семантика компаративных предикатов в интенциональных контекстах: двумерный подход // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. Т. 34. № 2. С. 345–353.

Мельчук, 1974 – *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 343–360.

Суровцев, 2013 – *Суровцев В.А.* Шутка Б. Рассела о величине яхты и некоторые замечания о семантике компаративных предикатов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. Т. 22. № 2. С. 226–233.

Beck, 2011 – *Beck S.* Comparison constructions // *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 2. B.: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1341–1390.

Büring, 2005 – *Büring D.* *Binding theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 294 p.

Forbes, 2000 – *Forbes G.* Objectual attitudes // *Linguistics and Philosophy*. 2000. Vol. 23. No. 2. P. 141–183.

Forbes, 2013 – *Forbes G.* Intensional transitive verbs // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2013. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/intensional-trans-verbs> (дата обращения: 31.08.2016).

Gallin, 1975 – *Gallin D.* *Intensional and higher-order modal logic*. Amsterdam: North-Holland, 1975. ix + 148 p.

Kripke, 2005 – *Kripke S.* Russell's notion of scope // *Mind*. 2005. Vol. 114. No. 456. P. 1005–1037.

Lauer, Djalali, 2014 – *Lauer S., Djalali A.* A conceptual-epistemic perspective on model theory // *ESSLLI workshop presentation*, 2014. URL: http://homepages.uconn.edu/~stk12004/Models_ESSLLI2014/Slides/LauerDjalali.pdf (дата обращения: 31.08.2016).

van Fraassen, 1979 – *van Fraassen B.* Propositional attitudes in weak pragmatics // *Studia Logica*. 1979. Vol. 38. No. 4. P. 365–374.

von Fintel, Heim, 2011 – *von Fintel K., Heim I.* *Intensional semantics*. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011. vii + 133 p. URL: <http://web.mit.edu/fintel/fintel-heim-intensional.pdf> (дата обращения: 31.08.2016).

Partee, 1987 – *Partee B.H.* Noun phrase interpretation and type-shifting principles // *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. B.: Walter de Gruyter, 1987. P. 115–143.

Tiskin, 2016 – *Tiskin D.* Conditional attitude ascription. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2016. Vol. 48. No. 4. P. 75–94.

Wehmeier, 2004 – *Wehmeier K.* In the mood // *Journal of Philosophical Logic*. 2004. Vol. 33. No. 6. P. 607–630.

Wehmeier, 2012 – *Wehmeier K.* Subjunctivity and cross-world predication // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 159. No. 1. P. 107–122.

References

Beck S. Comparison constructions . In: *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, vol. 2. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 1341–1390.

Borisov E. V. O semantike komparativnykh predikatov [On the semantics of comparative predicates]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 219–225. (In Russian)

Büring D. *Binding theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 294 p.

Forbes G. Intensional transitive verbs. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2013. [<http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/intensional-trans-verbs>, accessed on 31.08.2016].

Forbes G. Objectual attitudes. *Linguistics and Philosophy*, 2000, vol. 23, no. 2, pp. 141–183.

Gallin D. *Intensional and higher-order modal logic*. Amsterdam:North-Holland, 1975. ix + 148 p.

Gorbatov V. V. Semantika komparativnyx predikatov v intensional'nyx kontekstax: dvumernyj podxod [Semantics of comparative predicates in intensional contexts: A two-dimensional approach]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, vol. 24, no. 2, pp. 345–353. (In Russian)

Kripke S. Russell's notion of scope. *Mind*, 2005, vol. 114, no. 456, pp. 1005–1037.

Lauer S. and Djalali A. *A conceptual-epistemic perspective on model theory*. ESSLLI workshop presentation. 2014. [http://homepages.uconn.edu/~stk12004/Models_ESSLLI2014/Slides/LauerDjalali.pdf, accessed on 31.08.2016].

Mel'chuk I. A. O sintaksicheskom nule [On the syntactic zero]. In: A. A. Kholodovich (ed.) *The Typology of Passive Constructions: Diatheses and Voices [Tipologija passivnyx konstrukcij: diatezy i zalogi]*. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 343–360. (In Russian)

Partee B. H. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. In: *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Berlin: Walter de Gruyter, 1987, pp. 115–143.

Surovstev V. A. Shutka B. Rassela o velichine jaxy i nekotorye zamechanija o semantike komparativnyx predikatov [The joke about size of yacht by B. Russell and some remarks on semantics of comparative predicates]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 226–233. (In Russian)

Tiskin D. Conditional attitude ascription. To appear in: *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, vol. 48, no. 4, pp. 75–94.

van Fraassen B. Propositional attitudes in weak pragmatics. *Studia Logica*, 1979, vol. 38, no. 4, pp. 365–374.

von Fintel K., Heim I. *Intensional semantics*. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011. vii + 133 p. [<http://web.mit.edu/fintel/fintel-heim-intensional.pdf>, accessed on 31.08.2016].

Wehmeier K. In the mood. *Journal of Philosophical Logic*, 2004, vol. 33, no. 6, pp. 607–630.

Wehmeier K. Subjunctivity and cross-world predication. *Philosophical Studies*, 2012, vol. 159, no. 1, pp. 107–122.

Нельзя ли попроще?

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: kusliy@yandex.ru

В данном комментарии указываются некоторые сложности, с которыми, по мнению автора, сталкивается предложенная Е. Борисовым система из-за непроясненности определения используемого им модального оператора. Отдельно осуждается проблема вводимой автором неоднозначности компаративных предикатов и угроза предсказания несуществующих прочтений. Наконец, дается набросок альтернативного объяснения исследуемого автором предложения в терминах современной семантики компаративных конструкций и сообщений о пропозициональных установках.

Ключевые слова: формальная семантика, композициональность, компаративные конструкции, сообщения о пропозициональных установках

COULDN'T THE SAME BE STATED IN A SIMPLER WAY?

Petr Kusliy – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: kusliy@yandex.ru

This comment on E. Borisov's text deals with some technical complications that his proposed analysis faces, according to the author's opinion. The author argues that Borisov's definition of the operator O is not clear and his theory might predict non-existent readings unless the definition is stated clearly. The author criticizes Borisov's proposal for not being compositional and outlines an alternative analysis in terms of the contemporary semantic treatments of comparative constructions and attitude reports.

Keywords: formal semantics, compositionality, comparatives, attitude reports

В своей статье Е.В. Борисов обсуждает существующие в современной философии языка дискуссии относительно логико-семантического анализа расселовского предложения (P), указывает на недостатки ряда существующих решений и предлагает собственную интерпретацию этого предложения (в том контексте, в котором его изначально рассматривал Рассел):

(P) Я думал, ваша яхта больше [чем она есть].

Суть предложения Борисова, насколько я его понимаю, сводится к следующему:

Во-первых, в предложении (P) агент вообще не должен рассматриваться как приписывающий яхте какое-либо свойство. Его установка не пропозициональна, а объекта: агент (по крайней мере, в рамках того, о чем сообщается в (P)) не думает, мол, такая-то яхта имеет такое-то свойство (это сделало бы его установку пропозицио-

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОПРОЩЕ?

нальной). Борисов это прямо указывает: «Поэтому мнения, которые гость имел в t , имеют косвенное отношение к содержанию (P), однако (P), повторюсь, не специфицирует ни одно из этих мнений».

Во-вторых, агент скорее каким-то образом соотносится с яхтой как с объектом (в своих докстастических альтернативах), но что именно это за отношение, Борисов не разъясняет (само по себе, это, считаю, не недостаток предложенного им анализа). Данное отношение агента с объектом он предлагает выразить через некий оператор (он пишет: «Для атрибуции объектной установки необходим оператор, действующий альтернативы агента A на момент t ; обозначу этот оператор символом $\langle O_{A,t} \rangle$). Этот оператор действует как квантор всеобщности, связывающий переменную для альтернатив A на момент t »).

В-третьих, поскольку отношение агента является объектным, то выражение «больше» в предложении (P) интерпретируется вне сферы модального оператора, т. е. экстенционально. По сути, оно обозначает кросс-мировое отношение между объектами, которое можно выразить примерно так: для пары миров $\langle w, w_1 \rangle$ и пары объектов $\langle a, b \rangle$ это отношение будет выполняться, если объект a в мире w больше, чем объект b в мире w_1 .

В итоге мы получаем в общем-то экстенциональный анализ (P) в терминах кроссмирового предиката «больше», интерпретируемого в мире оценки всего предложения (P), т. е. в w_0 : «во всех возможных мирах, совместимых с мнениями гостя в t , яхта больше, чем как она есть в действительном мире». Получается, что в сложноподчиненном предложении (P), согласно Борисову, функция главного предложения «Я думал» сводится к уточнению того, относительно каких миров осуществляется кросс-мировая предикация: «для каждого возможного мира w , совместимого с мнениями гостя в t , пара $\langle a, a \rangle$ принадлежит экстенционалу $\langle \gg \rangle$ для $\langle w, w_0 \rangle$ ».

Считаю, что предложенный Борисовым анализ имеет некоторые преимущества и некоторые недостатки. Преимущества связываю с тем, что в этом анализе, на мой взгляд, точно ухватывается суть проблемы предложения (P), а также предполагаются (хотя и, по-моему, формально не реализуются) корректные условия истинности для этого предложения. Недостатки анализа, полагаю, заключаются в недостаточной ясности его изложения (что вызывает ряд вопросов не только относительно его конкретной имплементации, но и угрожает предсказанием несуществующих прочтений для реальных предложений естественного языка). Также недостатки предложенного анализа еще и с тем, что, даже будучи изложенным ясно, этот анализ оказывается чрезмерно «дорогостоящим» с точки зрения средств, которые он предлагает. Начну с преимуществ.

Борисов, на мой взгляд, верно указывает, что если рассматривать предложение (P) как сообщающее о том, что агент в своих докстастических альтернативах нечто приписывает яхте, то приписы-

ваться яхте может быть только то, что она находится в отношении «больше» к какому-то другому предмету. Этим предметом может быть только реальная яхта, что влечет за собой проблемы, обсуждавшиеся Крипке, Капланом и Сэлмоном. И я поддерживаю его в том, что данное предложение не следует так рассматривать. Конкретно: предложение (P) не следует рассматривать как сообщение о том, что агент в своих доксистических альтернативах что-то приписывает непосредственно яхте. Повторю здесь условия истинности, предлагаемые Борисовым для (P):

(1) Во всех возможных мирах, совместимых с мнениями гостя в t , яхта больше, чем как она есть в действительном мире

Я понимаю их так:

(2) для каждого возможного мира w' , совместимого с верованиями A в w_0 в t , яхта в w' больше $_{w_0}$ яхты в w_0 (отношение «больше» интерпретируется в мире оценки главного предложения, а не приточного, ибо это кросс-мировой предикат и сам агент в момент t не мог соотносить размер предполагаемой им яхты с ее размером в w_0).

Я считаю эти условия истинности корректно отражающими содержание предложения (P) в описанном Расселом контексте (хотя, разумеется, для их выражения можно использовать и более удачные парафразы).

Теперь о том, что, на мой взгляд, является недостатками предложенного анализа.

Во-первых, семантика предлагаемого оператора O требует более детального изложения. Описанные выше условия истинности формально выражаются как

(3) $O(a^i > a^i)$

Если этот оператор, как пишет Борисов, «действует как квантор всеобщности, связывающий переменную для альтернатив A на момент t », то почему в сферу его действия попадает кросс-мировой предикат «>»? Ведь истинностное значение, в которое кросс-мировой предикат «>» отображает пару миров $\langle w_1, w_2 \rangle$ и пару объектов $\langle a_1, a_2 \rangle$, может различаться в зависимости от того мира, в котором это отображение осуществляется. Так, вполне возможно, что, для любой пары миров $\langle w_1, w_2 \rangle$ и любой пары объектов $\langle a_1, a_2 \rangle$, в мире w_1 предикат «>» отобразит $\langle w_1, w_2 \rangle$ и $\langle a_1, a_2 \rangle$ в истину, а в w_2 этот же предикат отобразит эти же пары в ложь. Кажется, что «>» не должен оцениваться в доксистических альтернативах субъекта, но тогда как объяснить его вхождение в сферу действия «O»?

Сказанное усложняет понимание и того, как именно осуществляется переход от (3) к (1) (или к (2)). Если «O» определяется синкатегорематически, то запись в (3) представляется просто сокра-

щением записи в (2), что неинформативно. Насколько я могу это понять, предлагаемый оператор «О» здесь вводит квантификацию по мирам, но при этом требует, чтобы «>» оценивалось в мире w_0 , а не в каждом из этих миров. В таком виде, это очень хитрый оператор, и я не могу себе ясно представить, с какого рода выражениями он должен сочетаться и в каких случаях является допустимым. В частности, предсказывает ли предложенный анализ, что предложение (4a) может иметь прочтение (4b):

(4) а. Маша думает, что мой брат – итальянец.

б. Во всех мирах w' , таких, что $\text{Dox}(\text{Маша})(w_0)$, мой брат(w') в мире w_0 является итальянцем.

Если оператор «О» может иметь вхождение в логическую форму предложения (4a), то тогда он будет обуславливать оценку вложенного предиката «быть итальянцем» в w_0 , а вложенного субъекта «мой брат» в w' , что и выражено в (4b). Проблема в том, что предложения типа (4a) не имеют прочтения типа (4b) (см., например, Percus (2000)).

Также вопросы возникают относительно кросс-мирового предиката «>». Какова его дистрибуция? Иными словами, когда «больше» может интерпретироваться как кросс-мировой предикат, а когда нет? Ведь в простом предложении типа (5) речь никогда не идет о кросс-мировом отношении.

(5) Директор школы больше завуча.

Соответственно, введение кросс-мировых предикатов всегда требует ограничений, ибо иначе сразу же влечет предсказание несуществующих прочтений для реальных предложений.

Мне представляется, что даже если описанные выше уточнения и будут сделаны, то получившаяся в результате теория будет слишком сложной. Я имею в виду то, что она будет предполагать двусмысленность в интерпретации предикатов типа «больше» (где-то они будут кросс-мировыми, а где-то – нет), она будет предполагать введение экзотических операторов типа «О», применимость которых тоже придется ограничивать. Наконец, она будет предполагать неоднозначность и для интенциональных глаголов типа «думать» (то они будут выражать пропозициональную установку, а то объектную). Всё это делает данный анализ менее предпочтительным, чем альтернативы, имеющие сходные предсказания относительно условий истинности предложений, но обходящиеся без всех этих сложностей.

Мне представляется, что подобные альтернативы можно вполне можно выстроить с опорой на современные исследования в области семантики компаративных конструкций и интенциональных глаголов. Здесь я могу лишь вкратце дать набросок той общей картины, которую я имею в виду.

Ряд современных исследователей компаративных конструкций (см., например, [Kennedy, 1997], [Heim, 2000; Schwarzschild, 2008]) рассматривает их внутреннюю структуру не как структуру двухместных предикатов, где «а больше б» интерпретируется как *bigger(a,b)*, а как утверждение о соотношении двух одноместных предикатов над так называемыми показателями шкалы. При этом компаративная морфема «-ше» в слове «больше» или «-er» в слове «*bigger*» интерпретируется как квантор. Коротко говоря, предложение (6a) имеет логическую форму (6b):

(6) а. Директор больше завуча.

б. [-ше](λх . большой(директор)(х))(λу . большой(завуч)(у)).

В (6b) выражение «λх . большой(директор)(х)» – это предикат над данными шкалы, которая, как считается в этих теориях, задается контекстом, а само ее наличие требуется семантикой таких прилагательных как «большой» (которые всегда имеют относительное значение).

Главная особенность подхода этих теорий, которую мне хотелось бы подчеркнуть в этой моей реплике, в том, что в компаративных конструкциях соотносятся два предиката, а не два объекта.

Отдельно известно, что в предложениях о пропозициональных установках предикаты, вложенные под интенциональным глаголом, могут интерпретироваться вне сферы действия интенционального глагола (см., например, [Fodor, 1970], [Bonomi, 1995], [Keshet, 2008]). Иными словами, предложения типа (7a) могут описывать ситуацию (7b):

(7) а. Оля хочет купить себе дорогое платье.

б. Оля хочет купить одно из платьев, увиденных ею в каталоге, но точно не решила, какое именно. К тому же она не знает, что все они – дорогие.

Здесь важно учитывать, что в ситуации (7b) предложение (7a) является ложным как при *de re*, так и при *de dicto* прочтении. Оно истинно только если только предикат «дорогое платье» имеет экстенциональную интерпретацию (т. е. оценивается вне сферы действия интенционального глагола). Такая интерпретация называется еще *транспарентной неспецифической*.

Я точно не знаю, совмещались ли эти два подхода в литературе для экспликации предложений типа (P), но думаю, что реализация данной задачи в описанном направлении является вполне возможной. Речь идет о том, что совмещение двух данных методологий вполне может позволить обойти то затруднение, на которое указывает Борисов: агенту не будет приписываться *de re* верование относительно какого-либо объекта или меры длины. Все, что будет утверждаться в (P), это то, что в каждой докстической альтернативе агента пре-

дикат над показателями шкалы «длина яхты» в этой альтернативе относился определенным образом с предикатом длины яхты в мире w_0 . Это будет аналогом неспецифического транспарентного прочтения для компаративной конструкции.

Преимуществом такого решения могло бы быть то, что оно не усложняет семантику известных предикатов («думать», «быть больше»), использует методы, имеющие независимым обоснованием (не являющимися *ad hoc* методами), избегает (насколько я могу видеть) той угрозы, на которую указывал Крипке и которую обсуждает Борисов. Надеюсь, что в будущем смогу исследовать этот вопрос более подробно.

Список литературы

Bonomi, 1995 – *Bonomi A.* Transparency and specificity in intensional contexts // *On Quine* / Ed. by P. Leonardi, M. Santambrogio. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 164–185.

Fodor, 1970 – *Fodor J.D.* The linguistic description of opaque contexts: Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 370p. URL: <http://www.ai.mit.edu/projects/dm/theses/fodor70.pdf> (дата обращения: 28.08.2016).

Heim, 2000 – *Heim I.* Degree operators and scope // *Semantics and linguistic theory*. 2000. Vol. 10. P. 40–64.

Kennedy, 1997 – *Kennedy Ch.* Projecting the Adjective: The Syntax and Semantics of Gradability and Comparison. PhD dissertation. University of California, Santa Cruz, 1997. URL: <http://semantics.uchicago.edu/kennedy/docs/ck-thesis.pdf> (дата обращения: 31.08.2016).

Keshet, 2008 – *Keshet E.* Good Intensions: Paving Two Roads to a Theory of the *De re/De dicto* Distinction. Ph.D. dissertation. Cambridge: MIT Press. 165 p. URL: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/45622/320472279-MIT.pdf> (дата обращения: 31.08.2016).

Schwarzschild, 2008 – *Schwarzschild R.* The semantics of comparatives and other degree constructions // *Language and Linguistics Compass*. 2008. No. 2. P. 308–331.

References

Bonomi A. Transparency and specificity in intensional contexts. In: P. Leonardi, M. Santambrogio (eds.). *On Quine*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 164–185.

Fodor J.D. *The linguistic description of opaque contexts: Massachusetts Institute of Technology dissertation*. 1970. 370p. [<http://www.ai.mit.edu/projects/dm/theses/fodor70.pdf>, accessed on 28.08.2016]

Heim I. Degree operators and scope. *Semantics and linguistic theory*, 2000, vol. 10, pp. 40–64.

Kennedy Ch. *Projecting the Adjective: The Syntax and Semantics of Gradability and Comparison*. *PhD dissertation*. University of California, Santa Cruz, 1997. [<http://semantics.uchicago.edu/kennedy/docs/ck-thesis.pdf>, accessed on 31.08.2016]

Keshet E. *Good Intentions: Paving Two Roads to a Theory of the De re/De dicto Distinction*. *Ph.D. dissertation*. Cambridge: MIT Press. 165 p. [<https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/45622/320472279-MIT.pdf>, accessed on 31.08.2016] Schwarzschild R. The semantics of comparatives and other degree construction. *Language and Linguistics Compass*, 2008, no. 2, pp. 308–331.

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор. Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36. Профессор. Томский научный центр СО РАН. Российская Федерация, 634021, г. Томск, пр-т Академический, 10/4; e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

В своей ответной реплике Е.В. Борисов фиксирует основные пункты расхождения во взглядах с критиками и намечает направления, по которым намеревается отстаивать свои взгляды. Среди этих пунктов вопросы, связанные с интерпретацией компаративных конструкций (как говорящих об объектах или размерах), с семантическим вкладом вводимого Борисовым модального оператора «О», со способами ретроспективной экспликации мнения.

Ключевые слова: семантика, сообщения о мнениях, компаративные конструкции, модальные операторы

REPLY TO CRITICS

Evgeny Borisov – DSc in Philosophy, professor. Tomsk State University. 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation. Professor. Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 10/4 Akademicheskiiy avenue, Tomsk, 634021, Russian Federation. e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

In his reply, E. Borisov fixes the points of diversion between him and his critics and sketches the directions in which his argumentation will proceed. Among the issues mentioned are the problems of the interpretation of comparative constructions (whether they are about objects or sizes), semantic contribution of the modal operator “O” (introduced by Borisov), ways of retrospective reports of attitudes.

Keywords: semantics, attitude reports, comparatives, modal operators

Я в высшей степени признателен всем участникам дискуссии за детальный анализ моего предложения и вдохновляющую критику. Я признаю все замечания о недостаточной ясности моей статьи, особенно в части семантики предложенного мною оператора аскрипции объектной установки, и планирую восполнить этот дефицит в одной из ближайших публикаций. Сейчас я ограничусь несколькими комментариями, затрагивающими наиболее проблемные аспекты темы.

В.В. Горбатову

1. Дискуссия выявила один из пунктов расхождения между нами: это вопрос о допустимых средствах ретроспективной экспликации атрибутируемого мнения. Горбатов считает допустимой экспликацию мнения, которое агент имел в прошлом, с использованием данных, которые агенту в прошлом были недоступны. Я считаю такого рода экспликацию проблематичной и в своем анализе (Р) пытаюсь ее избежать. Ко-

нечно, эта проблема требует отдельного обсуждения. Апропос: если мы допускаем такого рода ретроспективные экспликации, то предложенный Горбатовым анализ можно упростить до лаконичного $V(a^s > a^i)$.

2. Это замечание имеет целью устранить одно недоразумение. В моей статье я вообразил, что агент в t (т. е. в прошлом) высказывает то самое мнение, которое ему приписывает (8); у меня получилось (11). В (11) содержится отсылка к w_0 (миру, в котором высказывается (P)) как одной из контрфактических (но не докстических!) альтернатив; это придает (11) эксцентричный характер. Судя по ответу Горбатова, он понял мое рассуждение как относящееся к (8), а не (11). Впрочем, мой аргумент от эксцентричности (11) теряет силу, если принять ту либеральную позицию относительно экспликации мнения, которую принимает Горбатов, поэтому данный пункт ничего не добавляет к пункту 1.

3. Горбатов считает, что (P) имеет существенное рефлексивное содержание, и что для анализа (P) необходимы средства семантики центрированных возможных миров. Содержание этого тезиса для меня не очевидно. Означает ли он, что (P) предполагает иную семантику для «больше», нежели, например, «Иван думает, что ваша яхта больше»? Как бы то ни было, это тоже тема для отдельной дискуссии.

И.Б. Микиртумову

1. Главное возражение Микиртумова против моего анализа (P) я нахожу весьма интересным. Микиртумов замечает, что истинностные условия (12) совпадают с истинностными условиями $Know_{A,t}(a^s > a^i)$ для мира u и момента t . Поскольку в моей статье речь шла о мнении, а не о знании, позволю себе заменить в этой формуле «Know» на «V» (это не повлияет на аргумент Микиртумова и на последующее рассуждение). Итак, (12) означает, что (12') истинно в момент t в мире u :

$$(12') V_{A,t}(a^s > a^i)$$

Однако (12') не может быть истинным, потому что утверждает, что уже в t агент думал, что $a^s > a^i$. Микиртумов заключает, что мой анализ (P) неверен.

Я согласен с тем, что в t агент не мог думать, что $a^s > a^i$ (если, конечно, мы ограничиваем себя в выборе средств экспликации мнений – см. пункт 1 ответа Горбатову), но не согласен с выводом автора. На мой взгляд, правильный вывод состоит в том, что здесь необходимо проверить такелаж. Дело в том, что неочевидно, что формула (12') построена *корректно*. В самом деле: когда мы добавляем к стандартному языку кросс-мировые предикаты и индексы наклона, нам необходимо добавить соответствующие пункты к определению

правильно построенной формулы. Вемайер [Wehmeier, 2012, p. 115] делает это для формул, содержащих кросс-мировые предикаты и алетические модальные операторы. Думаю, рассуждение Микиртурмова показывает, что мы не можем простодушно экстраполировать правила Вемайера на эпистемические операторы. Но пока мы не убедились в синтаксической корректности (12'), аргумент от контр-интуитивного содержания этой сомнительной формулы недопустим.

2. Микиртурмов пишет о (12): «Эпистемический оператор в явном виде отсутствует и заменён квантором по мирам агента $O_{A,P}$, так что возникает необходимость присваивать константе “ваша яхта” индексы действительного и возможного миров, что, надо сказать, не соответствует “поверхностной структуре” (P), хотя отсутствие эпистемического оператора соответствует ей ещё меньше». Я не согласен с автором по обоим пунктам, касающимся соответствия (12) поверхностной структуре (P):

а) маркеры индикативности и субъюнктивности в (12) соответствуют двум временным формам глагола «to be» в оригинальном предложении Рассела: «I thought your yacht *was* larger than it *is*» (курсив мой. – Е.Б.). Как отмечает Сэлмон [Salmon, 2009, p. 359], эти формы отражают субъюнктивный и индикативный аспекты значения соответствующих вхождений данного глагола в предложение. Конечно, этот нюанс поверхностной структуры исчезает в русской версии предложения, но мы можем иметь его в виду, как минимум, при анализе оригинала;

б) в (12) «О» можно рассматривать как аналог эпистемического оператора, соответствующий глаголу «думал».

Д.Б. Тискину

1. Зачем объектная интерпретация? Я думаю, она уместна в тех случаях, когда мы сравниваем объекты, не имея в виду их размеров. Моя попытка дать (P) объектную интерпретацию мотивирована прежде всего этим соображением, и лишь вторичным образом – задачей отображения поверхностной структуры (P). Здесь возникает интересный вопрос, на который я не вижу очевидного ответа: что обходится дороже при интерпретации сравнений, которые (как минимум на первый взгляд) представляются неколичественными, – постулирование неявной референции к шкале или использование специфических средств, таких как кросс-мировая предикация? Как бы то ни было, предложенный Тискиным анализ (P) базируется на предпосылке, что в (P) речь идет о размерах. Открытость сформулированного выше вопроса делает эту предпосылку неочевидной.

2. О предложенном мною операторе аскрипции объектной установки Тискин пишет: «Синтаксически **О как раз-таки является оператором** пропозициональной установки, поскольку его аргумент обозначает пропозицию, да и условия истинности для формулы с **О** выражены через значение подаргументной пропозиции». Я не согласен с тем, что отмеченные особенности данного оператора делают его оператором пропозициональной установки, поскольку, например, в (12) ни подформула-аргумент, ни формула в целом не специфицируют какого-либо мнения агента. См. также пункт 1 ответа Микиртурмову.

П.С. Куслию

1. Комментируя мое определение оператора аскрипции объектной установки, Куслий пишет: «Если этот оператор, как пишет Борисов, “действует как квантор всеобщности, связывающий переменную для альтернатив A на момент t ”, то почему в сферу его действия попадает кросс-мировой предикат $\langle \rangle$? Ведь истинностное значение, в которое кросс-мировой предикат $\langle \rangle$ отображает пару миров $\langle w_1, w_2 \rangle$ и пару объектов $\langle a_1, a_2 \rangle$, может различаться в зависимости от того мира, в котором это отображение осуществляется. Так, вполне возможно, что, для любой пары миров $\langle w_1, w_2 \rangle$ и любой пары объектов $\langle a_1, a_2 \rangle$, в мире w_1 предикат $\langle \rangle$ отобразит $\langle w_1, w_2 \rangle$ и $\langle a_1, a_2 \rangle$ в истину, а в w_2 этот же предикат отобразит эти же пары в ложь».

Здесь я должен признать, что допустил некоторую небрежность в обсуждаемой формулировке. Я имел в виду следующее: O – это модальный оператор, но при переводе формул с O на экстенциональный язык данный оператор передается квантором всеобщности, связывающим переменную для докстических альтернатив A на момент t . Однако я не согласен с допущением, которое Куслий делает во второй части процитированного пассажа: для любых пар $\langle w_1, w_2 \rangle$ и $\langle a_1, a_2 \rangle$ значение предиката $\langle \rangle$ фиксировано его интерпретацией и, следовательно, не варьируется в возможных мирах.

2. Куслий ставит резонный вопрос: «когда “больше” может интерпретироваться как кросс-мировой предикат, а когда нет?» Думаю, мы можем избежать дополнительной неоднозначности этого предиката – между кросс-мировым и внутримировым прочтениями – если будем рассматривать экстенционал внутримирового предиката «больше» для мира w как экстенционал кросс-мирового предиката «больше» для пары миров $\langle w, w \rangle$. Тогда «больше» будет однозначно интерпретироваться как кросс-мировой предикат, но это не мешает директору быть выше завуча в действительном мире.

3. Намеченный Куслием анализ (P) предполагает шкалу размеров. Мой комментарий к этой идее дан в первом пункте ответа Тискину.

КРИТИКА ГРУППОВЫХ УБЕЖДЕНИЙ: ДИСКУССИЯ С ДЖЕННИФЕР ЛЭКИ*

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Концепция Дженнифер Лэки представляет собой аналитический вариант социальной эпистемологии, в которой предметом исследования является природа коллективных (групповых) верований. Автор анализирует возможность объяснения познавательной коллективности и редукции коллективного знания к индивидуальному на примере девиантного знания – обмана и абсурда (чепухи). По мнению автора статьи, критики заслуживает то, что ни «группа», ни «верование» не получили ясного определения; нет критерия когнитивно релевантных и нерелевантных социальных факторов; сохраняется противопоставление индивида и группы. Автор полагает, что концепция коллективного знания могла бы быть более последовательной, если использовать понимание группы М. Дуглас; если показать социальную природу индивида; при этом для редукции верований к выражениям языка желательно привлечь инструментарий философии языка и дискурс-анализа. Однако в таком случае критикуемая концепция сближается с критической социальной эпистемологией, что едва ли приемлемо для самой Дж. Лэки. Отсюда следует вывод о непреодолимости противоречия между этими двумя эпистемологическими школами.

Ключевые слова: коллективная эпистемология, социальная эпистемология, групповые убеждения, язык, знание, ложь, чепуха

THE CRITIQUE OF GROUP BELIEF: A DISCUSSION WITH JENNIFER LACKEY

Ilya Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The approach proposed by Jennifer Lackey is an analytical version of social epistemology, in which the subject of the research is the nature of collective (group) beliefs. She analyzes the possibility of explaining cognitive collectivity and reducing collective knowledge to the individual one at the example of deviant knowledge types – lie and bullshit. In the given paper, the author argues that Lackey's point of view deserves criticism for neither "group" nor "belief" receive a clear definition; no criteria are proposed to distinguish cognitively relevant and irrelevant social factors; the opposition of the individual and the group is retained. The author argues that the concept of collective knowledge could be much more consistent if one uses the group-grid approach elaborated by M. Douglas; one shows the social nature of the individual; one applies the entire toolkit of philosophy of language and discourse analysis for reduction of beliefs to linguistic expressions. Still the concept

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 14-03-00141/16 «Знание-свидетельство (testimonial knowledge) как предмет коллективной эпистемологии», и проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

under criticism moves then closer to the critical social epistemology, which is hardly acceptable for Lackey. What follows is the irresistible contradiction between these epistemological schools.

Keywords: collective epistemology, social epistemology, group beliefs, language, knowledge, lie, bullshit

В своем докладе «Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit» [Lackey, 2013] Дженнифер Лэки¹ утверждает, что группам и прочим видам коллективных сущностей часто вменяется, что они могут иметь убеждения по какому-то поводу, верить во что-то. Например, мы говорим, что правительство США убеждено в том, что защищает свободу выражения мнений; что католическая церковь убеждена в непогрешимости Папы; что Гуманистическое общество США убеждено в необходимости стерилизовать и кастрировать собак и кошек; что научное сообщество убеждено, что глобальное потепление угрожает природе.

Она указывает, что в философской литературе представлены разнообразные подходы к групповым убеждениям, а их достоинства и недостатки обстоятельно проанализированы. При этом Лэки обращает внимание на то, что в данных дискуссиях игнорируются два феномена: групповая ложь и групповая чепуха, хотя они чрезвычайно важны для коллективной эпистемологии и могут немало дать для понимания природы групповых убеждений. Попробуем проанализировать ее позицию и высказать свое мнение по этому вопросу.

При этом стоит заметить, что Лэки, даже не ссылаясь на известную брошюру Гарри Франкфурта [Frankfurt, 2005], не может не иметь в виду дискуссию вокруг нее. Bullshit переводится обычно как «брехня». Наш перевод ее как «чепухи» подчеркивает абсурдный характер такого рода утверждений, однако в ряде случаев, когда имеется в виду пропагандистские или рекламные кампании, «брехня» более выразительна.

Эпистемология: от классической к неклассической

Классическая теория познания включает в себя нормативное разделение всех когнитивных явлений на две группы. С одной стороны, есть обоснованные истинные убеждения, или знания; с другой, су-

¹ Jennifer Lackey – американский философ среднего поколения, бывшая аспирантка Э. Соса. Она специализируется в области эпистемологии и философии сознания. Последнее время занимается эпистемологией знания-сообщения (testimonial knowledge), анализом таких эпистемологических феноменов как норма, удача, доверие, несогласие. Соредактор (вместе с Э. Соса) *The Epistemology of Testimony* (2006, Oxford University Press) и автор книги *Learning from Words: Testimony as a Source of Knowledge* (2008, Oxford: Oxford University Press).

ществуют заблуждение, ложь, обман, чепуха и прочие познавательные отклонения. Первая группа явлений в силу эмпирического происхождения и социальной стерильности дает нам примеры того, что такое рациональность. Вторая группа представляет сферу иррациональности, хаоса, произвольной воли в силу своей концептуальной и социальной избыточности. Позиция Лэки, как представляется, ведет за пределы таким образом понятого классического подхода. Она восстанавливает значение эпистемологических феноменов, трактуемых в рамках классики как нерелевантные отклонения. Таким образом, в предмет эпистемологии вводится существенный элемент гетерогенности. Убеждения, свидетельства, утверждения о знании – все это включает в себя вещи, которые обычно рассматриваются как разные и даже полностью противоположные. Среди них психические явления и социальные правила, интуиции и рассуждения, индивидуальная мораль и социальная ответственность, политическая ангажированность и рациональное принятие решений. Неявно ее соображения приводят к более либеральному взгляду на познание; границы между знанием и невежеством, истиной и заблуждением уже более не видятся как абсолютные и очевидные.

Это также напоминает о том, что существует по крайней мере два типа социальной эпистемологии. Первый из них, например социальная эпистемика Э. Голдмана [Goldman, 1999], проводит резкое различие между истинными и ложными убеждениями, обозначая первые как знание и вторые как заблуждение. Второй тип социальной эпистемологии (например, «сильная программа» Д. Блур [Bloor, 1976]) уделяет мало внимания задаче оценки истинности, предпочитая рассматривать как знание все то, что функционирует как знание в социальной практике, в особенности, как правило или схема, руководящие человеческой деятельностью и коммуникацией. Фактически Лэки согласна с последним, полагая, что «классическая роль убеждения, как и желания, состоит в рационализации действий».

Согласно этому подходу к знанию, значительно важнее анализировать конкретные формы и определения знания в рамках социальных/культурных систем, вместо того чтобы вкладывать усилия в демаркационистскую стратегию, результаты которой весьма ограничены и в большой степени идеологически нагружены. Из этого следует, что истинное и ложное знание, какими бы ни были критерии такого различения, должны рассматриваться (интерпретироваться, реконструироваться) с точки зрения одних и тех же типов условий и причин (принцип симметрии «сильной программы»). Опять-таки неявно Лэки принимает этот принцип. Многие из ее мысленных экспериментов («Кафедра философии», «Табачная компания», «Нефтяная компания» и т. д.) показывают, что истинные убеждения, а также

обман, ложь и чепуху следует объяснять в равной мере с точки зрения принятых фактов, логики, социальных, политических и коммерческих интересов.

Различие между двумя обозначенными версиями социальной эпистемологии распространяется также на характер познавательного субъекта. У Голдмана в центре находится индивидуальный субъект, а для Блура значительно важнее коллективная природа субъекта познания. На мой взгляд, Лэки невольно дает дополнительные аргументы в пользу Блура: социальная эпистемология в подлинном смысле начинается лишь с социальным/коллективистским подходом и наоборот. Ведь трудно себе представить, как философская теория познания может брать за основу индивидуального познавательного субъекта, не полагаясь на интроспекционистский доступ к индивиду. Но интроспекция в деле самопознания, понятая в смысле Декарта или Юма, утратила надежность, по крайней мере, после витгенштейновской критики приватного языка [Wittgenstein, 1978, p. 256–271]. Если это и в самом деле так, то коллективистская эпистемология, или эпистемология коллективных верований, является подлинной социальной эпистемологией, которая может основываться на результатах социальных и гуманитарных наук и обеспечить более или менее объективные выводы.

Ситуационные исследования Дж. Лэки

В полном соответствии с традицией аналитической философии Лэки использует ряд мысленных экспериментов для обоснования своей позиции. Попробуем внимательнее взглянуть на некоторые из случаев, которые явно служат Лэки для уточнения того, что является релевантным и нерелевантным для анализа познания: «Кафедра философии-1» и «Кафедра философии-2».

В первом случае Лэки намерена проиллюстрировать следующий тезис: «Можно обоснованно сказать, что группа верит, что p , даже тогда, когда ни один из ее членов не считает, что p ». Вот описание этой познавательной ситуации.

Кафедра философии-1: Кафедра философии в одном из ведущих университетов США рассматривает вопрос о претенденте на место в аспирантуре по специальности. После нескольких часов обсуждения все члены кафедры соглашались с тем, что Джейн Смит является наиболее подходящим кандидатом из числа претендентов. Однако ни один член кафедры не считает так, вместо этого все они думают, что это тот кандидат, который, скорее всего, будет одобрен администрацией.

Во втором случае группа может не верить, что p , даже тогда, когда каждый из ее членов считает, что p .

Вот описание ситуации.

Кафедра философии-2: На той же кафедре философии каждый из ее членов считает, что лучший в Чикаго хумус с красным перцем можно найти в магазине Whole Foods. Несмотря на единодушные индивидуальные убеждений в таком случае, нельзя сказать, что кафедра философии считает, что лучший в Чикаго хумус с красным перцем можно найти в магазине Whole Foods. Такого рода заключение не может быть оформлено и запрототолировано как мнение кафедры, потому что оценка хумуса с красным перцем не имеет никакого значения для учебных и научных целей и задач кафедры.

Первый случай является для Лэки примером того, как кафедра философии беспринципно обманывает администрацию, не желая рисковать потерей места в аспирантуре. Второй случай (если представить себе, что кафедра все же выпускает протокол оценки хумуса) представляет собой пример абсурда, или чепухи. Однако при всем остроумии данных экспериментов здесь едва ли все так просто.

Вместо того, чтобы объяснять (индивидуальные или коллективные) убеждения с точки зрения (индивидуальных или коллективных) убеждений, почему бы не объяснять убеждения с помощью их социальных репрезентаций, например, практических действий, включая речевые акты? Если, скажем, кафедра философии единогласно голосует за наиболее квалифицированного кандидата в аспирантуру, то какие свойства кандидата принимаются во внимание как основные? Ее научные достижения (кредиты, премии, публикации)? Социальная активность или поведение в классе? Раса, пол, здоровье и благосостояние? Социальный статус ее родителей? И каковы рациональные критерии их различия? Если белый студент не имеет денег, его кандидатура будет, вероятно, отклонена администрацией в отличие от такого же англосакса, чей отец инвестировал пару миллионов в инфраструктуру университета. Ведь он обеспечил условия для обучения множества других студентов, участвующих в аналогичных программах.

Могут быть избраны также любые другие «ненаучные» предпочтения, например, соотношение учащихся женского и мужского пола. Причины этого можно легко найти в идеологии плюралистического общества, где серьезно относятся к учету психических и интеллектуальных различий полов. Кроме того, каждая кафедра университета заинтересована в количестве аспирантов, если члены кафедры хотят выжить в условиях конкуренции. Быть членом кафедры, т. е. обладать некоторым социальным и институциональным статусом, означает иметь право на принятие квалифицированных решений. Социальный институт является не случайным или вненаучным свойством современной системы науки и образования, поэтому обстоятельства такого рода должны быть рассмотрены как имеющие существенное значение наряду с количеством публикаций или экзаменационной оценкой.

В самом деле, поддержка научных, образовательных или институциональных интересов кафедры отличается от приверженности хумусу в Whole Foods: преподаватели философии являются лишь случайными экспертами в ближневосточной кухне. Чтобы принять квалифицированные решения о качестве хумуса, нужно заниматься опросом общественного мнения более широкой группы клиентов. Совместное и единодушное мнение о качестве пищевых продуктов не обеспечивает основу для коллективных убеждений из-за отсутствия надлежащего качества группы в примере «Кафедры философии 2». И напротив, группа в случае «Кафедра философии 1», даже действуя под влиянием идеологических и корпоративных причин, формирует вполне релевантное коллективное убеждение, которое не может быть рассмотрено как простой обман.

Из этого ясно, что в изложении Лэки не хватает адекватного определения того, что такое группа. Группа может рассматриваться как единица определенного рода: эпистемологическая («невидимый колледж» в науке, сторонники некоторого повседневного убеждения), социологическая (категория граждан, клиентов), культурная (последователи традиции), антропологическая (племя), биологическая (виды, популяции). Реальное человеческое взаимодействие происходит среди групп, которые, по крайней мере частично, принадлежат многим типам в одно и то же время. Социологи, как правило, обозначают принадлежность к группе как социальную роль. Поэтому для коллективной эпистемологии имело бы смысл выделить группу определенного типа, указывая соответствующие критерии.

Группа с точки зрения *grid-group analysis*

Мне представляется перспективной концепция группы, построенная путем переосмысления *grid-group analysis* Мери Дуглас. Напомним, что она определяет параметр «group» как «опыт ограниченной социальной общности» [Douglas, 1975, p. 218], принадлежащее некоторой категории людей коллективное сознание. Другой параметр, «grid» ('решетка, сетка' – англ.) есть любой внутренний способ социальной регуляции за исключением принадлежности к самой группе [Douglas, 1982, p. 2]. Д. Блур интерпретирует «grid» следующим образом: паттерн ролей и статусов рассматривается как сетка в рамках социальных границ [Bloor, 1982, p. 191–218]. Другими словами, «group» служит внешней границей, отгораживая от группы все остальное неспецифическим образом. А «grid» как внутренняя структура делает одну группу содержательно отличной от другой. Дуглас также вводит высокий и низкий уровни этих параметров для

любой группы. Поэтому таблица включает в себя 4 вида групп (хотя Дуглас описывает только 3 из них, не давая квалификации группе В) и выглядит следующим образом:

<p>A High group, high grid Армия</p>	<p>B Low group, Low grid Группа в изменении</p>
<p>C High group, low grid Первообытное племя</p>	<p>D Low group, high grid Научное сообщество</p>

Применяя этот подход к нашим случаям, мы можем сказать, что «Кафедра философии-1» представляет собой группу из-за своих grid-group функций, обе из которых играют существенную роль. В отличие от этого, «Кафедра философии-2» – это группа, в значительной степени лишённая «grid», т. е. любой внутренней структуры и когнитивной квалификации. Её внешняя групповая граница исчезает также, поскольку в пределах социологического опроса преподаватель философии идентичен любому другому респонденту.

Очень похож на «Кафедру философии-1» случай «Кафедра английского языка». Так, кафедра английского языка в ведущем университете обсуждает главную кандидатуру для приема в аспирантуру. Все преподаватели кафедры голосуют за то, что лучшим кандидатом является Сара Питерс. Однако половина из них согласны с этим, потому что они верят, что она является высококвалифицированным кандидатом, а другая половина, напротив, согласна с этим, потому что они верят, что она будет чрезвычайно плохим аспирантом. Объясняется это обстоятельство тем, что вторая половина кафедры представляет контингент оппозиционеров – недовольных сотрудников, которые желают саботировать собственную кафедру и считают «лучшим кандидатом в аспирантуру» того заявителя, который дискредитирует всю программу.

Лэки приводит этот пример, чтобы вновь продемонстрировать включение лжи и абсурда в коллективное убеждение. Однако при этом она понимает убеждение (belief) как ментальное состояние, выраженное в языке. И здесь есть основание с ней снова не согласиться. Кафедра английского языка, как выясняется, является гетерогенной группой, поскольку состоит из двух типов групп: D и B – обычного научного сообщества («нормальной науки», по Т. Куну) и сообщества в изменении («революционной науки»). Обе группы не могут примирить свои интересы и таким образом продвигают раз-

личные стратегии развития кафедры. Это очевидный результат неудачной деятельности руководителя кафедры, которому не удалось подобрать надлежащий состав и создать условия для координации коллективных усилий и сотрудничества. В этом случае любое коллективное убеждение является невозможным, и итоги голосования не следует сводить к тексту протокола кафедры: в нем записано одно, но значит это совсем другое, т. е. имеет под собой иные ментальные состояния и корпоративные интересы. Таким образом, сотрудники кафедры едва ли могут, в отличие от мнения Лэки, «совместно прийти к данному суждению (proposition), хотя и по разным и даже конкурирующим основаниям». В документе протокола смешаны между собой разные высказывания, одинаковые по словесной форме, но разные по содержанию. В этом нет обмана, абсурда или чепухи, это проявление обычного трудового конфликта.

Отсюда ясно, что критерии оценки групповых и индивидуальных решений следует более систематически упорядочить. Поскольку у Лэки отсутствует определение группы, то трудно понять, какие именно коллективные или групповые убеждения имеются в виду: ментальные события, поведенческие акты или коммуникативные решения.

Другое возражение касается сравнения ряда других случаев, анализируемых Лэки. Она рассматривает случаи принятия решения в медицинской ассоциации, табачной компании и нефтяной компании, но между ними весьма незначительная разница. Члены всех этих групп принимают некоторую официальную декларацию, но имеют причины ей верить и не верить просто потому, что существуют различные мнения экспертов по этим вопросам. Точно так же, как в случае с сомнительной безопасностью используемой вакцины, сомнительными являются аргументы за и против курения. Использование агрессивных средств для нейтрализации нефтяных пятен в той же степени неоднозначно: их достоинства и недостатки могут быть предметом обсуждения, интерпретации и сомнения. Вообще говоря, всегда есть или могут быть противоречия между позицией отдельно взятого индивида и официальной позицией, декларацией в пользу grid-group структуры сообщества. Вполне естественно, что выступление от имени любого сообщества всегда означает игнорирование некоторых личных интересов и мнений. Однако было бы наивно искать причины этих различий в природе ментальных феноменов или даже языковых актов. Речь от первого лица единственного числа или от первого лица множественного числа различаются лишь типом социальной роли, которую берет на себя человек.

Можно предположить, что вместо акцента на различиях между индивидуальными и групповыми мнениями было бы более разумно дихотомизировать реальную неоднородность, присущую всякой группе, с одной стороны, и ее скоординированную декларацию (ес-

ли таковая имеется), с другой. Первая неизбежно находится в долгу эпистемологических, культурных и социальных особенностей членов группы, а вторая является продуктом необходимого социального соглашения. Впрочем, это была бы также ложная дихотомия, потому что коммуникативная социальность представляет неотъемлемое качество всякой социализированной личности [Антоновский, 2015], которая восприимчива к тем или иным групповым соглашениям (правилам). Особенности личности не являются чисто антропологическим феноменом, будучи результатом социальных ролей, играемых индивидом, и его одновременной принадлежности к ряду различных групп. Поэтому ни группа, ни личность не является абстракцией более высокого уровня общности; концептуально они равны. Всякое убеждение есть агрегат эпистемических, культурных и социальных функций, которые могут быть только условно отделены друг от друга. Более того: нет никаких личных убеждений или понятий вообще, и даже чувственные впечатления социально культивируются и обуславливаются. Есть лишь акт речи или поступок от первого лица, хотя и они осуществляются коллективными средствами языкового и поведенческого выражения.

Лэки, конечно, далека от признания этого обстоятельства. Для нее важен вопрос о природе формирования коллективного убеждения из индивидуальных, которое она называет агрегированием. Могут ли убеждения быть механически присоединены или математически приплюсованы друг к другу? Здесь переход Лэки от убеждения к слову кажется особенно плодотворным [Lackey, 2006]. Логические правила построения силлогизмов путем объединения посылок и анализа таблиц, аналогичных таблицам истинности, применяются в мысленных экспериментах с табачной компанией; здесь Лэки ссылается на [List, Pettit, 2002]. Однако несколько более современной является методология дискурс-анализа [Касавин, 2008], который предоставляет дополнительные инструменты для учета комбинаций мотивов, интуиций, колебаний, сомнений и многих других семантических и прагматических аспектов языковых актов. Так что если мы действительно претендуем на перенос внимания от психического события к языковым явлениям, то в дело должен идти весь инструментарий аналитической и не только аналитической философии языка.

То, что Лэки обратила внимание на такие коллективные «девиантные» убеждения, содержащие явные или мнимые элементы обмана, абсурда или чепухи, есть ее несомненное достижение. Однако она неявно принимает, что их отличие от истинных убеждений коренится в природе ментальных состояний: коллективные убеждения в принципе внутренне порочны, поскольку не являются безусловно и окончательно монолитными. В действительности же индивидуаль-

ные убеждения также таковы, хотя это и нельзя достоверно доказать, ибо к ним отсутствует объективный доступ. В этом смысле тезис о несовершенстве знания имеет всеобщий характер, и он доказуем относительно социальных форм знания, будучи лишь вероятным для его гипотетических индивидуальных форм.

И наконец, мы возвращаемся к вопросу, который был поставлен в начале статьи: означает ли коллективная эпистемология переход от классической к неклассической теории познания?

С определенной долей иронии можно экстраполировать квантово-механический подход на понимание групповых убеждений. Он предполагает, что вероятность обладает онтологическим значением и схватывает нечто существенное в поведении совокупности элементарных частиц. Если же их поведение случайно в смысле неспособности человеческого разума помыслить закономерности поведения группы, то это весьма напоминает стремление Лэки редуцировать группу к механической совокупности индивидов. Возможно, сходство между классической механикой Ньютона и классической теорией познания подобно сходству квантовой механики и неклассической социальной эпистемологии. Но в таком случае коллективная эпистемология, предлагаемая Лэки, все еще остается в рамках классического подхода к знанию, неспособного увидеть специфический и самостоятельный статус коллективных убеждений. И это подтверждает несовместимость аналитической и критической версий социальной эпистемологии.

Список литературы

Антоновский, 2015 – Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015. 168 с.

Касавин, 2008 – Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.

Bloor, 1991 – Bloor D. Knowledge and social imagery (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1991. 211 p.

Bloor, 1982 – Bloor D. Polyhedra and the Abominations of Leviticus: Cognitive Styles in Mathematics // Essays in the Sociology of Perception / Ed. by M. Douglas. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 191–218.

Douglas, 1975 – Douglas M. Implicit Meanings. L.: Routledge, 1975. 301 p.

Douglas, 1982 – Essays in the Sociology of Perception / Ed. by M. Douglas. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 191–218.

Frankfurt, 2005 – Frankfurt H.G. On Bullshit. Princeton: Princeton University Press, 2005. 81 p.

Goldman, 1999 – Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Lackey, 2013 – *Lackey J. Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit* / Доклад на 100 заседании семинара «Проблемы рациональной философии», Институт философии РАН, 6 мая 2013. URL: <http://iphras.ru/uplfile/socep/lackey.pdf> (дата обращения: 16.08.2016).

Lackey, Sosa, 2006 – *The Epistemology of Testimony* / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford: Oxford University Press, 2006. 322 p.

Lackey, 2006 – *Lackey J. Learning from Words* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2006. No. 73. P. 77–101.

List, Pettit, 2002 – *List Ch., Pettit Ph. Aggregating Sets of Judgments: An impossibility Result* // *Economics and Philosophy*. 2002. Vol. 18. P. 89–110.

Wittgenstein, 1978 – *Wittgenstein L. Philosophical Investigation*. Oxford: Oxford University Press, 1978. 463 p.

References

Antonovski A.Yu. *Kommunikativnaya filosofiya znaniya: ot teorii kommunikativnykh media k sotsial'noy filosofii nauki* [Communicative philosophy of knowledge: from the theory of communication to the social philosophy of science]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2015. 168 p. (In Russian)

Bloor D. *Knowledge and social imagery*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 211 p.

Bloor D. Polyhedra and the Abominations of Leviticus: Cognitive Styles in Mathematics. In: M. Douglas (ed.). *Essays in the Sociology of Perception*. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982, pp. 191–218.

Douglas M. (ed.). *Essays in the Sociology of Perception*. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982, pp. 191–218.

Douglas M. *Implicit Meanings*. London: Routledge, 1975. 301 p.

Frankfurt H.G. *On Bullshit*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 81 p.

Goldman A. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyuyu epistemologiyu yazyk* [Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language]. Moscow: Kanon+, 2008. 437 p. (In Russian)

Lackey J. *Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit*. Report at the Seminar 'Problems of rational philosophy', Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, held on 06.05.2013. [<http://iphras.ru/uplfile/socep/lackey.pdf>, accessed on 16.08.2016]

Lackey J. Learning from Words. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2006, no. 73, pp. 77–101.

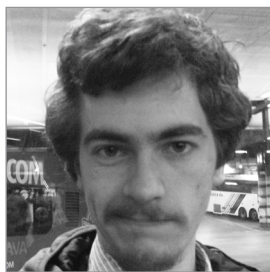
Lackey J., Sosa E. (eds.). *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 322 p.

List Ch., Pettit Ph. Aggregating Sets of Judgments: An impossibility Result. *Economics and Philosophy*, 2002, vol. 18, pp. 89–110.

Wittgenstein L. *Philosophical Investigation*. Oxford: Oxford University Press. 1978. 463 p.

CONDITIONAL ATTITUDE ASCRIPTION*

Daniel Tiskin – graduate student. Saint Petersburg State University.
11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia;
e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Many theories of the *de dicto* / *de re* ambiguity for quantifiers and descriptions follow the tradition started by Kaplan and Lewis in that they make use of notions that are epistemic in nature, such as the notion of acquaintance. This may create the impression that the question about *de re* in attitude report semantics should always be resolved by looking at the reported attitude; if the latter qualifies as *de re* according to some epistemological criteria, then also the attitude report may be true *de re*. The present paper aims to provide an argument to the contrary. The argument proceeds in several steps. First, we point out the existence of a wide range of *de re* readings (mostly already known from the literature), some of which do not target referential or quantificational expressions at all. Second, we show that the existing analyses either give wrong predictions for such cases, or are incomplete, or at least inelegant. Third, we offer a new analysis (which, as it turns out, has predecessors not united by any single tradition) whose main ingredient is the observation that the right predictions result from modifying the Context Set of the conversation in certain intuitive ways before the attitude report is added to the Common Ground. This is the semantic contribution of the paper. The philosophical upshot is that the reasons for an attitude report being *de re* at least in some cases have little to do with the grounds on which the corresponding mental state – the attitude itself – qualifies as *de re*. We also speculate as to how the proposed analysis, which divorces *de re*'ness from epistemic *rapport*, may be extended onto more traditional cases.

Keywords: attitude reports, *de re*, acquaintance, possible world semantics, Context Set

УСЛОВНОЕ ПРИПИСЫВАНИЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК¹

Тискин Даниил Борисович – магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Ряд семантических теорий, объясняющих неоднозначности *de dicto* / *de re* в высказываниях о пропозициональных установках, следуют начатой Д. Капланом и Д. Льюисом традиции, в которой в семантике используются эпистемологические понятия, такие как знакомство (*acquaintance*). Отсюда можно было бы сделать вывод, что семантический вопрос об истинности высказывания о пропозициональной установке *de re* всегда разрешается путём установления того, носит ли характер *de re* соответствующая установка. В настоящей работе делается попытка опровергнуть этот тезис. Мы приводим приме-

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00650 «Аргументация в конкуренции современных исследовательских подходов».

¹ Thanks to those from whom I have benefited at various points on the way that led, finally, to the present paper: Petr Kusliy, Sven Lauer, Ivan Mikirtumov, Tillmann Pross, Ede Zimmermann and an anonymous referee, as well as to the audiences of the seminar “Logic and the Philosophy of Language” at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences and the 20th Amsterdam Colloquium. All remaining errors are mine.

ры чтений *de re*, которые требуют альтернативного анализа. В соответствии с таким анализом нестандартные чтения *de re* возникают, когда контекстуальное множество миров (Context Set) определённым образом модифицируется в соответствии со знаниями участников речевой ситуации. Таким образом, удаётся показать, что по крайней мере в некоторых случаях истинность (или речевая успешность) высказывания о пропозициональной установке *de re* не связана напрямую с эпистемологическими характеристиками соответствующей установки.

Ключевые слова: высказывания о пропозициональных установках, *de re*, эпистемическое знакомство, семантика возможных миров, контекстуальное множество

1. Introduction

It has been emphasised in the literature (see e.g. [Pross, 2015]) that the study of propositional attitude reports should be kept separate from any account of what propositional attitudes themselves or, more generally, mental states are. In particular, the following two questions may turn out to have different answers:

- (a) What are the necessary and sufficient conditions for a propositional attitude to be *de re* w.r.t. a given object (in whatever sense of the latter term)?
- (b) What are the necessary and sufficient conditions for a propositional attitude report to be *de re* w.r.t. a part of the attitudinal clause?

This difference has been blurred in the theories of *de re* that appealed to the notion of *acquaintance*, which in turn goes back to Russell’s epistemology [Russell, 1910–1911] where it is taken to mean “a direct cognitive relation” or direct awareness “of the object itself”. Such theories in various ways implement Frege’s [Frege, 1892] intuition that the difference between co-referential terms that prevents intersubstitutability lies in the different *modes of presentation* they introduce. Here belong the proposals by [Aloni, 2001], [Yanovich, 2011, 2014], [Yalcin, 2015] and, perhaps most prominently in terms of linguistic applications, the research tradition started by Percus & Sauerland [Percus, Sauerland, 2003]. All those accounts have as their main concern the *de re* readings of referring or quantificational expressions. However, as will be shown presently, recent studies have revealed the whole realm of “non-standard” *de re* readings targeting predicates and maybe even quantifiers instead of determiner phrases (DPs) traditionally recognised as giving rise to *de re* readings. To this picture I will here add what seems to be whole attitudinal clauses read *de re*.

Whereas acquaintance with propositions is used by the supporters of “semantic innocence” ([Salmon, 1995, 1997]; see also [Egré, 2014]), it is, together with acquaintance with properties, notoriously spurious from the

philosophical viewpoint. Additionally, most of the contemporary theories of *de re* make considerable use of syntactic apparatus, assuming pieces of structure that do not always have independent linguistic motivation; or alternatively, they complicate the semantic composition process. The latter option is chosen by Yanovich and Yalcin, and to a certain extent by [Santorio, 2014] as opposed to [Percus, Sauerland, 2003] and [Charlow, Sharvit, 2014]. Yet another route is to work with structured propositions [Cresswell, von Stechow, 1982], [Schwager, 2009], which of course also raises the complexity of the semantic component.

In the light of the considerations above, an analysis of “non-standard” *de re* which does not add much to the overall complexity of one’s semantics would be highly welcome, and even more so if it could additionally perform at least some of the more traditional tasks within attitude semantics. The present paper aims to offer such a view. Its essential components are: the proper classification of *de re* readings (Section 2), several assumptions about the universe of possible worlds (Section 3) and a reductive analysis of non-standard *de re* (Section 4), which has recently gained independent motivation in the semantics of conditionals [Priest, 2015]. The analysis is reductive since it reduces non-standard *de re* to *de dicto* plus the update of the Context Set with some contextually salient information. I deem what happens according to my analysis *conditional attitude ascription* because of that analogy to conditionals and because of its being conditional on the state of the Context Set. The final Section 5 speculates about the possible extension of the analysis onto referring expressions and gives the overall conclusion.

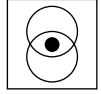
As a result of the present study, it should become clear that at least in the case of non-standard *de re*, the constraints that guarantee *de re*’ness for an attitude report are not those pertaining to the *de re*’ness of the corresponding propositional attitude.

2. The variety of *de re* readings

The terms “*de re*” and “(referentially²) transparent” are sometimes used as interchangeable, although this is plausible only insofar as the simplest cases are concerned such as (1) below. The metaphor of transparency emerged in contraposition to the metaphor of *opacity* [Quine, 1956, 1960] in the sense of being a context that resists substitution of co-extensive terms and quantification in. The term *de re* is (multiply) ambiguous. Out of its possible meanings, the present paper concentrates on the following³:

² The term *referential* does not equally well suit all sorts of *de re* readings, as they can target some sorts of expressions way beyond what is usually taken to refer (on a narrow conception of reference).

³ In some terminological systems [von Fintel, Heim, 2011], the term “*de re*” is reserved for (b) only, in which case it is indeed (roughly) synonymous with “transparent”; (a) is then characterised as “wide scope”, even though the latter term is in its literal sense inapplicable under *in situ* (no-movement) approaches to *de re*.

(a) existential import as characteristic of *de re* readings of referring and quantificational expressions;

(b) interpretation in the domain of the world of evaluation (as opposed to those of the worlds quantified over by an modal operator) for predicates.

The remaining connotations of the term “*de re*”, such as e.g. specificity, are not of special interest in the present study. However, already the range of *de re* phenomena so limited is wide and heterogeneous. I will first summarise the essentials concerning the *de re* readings of referential and quantificational expressions, which have arguably provided the main motivation for acquaintance-based analyses, and then proceed to less canonical cases, on the basis of which I object to such analyses.

2.1. Acquaintance-based semantics for classical *de re*

The simplest cases, known since Russell (1905), involve an ambiguity as to whether a quantificational expression is interpreted at the world of evaluation or within the scope of an intensional operator:

(1) George IV. wished to know whether Scott was the author of *Waverley*.

On the most natural reading of (1), the position of *the author of Waverley* is non-substitutional; on its awkward reading, it is substitutional so that *Scott* can be substituted in the place of *the author of Waverley*, attributing George IV. the unlikely desire to find out if a trivial identity is true.

Russell’s own solution was spelled out in terms of the scope of the description *the author of Waverley*. Similarly, Quine [Quine, 1956] proposed a variation in attitude reports as to whether a given report is read “relationally” ($\sim de re$) or “notionally” ($\sim de dicto$). Instead of a scope ambiguity, he argued for what may nowadays be called *flexible semantic types* for attitude verbs (cf. [Quine, 1977], [Crawford, 2008]), which can either take a propositional argument or two arguments in its place: a property argument and an individual argument. The latter position is then transparent.

However, Quine is also credited for the invention of *double vision puzzles*, which have proved to be a powerful diagnostics for the plausibility of semantic theories of attitude ascription. The gist of all such puzzles is that an attitude holder stands in two different acquaintance relations to a single object, to the effect that she cannot identify the two impressions of it she has. In addition, she has incompatible beliefs concerning the two impressions she has got. (In Quine’s case, there was a certain Ralph who encountered Bernard J. Ortcutt twice and formed two incompatible beliefs concerning him: that he is a spy and that he is not.) Intuitively, in such cases the attitude holder is not in a position to discover an inconsistency in

her own beliefs; according to the most influential viewpoint, this should be predicted by any adequate semantics for attitude reports, but just playing with scope or adicity does not yield the desired result: (2) and (3) are deemed contradictory on any vaguely Russellian account.

(2) Ralph believes that Ortcutt_{de re} is a spy.

(3) Ralph believes that Ortcutt_{de re} is not a spy.

A breakthrough on the way towards solving Quine's puzzle was made by Kaplan (1968). The crucial part of Kaplan's proposal was to make use of vicarious entities instead of directly using referring expressions. Kaplan took those vicarious entities to be internal names the attitude holder has for the object of her attitude (e. g. Ralph would have two distinct internal names for Ortcutt, as he does not identify the two perceptions of Ortcutt he has got); in subsequent literature, they were sometimes identified with Frege's [Frege, 1892] modes or presentation [Yalcin, 2015]. Cf. (4) for (2) and (5) for (3):

(4) $\exists a : R(\text{Ralph}, \text{Ortcutt}, a) \ \& \ \mathbf{believes}(\text{Ralph}, [a \text{ is a spy}])$

(5) $\exists b : R(\text{Ralph}, \text{Ortcutt}, b) \ \& \ \mathbf{believes}(\text{Ralph}, [b \text{ is not a spy}])$

The clause " $R(\text{Ralph}, \text{Ortcutt}, a)$ " is to be read " a is a suitable internal name / mode of presentation of Ortcutt for Ralph". Obviously, as long as different vicarious entities verify (4) and (5), no contradiction arises, as desired.

As it stands, Kaplan's proposal is in need of a compositional implementation. One option⁴, which has proved quite successful in solving intricate semantic puzzles [Percus, Sauerland, 2003], [Percus, 2013], [Charlow, Sharvit, 2014], is to add more machinery to the syntax. This machinery includes *concept generator* (CG) variables and other elements needed to make them work.

To get the feeling of what is going on under the CG theory, consider the Logical Form⁵ (LF) for (2):

(6) Ralph [_{VP} believes [_S 3 [_S 2 [_S w_2 [[G_3 Ortcutt] w_2] [_{VP} is a spy]]]]]

The referring expression *Ortcutt* is wrapped into a constituent which includes the CG variable G_3 (abstracted over by the index 3 just below the attitude verb) and the world variable w_2 (abstracted over in the same

⁴ Another option is to let modes of presentation into the interpretation process, either in the form of an additional parameter of evaluation [Aloni, 2001] or as a component of a composition rule [Yanovich, 2011, 2014; Yalcin, 2015].

⁵ Logical Form is an auxiliary level of syntactic representation within certain versions of Generative Grammar. It serves, among other things, for the disambiguation of ambiguous sentences before semantic interpretation. In the LF given in (6), the world pronoun w_2 occurs twice: the first occurrence serves for the evaluation of the whole subordinate clause, first and foremost its main predicate *is a spy*; the second occurrence specifies the world where the counterpart yielded by G_3 should reside.

fashion). The meaning of the compound $[[G_3 \text{ Ortcutt}] w_2]$ is, according to the theory [Percus, Sauerland, 2003], the individual y in the world w_2 s.t. the centre (in the sense of [Lewis, 1979]) of the world w_2 is *acquainted* with y at w_2 in the very same way the attitude holder (i.e. Ralph) is acquainted with Ortcutt at the world of evaluation. In other words, what is said by (6) is that there is some object o in Ralph’s belief worlds whose epistemic relation to who Ralph takes himself to be is the same as Ortcutt’s relation to Ralph, and that o is a spy. Thus the vicarious entity (acquaintance function) itself does not show up in the syntax, although it still does its job, avoiding contradiction in the pair (2)–(3). This is because (2) and (3) are made true by different CGs, just like (4) and (5) are made true by different vicarious entities.

2.2. The realm of Fodorian readings

At least traditionally, CGs are claimed to operate only on complete DPs (or, technically, on their *traces*). On the other hand, the readings so produced by no means exhaust the variety of *de re* readings attested in natural language. With [Fodor, 1970] and [Bäuerle, 1983] it became clear that when a DP is within the scope of an intensional operator in the surface structure, its restrictor predicate may be evaluated as if unaffected by the operator even when the determiner is interpreted under the operator. E.g. (7) has the following reading on a par with the standard *de re* reading and the *de dicto* reading: ‘Charley wants to buy a coat of a particular kind, but no specific one, whereas the speaker knows Bill has a coat of that kind’.

(7) Charley wants to buy a coat like Bill’s.

Von Fintel & Heim [Von Fintel, Heim, 2011] call such readings “narrow-Q, R-*de-re*” (narrow scope of the quantifier w.r.t. the intensional operator plus the transparent reading of the restrictor predicate). Kusliy [Kusliy, 2013] calls them simply “third readings” (after the two traditionally acknowledged ones). Here I will call them *Fodorian readings*.

There are several ways to generate at least some Fodorian readings. (We will see below that they are not all alike.) Von Fintel & Heim and Kusliy discuss various proposals to this effect. Of all those arguably the most straightforward one is to endow each predicate with an additional world argument, thus generating for the Fodorian reading of (7) the LF in (8):

(8) Charley $[_{VP} \text{ wants } [_s 3 [_s 2 [_s w_2 \text{ PRO}_3 \text{ buy } [_{DP} \text{ a coat-like-Bill’s } @]]]]]]$,

where @ is the name of the world of evaluation. The effect of (8) is that the predicate *coat like Bill’s* is evaluated at the actual world @, so that Charley’s desire amounts to buying one of the coats which are *in fact* (but not necessarily in Charley’s desire worlds) like Bill’s coat.

Now, there are several worries about this sort of strategy. First, the truth conditions for (7) we have just predicted do not exactly fit our intuitions. As Schwager [Schwager, 2009] notes, the predicted truth conditions require that Charley want to buy one of the *existing* coats of the aforementioned kind (or, on a different view of trans-world existence [Lewis, 1968], a counterpart of some existing coat): nothing else, in whatever world it resides itself, can be *actually* a coat like Bill's. This is of course unjustified, as Charley may want to buy such a coat even if Bill's one is the only one manufactured so far. And what if John wanted, say, to marry a mermaid (mermaids assumed to be a kind of fairy) and we reported his desire as

(9) John wants to marry a fairy,

where the predicate *fairy* has an empty extension at the actual world? If any two empty properties were intersubstitutable in such cases, why does *John wants to marry a witch* not suit here?

Second, it has been convincingly argued that the distribution of world arguments obeys several robust restrictions. The simplest among them is the Main Predicate Constraint [Percus, 2000], according to which the main predicate of the attitude clause cannot be evaluated at the actual world:

(10) Mary thinks my brother is Canadian.

cannot mean that for the set of actual Canadians (i.e. the *extension* of the predicate *Canadian*), Mary thinks that whoever is my brother is one of them. Nevertheless, some Fodorian readings arise even w.r.t. main predicates. For example [Schwager, 2009], (11) is claimed to be assertible in case Mary believes Sue is of the same religion as John, whom the interlocutors know to be Catholic (and Mary has no idea); (12) is assertible if John is afraid that his wife broke the curfew, which in fact – as we, but not John, know – started at 6 p.m. Similarly, (13) would be truly utterable even if Mary does not know what we are doing (which in fact is tap-dancing) but thinks that we are again doing that noisy thing we have been doing daily for quite a while already [Cable, 2011].

(11) Mary believes Sue is Catholic.

(12) John is afraid that his wife was out after 6 p.m.

(13) Mary thinks we're tap-dancing now.

Thus it cannot be that world pronouns are responsible for the whole range of Fodorian readings⁶.

⁶ [Schwager, 2009] and [Sudo, 2014] contain proposals that are intended as solutions to the problem. However, Schwager's proposal cannot straightforwardly account for the contextual variation in acceptability discussed in Section 4.2; at the same time, the present paper may be seen as an elaboration on the notion of contextual equivalence appealed to by Sudo.

2.3. Fodorian readings for other constituents

Cases similar to those above can be constructed that involve whole propositions instead of predicates. Imagine, for instance, John’s favourite soccer team one goal ahead while playing against a much stronger opponent; then (14) would be indicative of John’s mental state even though his desire is not directed towards the whistle, but rather to the end of the game, which – as we know – comes with a certain sound.

(14) John wants the final whistle to blow as soon as possible.

Thus the *de re* mode affects a whole proposition. Analogously, it seems that a particularly elusive reading of (15) is verified by the situation where John, a somnambulist, has assassinated the president although he has always supported him when fully conscious. That reading is clearly not the *de dicto* reading in case John has just learned about the assassination from the news (where the murderer’s identity is not revealed) and cannot himself recall anything that happened.

(15) John regrets having shot the president.

This shows that one would like a general mechanism deriving Fodorian readings for a whole scale of types of expressions⁷. Moreover, it is rather unlikely that the notion of acquaintance would be of much help here, given the ontological variety of entities denoted by expressions read *de re*.

3. Levels of worlds

The proposal to follow in Section 4 requires non-standard assumptions about the structure of the universe of possible worlds⁸. In particular, I assume that possible worlds are organised in levels. Basically, there are ground-level worlds, one of which is the actual world @ and the others are alternatives to it. From each of such worlds, a certain number of second-level worlds are accessible via each of the defined accessibility relations. (Accessibility relations select, for a given world w and a given agent a , the worlds that a cannot distinguish between when a is at w .) Moreover, if R_j is the accessibility relation corresponding to the beliefs of John’s and R_m the one corresponding to the beliefs of Mary’s, then no world may be

⁷ Additionally, what has been known as specific opaque, or “wide-Q, R-*de-dicto*” readings ([Szabó, 2010, 2011], [Santorio, 2013], [Ben-Yami, 2014]) may be viewed as a species of Fodorian readings. This depends on how several intricate issues are resolved; see [Tiskin, 2014] for a preliminary discussion.

⁸ Another use for the same assumptions and their formal explication, as well as the discussion of their problems, can be found in [Tiskin, 2016]. Originally the assumptions come from the literature on dynamic epistemic logic [Gerbrandy, 1999], [Lomuscio, 1999].

accessible from any other world by both. From second-level worlds, third-level ones are accessible in the same fashion, etc. *ad infinitum*. Therefore, to each ground-level world w there corresponds a *tree frame* [Hughes, Cresswell, 1996, p. 118 ff.] composed of second-level, third-level worlds and so on: it has w as its root world and a number of branches stemming from it, which may each be branching as well, etc.

Our semantics borrows a good deal of its machinery from Stalnakerian approaches to pragmatics [Stalnaker, 1978, *i.a.*], which model the *information state* of a conversation as a set of worlds, called its Context Set (CS). All and only the worlds of CS, as opposed to the worlds outside it, satisfy the presuppositions of the conversation and the propositions to which the interlocutors are committed. As the conversation proceeds and the information grows, CS narrows down to accommodate new information by means of throwing away the worlds that do not comply with the newly uttered propositions.

In tree-frame semantics CS should be characterised by a set of tree frames (rather than worlds), one of which is the actual frame whose root is the actual world @ and whose branches correspond to whatever attitudes real attitude holders actually have. Other frames in CS differ from the actual one either in the state of affairs in the root world or in what their branches look like, or in both respects. They are unrealised possibilities, and one may mistakenly believe one of them takes place instead of the actual one.

Why is this complex structure needed? Precisely because it allows for fine-tuned updates of CS. Indeed, in the traditional dynamic semantics adding a new restriction on the possible worlds in CS – any assertion functions as a restriction, e.g. *The Earth is round* removes from CS all worlds where the Earth is not round – checks all the worlds in CS as to whether the asserted sentence is true there. With tree frames, one can specify the depth and width of checking, e.g. whether the restriction extends to all worlds, or only to second-level worlds onwards, or only to worlds accessible from a particular second-level world via John's doxastic accessibility relation, etc.; crucially, the rest of the model remains intact. (To the contrary, in the traditional case John's doxastic alternative can *also* be Mary's alternative, so e.g. removing it as an alternative of John's will also affect the alternatives of Mary's, which is sometimes undesired.)

We will see presently the merits of this fine-tuning, but as a preview, consider the following (cf. [Gerbrandy, 1999, p. 108–114]); (cf. [Lomiscio, 1999, p. 116–117]). Assume that w_1 and @ are John's doxastic alternatives and that w_2 and @ are Mary's alternatives at the actual world @. Given this, John deems possible that Mary is not mistaken as to which world she lives in (as @ is one of Mary's alternatives in one of John's alternatives, namely @ itself). Now imagine that Mary changes her mind in a wrong way, so that @ is no longer compatible with what she believes. If this is

modeled by eliminating the @—@ accessibility arrow for Mary, John will be viewed as automatically informed about Mary’s new opinion. In fact, however, Mary may have changed her mind without John knowing that. If Mary’s actual doxastic alternatives (of level 1) are viewed as distinct from Mary’s doxastic alternatives according to what John thinks (of level 2), such a confusion will never arise.

4. Conditional ascription

4.1. Precursors

Either in cases of *de re* readings or otherwise, the speaker’s primary communicative goal is to change the hearer’s information state in a particular way. Therefore, all utterances yielding the same updated state are in one sense *equivalent*; this equivalence is *conditional* on the hearer’s current information state.

In the particular case of *de re* reports, the literature contains several (but rather disjoint) proposals that relate the availability of the *de re* reading to certain conditions on the state of the context. For example, van Fraassen [van Fraassen, 1979] proclaimed that “*x* believes that *A*’ is true if and only if a certain proposition is one of *x*’s beliefs – though that is not generally the proposition which is the content of *A* (in the given context)”. Van Fraassen suggests that the class of candidates for the role of that “other” proposition is jointly determined by *x* believes that *A* and “some contextual factor”. Such a factor for van Fraassen is a certain proposition associated with the given context and called its *contextual auxiliary*. As van Fraassen’s proposal is primarily aimed at the analysis of indexicals, his example is as follows.

(16) He must think I’m rich!

This sentence is intended as said by an irritated mother to her daughter, whose university official, not knowing anything about the mother, demands higher payments. The auxiliary in (16) is *I am your mother*; as can easily be seen, in more conventional terms (16) is intended to be read *de re* w.r.t. *I*. From the conjunction of what the official really believes *de dicto* (something like *Her mother – whoever she is – is rich*) and the auxiliary the content of (16) can be inferred. As long as no stronger statement is relevant, the effect an utterance of (16) would have in the given context is equivalent to the effect of an utterance of the official’s *de dicto* belief.

Some authors, such as Parikh [Parikh, 1998] and Percus [Percus, 2013], went as far as to suggest that there is a special meaning or “use” of belief verbs whose nature is inferential: an agent *x* believes (in this special

sense) that ϕ iff ϕ can be *inferred* from what x believes (in the basic sense) together with what we know, or believe, or consider necessary. Percus suggests that this “use” is “responsible for some judgments that have been discussed in recent literature”. Cable [Cable, 2011] attributes a similar idea to a reviewer of his paper (although does not endorse the idea himself), explicitly mentioning the interlocutors’ Common Ground as the source of premises for the aforementioned inference.

4.2. Context dependence and Priest on “imported information”

Cable made an important observation concerning the acceptability of non-standard Fodorian readings of sentences like his example in (13). He notes that (13) requires that Mary has no relevant *false* beliefs: “If, for example, Mary is assumed to falsely believe that you and I are practicing a breakdancing routine, then sentence [(13)] is... necessarily false”. Similarly, we may add, (11) requires that Mary does not have a belief that manifestly contradicts *Sue is Catholic*, e.g. that Sue is Orthodox. This effect has remained mysterious so far, escaping the eye of Schwager [Schwager, 2009]. In the same vein, Ben-Yami [Ben-Yami, 2014, p. 180] notes about “specific opaque” readings (see fn. 6) that their assertability depends on whether the attitude holder has any beliefs that contradict the *de dicto* reading of the report.

Thus it seems that the agent’s *de dicto* beliefs do unexpectedly play a role in the determination of which *de re* attitude ascriptions can be made⁹. Intuitively, the appeal to CS here starts to make sense: if all worlds in CS verify that Mary takes Sue to to be Orthodox, then the update with *Mary believes that Sue is Catholic* will yield the empty set; but not so if Mary does not hold such a contradicting belief about Sue’s confession.

Recently it has been brought to attention by Priest [Priest, 2015] that similar effects obtain in conditionals. Priest emphasises that we naturally understand conditionals as holding under certain assumptions, together called *imported information*, that “carr[y] over from the actual world”. This is a sense also holds in the traditional Lewis-style semantics, where a counterfactual is deemed true iff the consequent holds in *@-closest* worlds where the antecedent holds [Lewis, 1973]. Priest’s claim is, however, that the set of assumptions in play depends on the context and in a given context may be explicitly formulated. This is illustrated with the following pair of examples:

(17) If this car were a photon, then some cars would travel at about 3×10^8 m/sec.

⁹ On the other hand, (15) does not seem to be subject to this effect.

(18) If this car were a photon, then some photons would travel at about 3 m/sec.

According to Priest, both (17) and (18) can be made sense of at the actual world; it is only that they differ as to what information gets imported: for (17) it is that photons travel with the speed of light; for (18), that this car is traveling at the rather mediocre speed of 11 km/h.

4.3. Ascribing attitudes

The crucial claim of the present section is that at each level of embedding in attitude reports there is a possibility to update CS with some contextually salient piece of information. Consider for instance (11), and take the corresponding *de dicto* reading of

(19) Mary believes that Sue is of the same religion as John.

Assume further that it has already been established in conversation that John is Catholic. Therefore, all worlds in CS verify *John is Catholic*. Now, even if Mary does not believe John is Catholic (but has no belief to the contrary either), in *some* of her doxastic alternatives John may still be Catholic. Such alternatives will survive after the requirement that John be Catholic is imposed onto CS, whereas other alternatives of Mary's will disappear. Thus, in CS updated with *John is Catholic* all remaining alternatives of Mary will verify *Sue is Catholic* (as they verify both *John is Catholic* and *Sue is of the same religion as John*). Hence either the update with (11) or the update with (19) will be vacuous, eliminating no worlds, as CS already supports both. In this sense (11), although not literally (= *de dicto*) true, results in the same state of CS as the *de dicto* true (19). This entitles the speaker to utter (11) instead of (19) in a given conversational situation.

This rather simple picture already suffices to explain the aforementioned blocking effect noticed by Cable. Indeed, if Mary believes that Sue is Orthodox, the preliminary update with *John is Catholic* will leave no doxastic alternatives of Mary's within CS. As this would represent Mary as believing everything (as the empty set of accessible worlds verifies every necessity claim), this interpretative strategy is dispreferred (i.e. the update with *John is Catholic* is avoided), so (11) cannot be successfully asserted.

So far we have made no use of our stratification of worlds, which led us above in Section 3 to the replacement of the simple view on CS as consisting of worlds with the frame-based view. As a result, we performed an operation which was not sufficiently justified: we removed some alternatives of Mary's basing on what we believe ourselves (namely, that John is Catholic); but obviously whatever we believe cannot influence Mary's beliefs directly. Let us therefore recast the explanation in the tree-frame semantics.

Under the tree-frame view, what constitutes a CS and what, correspondingly, gets removed in updates, is whole tree frames, whose root worlds are candidates for the role of the actual world. Therefore, if we impose the restriction on CS to the effect that John is Catholic, all frames where there is at least one world (at any level) where John is not Catholic get removed from CS. Incidentally, the “actual frame” (the one whose root world is @) is also removed (even if it had previously been in CS¹⁰), since in some of Mary’s belief worlds there John is not Catholic. This is again undesired, as not having the actual world in CS means having arrived at a falsity. Is there a way to preserve the actual world within CS while still being able to make an update after which (11) would become assertible?

I suggest that this should be done by defining a new kind of update, which I call *neglect*. Intuitively, this operation corresponds to “disregarding” in each of the frames within CS worlds that do not satisfy some contextually salient conditions, whereas the rest of the frame remains intact. The neglect operation in (20) inspects, for a given world, whether that world or any other worlds accessible from it via any number of accessibility arrows falsify the condition φ ; if a world falsifies it, then it is eliminated together with the worlds accessible from it via any number of arrows. The definition in (20) is recursive: having neglected non- φ worlds at level n , one goes on to inspect if there are worlds at level $(n + 1)$ that does not comply with φ , and so on. (wRv means “ v is R-accessible from w ”.)

$$(20) \text{ CS } * \varphi = \{ w \mid \exists v \text{ in CS : } \varphi \text{ holds at } v \ \& \\ v \text{ is in propositional (= atomic) harmony with } w \ \& \\ \{ u \mid wRu \} = (\{ u \mid vRu \} * \varphi) \}$$

Let us now apply the neglect operation in (20) to the case of (11). First, all worlds where John is not Catholic are neglected. The actual world is not one of those (so it is not removed from CS), although some worlds accessible from it are (and they are removed). As above, in any remaining world accessible for Mary from the root world, whoever is of the same religion as John is Catholic. Hence the equivalence of (11) and (19) in this setting. On the other hand, should Mary believe that Sue is Orthodox, no alternatives of Mary’s at the root @ will remain after the neglect operation has applied. Thus the unacceptability of (11) in case Mary has a *de dicto* belief to the contrary – this is how the blocking effect mentioned above gets derived.

¹⁰ The anonymous reviewer notes that one should not be forgetful of the existence of false beliefs. In case the conversational participants hold at least one false belief, their CS will not include the actual frame. However, this possibility is not particularly relevant to the needs of the present discussion: what is important is, first, that the actual frame should not accidentally get removed from CS if it had been there and, second, that even if the interlocutors are mistaken about the world they live in, the CS our theory attributes to them should be faithful to what they actually believe.

What if we apply similar considerations to the case of (7)? Obviously, Mary’s desires are unspecific w.r.t. whether Bill should have the same type of coat as Mary herself. However, if Mary has no desire to the contrary (i.e. if she does not want Bill to have a different sort of coat), then in some of her desire worlds Bill has the same coat he actually has. Therefore, the neglect-style update of CS with *Bill has a coat of kind X* will preserve some of Mary’s desire worlds; so the new CS will make updates with (7) and with (21) equivalent.

(21) Mary wants to buy a coat of kind *X*.

5. Conclusion and outlook

The motivation behind the proposal of the present paper has been to give a simple and intuitive semantic view on *de re* attitude reports that do not (easily) fit into the existing proposals. Those are primarily some cases of Fodorian readings which display context dependence in their acceptability. I took this context dependence at face value and proposed that *de re* reports – at least a subgroup of them – are *de dicto* reports evaluated against the Context Set of the conversation modified in certain ways in accordance with what the interlocutors know. The acceptability of a *de re* report is thus conditional on the preliminary update of the CS with the salient information. As can be seen, in such cases the speaker’s ability to ascribe an attitude in the *de re* mode has nothing to do with the attitude holder’s “causal rapport” with the object of the attitude. (Sometimes there is even no object, only a property or a proposition, as in (14)–(15).)

It was not my ambition to give an analysis of all sorts of *de re* in one fell swoop. For instance, for many cases such as those discussed by [Percus, 2000] and others we do need variables over possible worlds in the syntax. Another major group of *de re* readings targets referential and quantificational expressions and has been approached in terms of concept generators. As for those, I think a reduction to the present analysis is possible. Here, in the spirit of van Fraassen’s example (16) above (see also [Sæbø, 2015]), what constitutes the preliminary update is a certain identity statement, e.g. *the man Ralph saw on the first encounter = Ortcutt* for (2)/(6). Moreover, the literature on CGs provides data that suggest where in the syntactic structure the choice of the appropriate CG is encoded; I take it that the very same data, once taken in the light of the present discussion, constitute evidence for a covert operator that triggers the neglect operation¹¹.

¹¹ The particular piece of information that is added in each case may be dependent on some quantificational elements higher in the syntactic structure of the attitude report. E. g. *Every boy believes that Ortcutt is a spy* may be true if Billy thinks, “The man in brown hat is a spy”, Tommy thinks, “The man with a suitcase is a spy”, etc., where the underlined descriptions in fact all pick up Ortcutt. Thus the choice of the piece of

The final issue I would like to address here is whether the interpretation I proposed for Fodorian cases constitutes a separate *reading* of attitude reports as opposed to their *de dicto* reading. The issues of “readinghood” are sometimes rather complicated. For instance, van Rooy & Zimmermann [Rooy, Zimmerman, 1996] suggest that Intentional Identity [Geach, 1967] does not constitute a special reading of the corresponding sentences but is rather derived from their normal readings via a pragmatically driven mechanism of re-interpretation. Pross [Pross, 2015] goes even further as he argues that what we usually take to be distinct readings of attitude reports (including Fodorian readings) are rather various ways for the speaker to justify her report, which is itself not ambiguous. On the opposite side of the debate, Percus & Sauerland [Percus, Sauerland, 2003] dedicated a special section to showing that *de se* and *de re* reports have distinct Logical Forms. So the question for the present inquiry is: Does it take a separate reading to evaluate an attitude report against a modified CS (as above) as opposed to normal, *de dicto* evaluation? This is too complex an issue to attempt at a thorough discussion here, but, as I have conjectured, Percus and Sauerland’s cases may fall into the scope of my proposal; thus what they have said about there being distinct readings (and what their opponents, such as Anand [Anand, 2006] and Maier [Maier, 2011], have said to the contrary should be considered relevant.

Список литературы

- Aloni, 2001 – *Aloni M.* Quantification under conceptual covers. PhD thesis. University of Amsterdam, 2001. 204 p.
- Anand, 2006 – *Anand P.* De de se. PhD thesis. MIT. 2006. 170 p.
- Bäuerle, 1983 – *Bäuerle R.* Pragmatisch-semantische Aspekte der NP-Interpretation // *Allgemeine Sprachwissenschaft, Sprachtypologie und Textlinguistik.* Tübingen: Narr, 1983. P. 121–131.
- Ben-Yami, 2014 – *Ben-Yami H.* Bare quantifiers? // *Pacific Philosophical Quarterly.* 2014. Vol. 95. No. 2. P. 175–188.
- Cable, 2011 – *Cable S.* A new argument for lexical decomposition: transparent readings of verbs // *Linguistic Inquiry.* 2011. Vol. 42. No. 1. P. 131–138.
- Charlow, Sharvit – *Charlow S., Sharvit Y.* Bound ‘de re’ pronouns and the LFs of attitude reports // *Semantics and Pragmatics.* 2014. Vol. 7. P. 1–43.
- Crawford, 2008 – *Crawford S.* Quantifiers and propositional attitudes: Quine revisited // *Synthese.* 2008. Vol. 160. No. 1. P. 75–96.
- Cresswell, Stechow, 1982 – *Cresswell M., von Stechow A.* De re belief generalized // *Linguistics and Philosophy.* 1982. Vol. 5. No. 4. P. 503–535.

---

information depends on the choice of the boy indicated by *every boy*. This is similar to how concept generator variables behave (see Section 2.1); cf. an argument in [Tiskin, 2015] for locating quantification over CGs in a particular location within the embedded clause; the argument there carries over to the case of updates.

- Egré, 2014 – Egré P. Hyperintensionality and *de re* beliefs // Epistemology, Context and Formalism. Dordrecht: Springer, 2014. P. 213–243.
- von Fintel, Heim, 2011 – *von Fintel K., Heim I.* Intensional Semantics. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011. vii + 133 p.
- Fodor, 1970 – *Fodor J. D.* The linguistic description of opaque contexts. PhD thesis. MIT, 1970. 388 p.
- van Fraassen, 1979 – *van Fraassen B.* Propositional attitudes in weak pragmatics // *Studia Logica*. 1979. Vol. 38. No. 4. P. 365–374.
- Frege, 1982 – *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. Bd. 100. S. 25–50.
- Geach, 1967 – *Geach P.* Intentional Identity // *Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. No. 20. P. 627–632.
- Gerbrandy, 1999 – *Gerbrandy J. D.* Bisimulations on planet Kripke. PhD thesis, University of Amsterdam, 1999. 184 p.
- Hughes, Cresswell, 1996 – *Hughes, G.E., Cresswell, M.J.* A new introduction to modal logic. L.; N. Y.: Routledge, 1996. 432 p.
- Kaplan, 1968 – *Kaplan D.* Quantifying in // *Synthese*. 1968. Vol. 19. No. 1–2. P. 178–214.
- Kusliy, 2013 – *Куслий П.С.* Проблема третьего прочтения в семантике сообщений о верованиях // *Философия языка и формальная семантика / Под ред. П.С. Куслия*. М.: Альфа-М, 2013. С. 129–160.
- Lewis, 1968 – *Lewis D.* Counterpart theory and quantified modal logic // *Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65. No. 5. P. 113–126.
- Lewis, 1973 – *Lewis D.* Counterfactuals. Oxford: Blackwell, 1973. x + 150 p.
- Lewis, 1979 – *Lewis D.* Attitudes *de dicto* and *de se* // *Philosophical Review*. 1979. Vol. 88. No. 4. P. 513–543.
- Lomuschio, 1999 – *Lomuschio A.* Knowledge sharing among ideal agents. PhD thesis. University of Birmingham. 1999. 170 p.
- Maier, 2011 – *Maier E.* On the roads to *de se* // *Proceedings of SALT 21*. 2011. P. 393–412.
- Parikh, 1998 – *Parikh R.* Propositions, propositional attitudes and belief revision // *Proceedings of Advances in Modal Logic 2*. 1998. P. 381–400
- Percus, 2000 – *Percus O.* Constraints on some other variables in syntax // *Natural Language Semantics*. 2000. Vol. 8. No. 3. P. 173–229.
- Percus, 2013 – *Percus O.* Res-marking in belief reports. Edited transcript of a talk given at the Workshop on Attitudinal Semantics. Keio University, 2013. 67 p.
- Percus, Sauerland, 2003 – *Percus O., Sauerland U.* On the LFs of attitude reports // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 7*. Universität Konstanz, 2003. P. 228–242.
- Priest, 2015 – *Priest G.* Some new thoughts on conditionals. Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium. University of Amsterdam, 2015. P. 13–19.
- Pross, 2015 – *Pross T.* On reporting attitudes: an analysis of desire reports and their reading-establishing scenarios // *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. University of Amsterdam, 2015. P. 323–332.
- Quine, 1956 – *Quine W.V.O.* Quantifiers and propositional attitudes // *Journal of Philosophy*. 1956. Vol. 53. No. 5. P.177–87.
- Quine, 1960 – *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge: MIT Press, 1960. 375 p.

- Quine, 1977 – *Quine W.V.O.* Intensions revisited // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2. No. 1. P. 5–11.
- van Rooy, Zimmerman, 1996 – *van Rooy R., Zimmermann T.E.* An externalist account of Intentional Identity // *Proceedings of the Konstanz Workshop “Reference and Anaphoric Relations”*. 1996. P. 123–136.
- Russel, 1905 – *Russell B.* On denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.
- Russel, 1910 – 1911 – *Russell B.* Knowledge by acquaintance and knowledge by description // *Proceedings of the Aristotelian Society, 1910–1911*. Vol. 11. P. 108–128.
- Sæbø, 2015 – *Sæbø K.J.* Lessons from descriptive indexicals // *Mind*. 2015. Vol. 124. No. 496. P. 1111–1161.
- Salmon, 1995 – *Salmon N.* Being of two minds: belief with doubt // *Noûs*. 1995. Vol. 29. No. 1. P. 1–20.
- Salmon, 1997 – *Salmon N.* Is *de re* belief reducible to *de dicto*? // *Canadian Journal of Philosophy*. 1997. Vol. 27. No. sup1. P. 85–110.
- Santorio, 2013 – *Santorio P.* Descriptions as variables // *Philosophical Studies*. 2013. Vol. 164. No. 1. P. 41–59.
- Santorio P. *On the plurality of indices*. Draft paper, 2014. URL: <http://paolo-santorio.net/opi.draft3b.pdf> (дата обращения: 15.08.2016).
- Schwager, 2009 – Schwager M. Speaking of qualities // *Proceedings of SALT 19*. 2009. P. 395–412.
- Stalnaker, 1978 – *Stalnaker R.* Assertion // *Syntax and Semantics*. 1978. Vol. 9. P. 315–332.
- Szabó, 2010 – *Szabó Z. G.* Specific, yet opaque // *Logic, Language and Meaning: 17th Amsterdam Colloquium, Amsterdam, the Netherlands, December 16–18, 2009, Revised Selected Papers*. Dordrecht: Springer, 2010. P. 32–41.
- Szabó, 2011 – *Szabó Z. G.* Bare quantifiers // *Philosophical Review*. 2011. Vol. 120. No. 2. P. 247–283.
- Sudo, 2014 – *Sudo Y.* On *de re* predicates // *Proceedings of WCCFL 31. Cascadilla Proceedings Project*, 2014. P. 447–456.
- Tiskin, 2014 – *Tiskin D.* Specific opaque readings and proportional determiners. *Semantics Archive draft*, 2014. 45 p.
- Tiskin, 2015 – *Tiskin D.* Locating hidden quantifiers in *de re* reports // *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. University of Amsterdam, 2015. P. 398–407.
- Tiskin, 2016 – *Tiskin D.* Transparent readings and privileged worlds // *Logical Investigations*. 2016. Vol. 22. № 2. P. 16–30.
- Yalcin, 2015 – *Yalcin S.* Quantifying in from the Fregean perspective // *Philosophical Review*. 2015. Vol. 124. No. 2. P. 207–253.
- Yanovich, 2011 – *Yanovich I.* The problem of counterfactual *de re* attitudes // *Proceedings of SALT 21*. 2011. P. 56–75.
- Yanovich, 2014 – *Yanovich I.* Is *de re* without syntax feasible? Talk given at Utrecht University, 2014. 30 p.

References

- Aloni M. *Quantification under conceptual covers*. PhD thesis. University of Amsterdam, 2001, 204 p.
- Anand P. *De de se*. PhD thesis. MIT, 2006. 170 p.
- Bäuerle R. Pragmatisch-semantische Aspekte der NP-Interpretation. In: *Allgemeine Sprachwissenschaft, Sprachtypologie und Textlinguistik*. Narr, 1983, pp. 121–131.
- Ben-Yami H. Bare quantifiers? *Pacific Philosophical Quarterly*, 2014, vol. 95, no. 2, pp. 175–188.
- Cable S. A new argument for lexical decomposition: transparent readings of verbs. *Linguistic Inquiry*, 2011, vol. 42, no. 1, pp. 131–138.
- Charlow S., Sharvit Y. Bound ‘de re’ pronouns and the LFs of attitude reports. *Semantics and Pragmatics*, 2014, vol. 7, pp. 1–43.
- Crawford S. Quantifiers and propositional attitudes: Quine revisited. *Synthese*, 2008, vol. 160, no. 1, pp. 75–96.
- Cresswell M., von Stechow A. *De re* belief generalized. *Linguistics and Philosophy*, 1982, vol. 5, no. 4, pp. 503–535.
- Egré P. Hyperintensionality and *de re* beliefs. In: *Epistemology, Context and Formalism*. Dordrecht: Springer, 2014, pp. 213–243.
- von Fintel K., Heim I. *Intensional Semantics*. Unpublished lecture notes. MIT, 2011. vii + 133 p.
- Fodor J. D. *The linguistic description of opaque contexts*. PhD thesis. MIT, 1970. 388 p.
- van Fraassen B. Propositional attitudes in weak pragmatics. *Studia Logica*, 1979, vol. 38, no. 4, pp. 365–374.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1892, Bd. 100, S. 25–50.
- Geach P. Intentional Identity. *Journal of Philosophy*, 1967, vol. 64, no. 20, pp. 627–632.
- Gerbrandy J. D. *Bisimulations on planet Kripke*. PhD thesis, University of Amsterdam. 1999. 184 p.
- Hughes, G. E., Cresswell, M. J. *A new introduction to modal logic*. London, New York: Routledge, 1996. 432 p.
- Kaplan D. Quantifying in. *Synthese*, 1968, vol. 19, no. 1–2, pp. 178–214.
- Kusliy P. Problema tret’ego prochteniya i semantika soobshcheniy o verovaniyakh [The problem of the third reading and the semantics of belief]. In: P. Kusliy (ed.). *Filosofiya yazyka i formal’naya semantika* [Philosophy of Language and Formal Semantics]. Moscow: Al’fa-M Publ., 2013, pp. 129–160. (In Russian)
- Lewis D. Counterpart theory and quantified modal logic. *Journal of Philosophy*, 1968, vol. 65, no. 5, pp. 113–126.
- Lewis D. *Counterfactuals*. Oxford: Blackwell, 1973. x + 150 p.
- Lewis D. Attitudes *de dicto* and *de se*. *Philosophical Review*, 1979, vol. 88, no. 4, pp. 513–543.
- Lomuschio A. *Knowledge sharing among ideal agents*. PhD thesis, University of Birmingham. 1999. 170 p.
- Maier E. On the roads to *de se*. *Proceedings of SALT 21*, 2011, pp. 393–412.

- Parikh R. Propositions, propositional attitudes and belief revision. *Proceedings of Advances in Modal Logic 2*, 1998, pp. 381–400.
- Percus O. Constraints on some other variables in syntax. *Natural Language Semantics*, 2000, vol. 8, no. 3, pp. 173–229.
- Percus O. *Res-marking in belief reports*. Edited transcript of a talk given at the Workshop on Attitudinal Semantics. Keio University, 2013. 67 p.
- Percus O., Sauerland U. On the LFs of attitude reports. *Proceedings of Sinn und Bedeutung 7*. Universität Konstanz, 2003, pp. 228–242.
- Priest G. Some new thoughts on conditionals. In: *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. University of Amsterdam, 2015, pp. 13–19.
- Pross T. On reporting attitudes: an analysis of desire reports and their reading-establishing scenarios. In: *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. University of Amsterdam, 2015, pp. 323–332.
- Quine W. V. O. Quantifiers and propositional attitudes. *Journal of Philosophy*, 1956, vol. 53, no. 5, pp. 177–87.
- Quine W. V. O. *Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1960. 375 p.
- Quine W. V. O. Intensions revisited. *Midwest Studies in Philosophy*, 1977, vol. 2, no. 1, pp. 5–11.
- van Rooy R., Zimmermann T. E. An externalist account of Intentional Identity. *Proceedings of the Konstanz Workshop "Reference and Anaphoric Relations"*, 1996, pp. 123–136.
- Russell B. On denoting. *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.
- Russell B. Knowledge by acquaintance and knowledge by description. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1910–1911, vol. 11, 108–128.
- Sæbø K. J. Lessons from descriptive indexicals. *Mind*, 2015, vol. 124, no. 496, pp. 1111–1161.
- Salmon N. Being of two minds: belief with doubt. *Noûs*, 1995, vol. 29, no. 1, pp. 1–20.
- Salmon N. Is *de re* belief reducible to *de dicto*? *Canadian Journal of Philosophy*, 1997, vol. 27, no. sup. 1, pp. 85–110.
- Santorio P. Descriptions as variables. *Philosophical Studies*, 2013, vol. 164, no. 1, pp. 41–59.
- Santorio P. On the plurality of indices. Draft paper, 2014. [<http://paolosantorio.net/opi.draft3b.pdf>, accessed on 15.08.2016]
- Schwager M. Speaking of qualities. *Proceedings of SALT 19*, 2009, pp. 395–412.
- Stalnaker R. Assertion. *Syntax and Semantics*, 1978, vol. 9, pp. 315–332.
- Szabó Z. G. Specific, yet opaque. In: *Logic, Language and Meaning: 17th Amsterdam Colloquium, Amsterdam, the Netherlands, December 16–18, 2009, Revised Selected Papers*. Springer, 2010, pp. 32–41.
- Szabó Z. G. Bare quantifiers. *Philosophical Review*, 2011, vol. 120, no. 2, pp. 247–283.
- Sudo Y. On *de re* predicates. *Proceedings of WCCFL 31*. Cascadilla Proceedings Project, 2014, pp. 447–456.
- Tiskin D. *Specific opaque readings and proportional determiners*. Semantics Archive draft, 2014. 45 p.
- Tiskin D. Locating hidden quantifiers in *de re* reports. *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. University of Amsterdam, 2015, pp. 398–407.

Tiskin D. Transparent readings and privileged worlds. To appear in: *Logical Investigations*, 2016. vol. 22, no. 2, pp. 16–30.

Yalcin S. Quantifying in from the Fregean perspective. *Philosophical Review*, 2015, vol. 124, no. 2, pp. 207–253.

Yanovich I. The problem of counterfactual *de re* attitudes. *Proceedings of SALT 21*, 2011, pp. 56–75.

Yanovich I. *Is de re without syntax feasible?* Talk given at Utrecht University, 2014. 30 p.

ARGUMENT AND METAPHYSICS

Enrique Villanueva – PhD in Philosophy, professor. Universidad Nacional Autónoma de México. Cd. Universitaria, 04510 Ciudad de México, D.F., México; e-mail: villanueva@unam.mx

This paper explores the idea of linguistic meaning in the case of metaphysical referents or entities, quoting Plato's view assumed by Wittgenstein that there couldn't be a language for metaphysical referents like the Good or God. In order to expose the conceptual situation recourse is made to the thesis of a Logical Proper Name and to the thesis of Private Names as contrasting views of the nature of names and language. Furthermore, it is surmised that the Wittgenstein view helps to realise why there cannot be metaphysical arguments. But all of that is presented in a very sketchy way and has to wait for further development.

Keywords: meaning, reference, Wittgenstein, metaphysical arguments

РАССУЖДЕНИЕ И МЕТАФИЗИКА

Энрике Вильянуэва – доктор философии, профессор. Национальный автономный университет Мексики. Cd. Universitaria, 04510 Ciudad de México, D.F., Мексика; e-mail: villanueva@unam.mx

В данной статье исследуется идея языковых значений в ее отношении к метафизическим сущностям (например, к Благу или Богу), для которых, как полагал Витгенштейн, следуя за Платоном, язык не пригоден. Обзор данной темы предполагает рассмотрение проблем имен собственных и личных имен, отражающих различное видение природы имен и языка. Кроме того, автор считает, что позиция Витгенштейна помогает понять, почему в данном случае невозможны метафизические рассуждения. Однако все доводы представлены лишь в форме предварительных соображений и нуждаются в дальнейшей разработке.

Ключевые слова: значение, референция, Витгенштейн, метафизические рассуждения

Plato famously posed *Kalos-Kagathos* (KK) as the supreme Metaphysical reality: it is what really is, and our world is only appearance, phenomenon, something subject to change that is only in the measure that it **participates** of the supreme reality. We cannot know or refer to KK, for it is necessarily beyond our epistemic powers that are designed only for appearances or phenomena. This has been a paradigm metaphysical thought through millennia. It is a central tenet of many thinkers to set the true reality beyond our grasp: what is truly real, the most firm and enduring reality is

necessarily beyond our grasping powers. Still, we can think that ultimate metaphysical reality even if we cannot grasp it. This regal thesis wraps a paradox of a special kind.

The paradox arises from entertaining the thought that there is something most important that is absolutely and necessarily real, the most real, so much so that we cannot grasp it: how can we think of such tremendous reality and at the same time not being able of grasping and expressing it? How can we think an ontological reality and not being able to enter it and discern its nature? There is here a problem of accessibility and of elucidation of that that is the utmost reality.

Ludwig Wittgenstein in *Tractatus* gives the linguistic turn to Plato's thesis and speaks of meaning and reference not of knowledge.

He takes Plato's thesis and states that we cannot refer to KK, we can only refer and mean particular things or facts – states of affairs: KK lies beyond any possible language-meaning, it lies in the realm of non-sense or beyond the realm of sense; still it shows itself. Let's consider Plato's thesis in the linguistic turn.

Wittgenstein takes the case of Plato's Good as the main Idea among all Ideas. Good has been considered the subject of a paradigm philosophical discipline that is called Ethics – with a capital – to distinguish it from the many ethics and morals that we hold in the parish. Wittgenstein addresses an idea of a science of Ethics or the Good:

... what Ethics really would have to be if there were such a science... that nothing we could ever think or say should be *the* thing... if a man could write a book on Ethics, this book would, with an explosion, destroy all the other books in the world. Our words used as we use them in science, are vessels capable only of containing and conveying meaning and sense, *natural* meaning and sense. Ethics, if it is anything, is supernatural and our words will only express facts; as a teacup will only hold a teacup full of water and if I were to pour out a gallon over it¹.

We can generalize the thesis making recourse to the canonical notation of quantificational logic: That Metaphysical entities are never the value of variables in the canonical notation, and thus we cannot quantify over metaphysical entities. Such is the limited scope of variables in canonical notation.

Our logic is not designed to cope with Metaphysical entities. Worst still, there cannot be a logical notation that could house metaphysical entities like God, the Cosmos, the Eternal, etc.

Lets look into the conceptual situation closely: there is this idea of a Logical Proper Name (LPN) discussed by Bertrand Russell. According to it a LPN is a name that is always necessarily tied or accompanied by its sense and its referent; the LPN is the perfect name, a paradigm of namehood, for

¹ See: [Wittgenstein, 1993, p. 40].

it never could be an empty name, it will always be saturated keeping its content and referent necessarily tied up. The case of Good is at the other end, opposite radically to that of a LPN, for in the case of the Good the referent of such a name is always necessarily beyond the name 'Good' and can never be contained in that name.

Stated generally, the main Metaphysical entities cannot be the meanings or referents of words in any language; if there were to be set as meanings, such referents will blow up the words and the whole of language. One other way of setting the point is to say that the semantic powers of ordinary words and sentences are not enough to contain and convey the meanings and referents of the great metaphysical entities like Good or God.

In the case of Ethics – that is necessarily linked to will – the absolute road is one that we will follow with logical necessity, no matter what we think or wish: that absolute thing will impede us to follow with absolute necessity, automatically, straightforwardly. The absolute thing will push our impending will to want to get it and it will act straightforwardly to attain it. We cannot just grasp the Good, but grasping it amounts necessarily to throw ourselves into action to attain it. No weakness of will is possible in the case of the Good; such is the nature of that Metaphysical entity. We can easily see that there is no name or predicate in our language that is furnished with such an outstanding power, and that in the case of our 'good' there is always the possibility of having weakness of will.

There is one another conceptual monster in this area, namely, the metaphysically private language² (PL). In the PL the private names are necessarily tied to the private objects or referents which are owned by subjects and the tie is of such nature that necessarily only the owner of that private object can get to its referent and thus can understand the private names. This resembles the conceptual situation of the LPN but in the case of the PL such LPN are private names.

Thus we arrive to a fourfold types of languages and words and sentences, namely:

1. Ordinary names and sentences that refer and mean diverse things and states of affairs at different times and situations;
2. The LPN in a perfect logical language;
3. The private names in a PL;
4. The Metaphysical entities for which there cannot be a language, and no meaning nor reference in any possible world.

This may help to understand why we lack demonstrative arguments in Metaphysics: logic does not work there and arguments cannot be framed. But this is the subject of another disquisition.

---

² See: [Villanueva, 1983].

Список литературы

Villanueva, 1983 – *Villanueva E.* Private Names // *Critica*. 1983. No. 45. P. 45–62.

Wittgenstein, 1993 – *Wittgenstein L.* Lecture on Ethics // *Wittgenstein L.* Philosophical Occasions, 1912–1951 / Ed. by J. Klagge, A. Norman. Indianapolis: Hackett, 1993. 450 p.

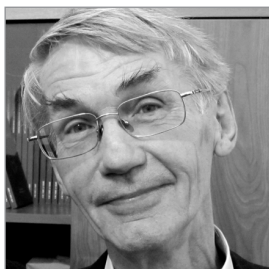
References

Villanueva E. Private Names. *Critica*, 1983, no. 45, pp. 45–62.

Wittgenstein L. Lecture on Ethics. In: J. Klagge, A. Norman (eds.). *L. Wittgenstein. Philosophical Occasions, 1912-1951*. Indianapolis: Hackett, 1993. 450p.

Можно ли говорить о трансцендентном?*

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

Статья представляет собой реплику к тексту «Аргумент и метафизика» мексиканского философа Э. Вильянуэвы. Рассматривается вопрос о том, можно ли в сфере метафизики высказывать осмысленные утверждения и вести корректные дискуссии. Показывается, что аргументация Вильянуэвы, опирающаяся на сформулированную им типологию языков, применительно к которым можно говорить о значении языковых выражений, наследует традиционные аналитические представления о языке Фреге, Витгенштейна и Рассела, в которых язык как статичная и в принципе формализуемая структура противопоставляется речи как стихийной эмпирической практике, подлежащей логическому очищению. Автор высказывает критические замечания по поводу позиции тех исследователей, которые, опираясь на чрезмерно узкие концепции значения языковых выражений и существования, утверждают, что по поводу метафизических сущностей дискуссии невозможны.

Ключевые слова: метафизика, референт, существование, язык, чувственное восприятие

IS SPEAKING ABOUT THE TRANSCENDENTAL POSSIBLE?

Alexander Nikiforov – DSc in Philosophy, chief research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

This is a reply to the paper by Enrique Villanueva “Argument and metaphysics”. Author considers the problem of meaning in terms of metaphysical statements and the possibility of discussions on metaphysical topics. The author demonstrates that Villanueva’s arguments based upon a typology of languages, in terms of which one might talk about the meaning of linguistic expressions, inherits the traditional analytical ideas of language formulated by Frege, Wittgenstein and Russell, in which language as a static and potentially formalized structure is opposed to speech as a spontaneous empirical practice, which is subject to logical purification. Author criticizes the concepts that neglect the metaphysical discussions for the narrow understanding of meaning in linguistic expressions.

Keywords: metaphysics, referent, existence, language, sensory perception

* Статья написана при поддержке РФНФ, проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

В статье Энрике Вильянуэвы поставлен весьма интересный философский вопрос, на который автор предлагает свой ответ. К сожалению, текст слишком краток и мысль автора не всегда ясна, поэтому я могу ошибаться в ее истолковании. Тем не менее попробуем выделить основную линию рассуждений автора.

Как известно, Платон расщепляет бытие на два мира – мир идей, вечных неизменных сущностей, и чувственно воспринимаемый мир текучих, изменчивых вещей. В своем обыденном житейском опыте мы способны познавать лишь преходящие вещи, доступные чувственному восприятию. О мире идей мы не способны получить знание. Вильянуэва усматривает здесь парадокс: если мы не имеем никакого знания о мире идей, то как мы вообще способны мыслить о нем?

В XX в. Л. Витгенштейн придал этому вопросу лингвистическую форму. В своем «Трактате» он говорит не о *познании* сверхчувственных сущностей, а о *значениях* наших слов и предложений. Он полагает, что о таких метафизических вещах, как Благо, Бог, Космос, Вечность, говорить нельзя, ибо они не могут выступать в качестве референтов наших слов. К этому Вильянуэва добавляет мысль Б. Рассела о том, что «пустые» имена типа «нынешний король Франции» являются псевдоименами и лишены значения. Нет языка, на котором можно было бы говорить о метафизических сущностях, они не могут быть референтами наших слов. Поэтому, приходит к выводу автор, в области метафизики никакая аргументация невозможна. Здесь вера заменяет рассуждения.

Вывод автора кажется смелым, пожалуй, даже слишком смелым, если вспомнить о том, что, начиная с того же Платона, философы много рассуждали о метафизических сущностях и немало спорили о них. Убрать из философии рассуждения и споры о Добре, Истине, Красоте, о том, каков мир «сам по себе» значит уничтожить философию как стремление к мудрости и свести ее к техническому анализу языка. Боюсь, здесь наш автор слишком хорошо усвоил образ мыслей раннего Витгенштейна и его отношение к философии. Но дело не только в этом.

Вильянуэва, как мне кажется, в своих рассуждениях о метафизике опирается на очень узкую концепцию именованности и существования. Подлинными именами являются только те слова, которые обозначают чувственно воспринимаемые объекты, а существует только то, что можно воспринять с помощью органов чувств. Рассел рассматривает предложение «Нынешний король Франции лыс». Истинно оно или ложно? Мы не можем ответить на этот вопрос: поискав короля среди лысых, мы его не обнаружим, следовательно, наше предложение ложно. Но, поискав короля среди нелысых, мы и там его не обнаружим, следовательно, отрицание нашего предложения также ложно. Нарушение закона исключенного третьего! Это

объясняется тем, полагал Рассел, что выражение «нынешний король Франции» не является обозначающим выражением и должно быть устранено из языка. Точно так же и имя «Пегас» не является подлинным именем, ибо предложение «Пегас летает» приводит к тем же затруднениям: среди летающих существ мы его не найдем, но мы не найдем его и среди не летающих!

Ясно, что такая трактовка обозначающих выражений и существования является в высшей степени наивной. Стоит ли говорить о том, что существуют многие вещи, недоступные чувственному восприятию? Объекты математики, квантовой физики, астрономии нельзя увидеть, пощупать, понюхать, но они же существуют! Да и вообще, со времен У. Куайна тривиальной стала мысль о том, что теоретическая система сама задает свою онтологию и определяет, что считать существующим, а что – не существующим. Научная теория, как правило, говорит об идеализированных, абстрактных объектах и рассматривает эти объекты как существующие в онтологической картине, задаваемой теорией. О свойствах и отношениях этих объектов можно рассуждать, можно спорить, можно обосновывать или опровергать утверждения о них. Почему же этого нельзя делать в отношении трансцендентных объектов метафизики?

По-видимому, начиная с работ Г. Фреге, в логической семантике сложилась традиция рассматривать все языковые выражения как имена, обозначающие конкретные единичные объекты или множества таких объектов. Референтом собственного имени является единичный объект, референтом общего имени – множество объектов. Скажем, референтом имени «Александр Пушкин» будет наш великий русский поэт, референтом имени «Джордж Байрон» будет великий английский поэт. Это кажется вполне простым и естественным, но природа референтов даже собственных имен далеко не всегда ясна. Да, Пушкин и Байрон являются чувственно воспринимаемыми объектами, с ними можно было общаться и т. д. Но что собой представляет референт имени «Москва»? Мы скажем, что это город, столица России. Но можно ли мыслить и воспринимать этот референт с той же определенностью, с какой мы мыслим Пушкина или Байрона? Вряд ли. Еще сложнее обстоит дело с референтами таких собственных имен, как «Столетняя война между Англией и Францией», «Реформация», «Версальский мир», «Сталинградская битва» и т. п. Тем не менее мы вполне осмысленно употребляем эти имена, можем строить истинные или ложные утверждения с их помощью, можем обосновывать или опровергать предложения, содержащие такие имена. Но если мы допускаем наличие референтов у имен такого рода, то почему бы не допустить, что метафизические выражения, говорящие о трансцендентных сущностях, также имеют референты? Почему мы не можем рассуждать о таких вещах, как Благо, Истина, Красота, Справедливость?

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ?

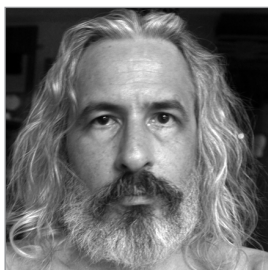

Можно надеяться на то, что философы всегда будут рассуждать и спорить о таких вещах, – в этом суть философии. Однако Вильянуэва прав в одном отношении: нужно внимательно присматриваться к смыслу и значению не только метафизических выражений, но и научных терминов, и слов повседневного языка.

ТРЕТЬЕ ПРОЧТЕНИЕ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Черняк Алексей Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Статья посвящена анализу предложений, описывающих чью-либо психологическую установку, высказываемых с точки зрения человека, для которого иметь такую установку значит не то же самое, что иметь ее для субъекта, которому он ее приписывает. Эти ситуации характеризует «парадокс объемов», когда стандартные прочтения предложения, одно из которых размещает содержание, отображающее специфическую точку зрения говорящего на описываемую установку, вне, а другое – внутри сферы действия глагола, указывающего на тип установки, – не отвечают интуитивному пониманию сказанного в предложении. Решением этих ситуаций в современной теоретико-модельной семантике принято считать нахождение специального третьего прочтения. В статье предлагается кластерный анализ случаев предложений, допускающих третье прочтение. Показано, что появление такого предложения в составе дискурса можно трактовать как объединение двух (и более) лингвистических кластеров выполняющих разные роли в соответствующем дискурсе. В этом случае уместно говорить не о едином контексте высказывания данного предложения, а о последовательности контекстов производства соответствующих кластеров. При таком анализе третье прочтение может быть устранено.

Ключевые слова: значение, условия истинности, семантика, логический анализ, пропозициональная установка, третье прочтение, парадокс объемов, кластер

THE THIRD READING: A CLUSTER ANALYSIS

Alexey Chernyakh – PhD in Philosophy, assistant professor. People's Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: abishot2100@yandex.ru

This issue is dedicated to the analysis of sentences which purpose is to describe someone's psychological attitudes in terms of the corresponding but different attitudes of agents of describing reports, and which understanding produces so called "scope paradox". Normally any sentence which describes someone's attitude with propositional content has two readings: according to one of them the expression of how an agent of the report view the described attitude is placed outside of the scope of an attitude operator; according to another it is placed within that scope. But sometimes intuition says that neither reading would properly represent what is being said in the report. In order to solve the problem which such cases seem to generate the idea of a third reading was proposed. But perhaps we still don't need third reading in order to express proper understanding of such difficult cases; in what follows it will be shown for the sake of this hypotheses that if the sentences in question are analyzed as clusters of reports all we need are two standard readings.

Keywords: meaning, truth conditions, propositional attitude, semantics, logical analysis, third reading, scope paradox, cluster

Проблема третьего прочтения

В современной лингвистике и философии языка широкое распространение получил анализ семантик естественных языков логическими средствами¹. Такой подход предписывает считать значениями осмысленных предложений естественных языков их истинностные значения, для приписывания которых необходимо знать условия истинности интерпретируемых предложений. Но определенные условия истинности можно приписать предложению, только если оно выражает определенную мысль². С точки зрения формальной семантики мысль представляет собой логическую конструкцию, в которой элементы – значения отдельных составляющих предложения – связаны логически. Так, «и» в «Снег белый и пушистый» трактуется как логический оператор конъюнкции, а предикат «[есть] белый и пушистый» – как выражение функции, отображающей аргумент (значение субъектного термина) на множество истинностных значений. Для описания логического содержания мыслей используются искусственно созданные формальные языки, и данный подход предполагает, что для каждого осмысленного предложения естественного языка существует хотя бы одно предложение формального языка, описывающее мысль, которую это предложение выражает, и являющееся, таким образом, его синонимом. Термины таких языков, включая символы, используемые в них в роли имен, считаются однозначными³. В силу этого логический парафраз позволяет приписывать предложениям естественных языков определенные условия истинности, устраняя их естественную неоднозначность.

Но одно и то же предложение естественного языка может выражать разные мысли в разных ситуациях (контекстах), в зависимости, например, от того, что именно хотят с его помощью сказать. Так, «Снег белый» может выражать мысль, что любой снег всегда белого цвета, а может сообщать, что какой-то определенный наблюдаемый говорящим снег выглядит белым в момент наблюдения. В этих случаях условия истинности предложения зависят не только лексических значений составляющих его слов и от принципа их

¹ Основы логического анализа языка были заложены Г. Фреге [Фреге, 1967]. Позднее эти принципы были применены к моделированию семантик естественных языков [Монтегю, 1974; Льюис, 1972] и др.

² С точки зрения Фреге [Фреге, 1948], помимо значений у языковых выражений есть также смыслы, определяющие значения, и мысль является смыслом предложения. Формальные семантики в основном базируются на этой двухуровневой теории значения.

³ Насколько это условие выполнимо, учитывая, что значение искусственно созданному термину приписывается на основе определения, обычно включающего выражения естественных языков – отдельный вопрос.

комбинирования, но и от того, например, какими еще терминами, опущенными в предложении в интересах краткости, удобства и т. п. его следует дополнить с точки зрения говорящего. Только в этом случае к предложению можно применить какой-то определенный логический парафраз.

Помимо прочего предложения естественных языков используются для сообщения информации об убеждениях, знаниях, желаниях и прочих психологических установках участников коммуникации. Условия истинности таких предложений связывают их с двумя группами обстоятельств: *объективными* положениями дел (фактами) и *субъективными* точками зрения, убеждениями, представлениями и т. п. Можно не считать, что факты объективны, но во всяком случае форма многих предложений указывает на то, что их следует трактовать как описания чего-то независимого от точек зрения и оценивать относительно того, как обстоят дела объективно. Насколько это выполнимо – другой вопрос.

Например, истинность предложения

В Саратове идет дождь

предположительно зависит от того, идет ли дождь в Саратове (в какой-то определенный период времени). А истинность

(1) *Петя верит, что в Саратове идет дождь,*

зависит как от существования какого-то или (чаще) конкретного Пети, о котором идет речь, так и от того, во что именно он верит.

Но (1) двусмысленно, поскольку понимание значений всех его лингвистических составляющих не позволяет сказать, говорит оно об объективном положении дел – дожде в Саратове, – что в него верит Петя, или только о содержании убеждений Пети. В последнем случае, в частности, (1) могло бы быть истинно, даже если бы Саратов не существовал, но Петя верил бы, что он существует и что в нем идет дождь.

Эта двусмысленность нашла свое отражение в концепции двух прочтений сообщений о психологических установках, называемых обычно *de re* и *de dicto*. В первом случае все или некоторые референциальные выражения, встречающиеся в анализируемом предложении после глагола установки (в данном случае «верит»), читаются как обозначающие нечто существующее независимо от содержания самой приписываемой установки. Они как бы выводятся в этом случае из-под управления глагола установки и имеют так называемый *широкий охват*. Такое прочтение (1) можно в формальном виде представить как:

$\exists x \exists y (\text{Петя}(x) \wedge \text{Саратов}(y) \wedge x \text{ верит } [\text{идет дождь в } y])$.

С другой стороны, *de dicto* прочтение приписывает (1) сообщение исключительно о том, во что верит Петя; в этом случае все референциальные выражения под управлением глагола установки имеют так называемый *узкий охват*, т. е. читаются как обозначающие нечто, существующее только с точки зрения субъекта установки:

$\exists x(\text{Петя}(x) \wedge x \text{ верит } [\exists y(\text{Саратов}(y) \wedge \text{идет дождь в } y)])$.

Обычно информацию о том, какое прочтение уместно использовать для оценки высказывания, оценивающие черпают из контекста, а именно – предполагая, что хотел сказать или должен был хотеть сказать в данной ситуации субъект сообщения.

Но в некоторых ситуациях не получается выбрать для высказывания одно из двух указанных прочтений. Один из самых известных примеров такого рода получил название проблемы «третьего прочтения». На него первой обратила внимание Ж. Фодор [Фодор, 1970], заметив, что предложение

(2) *Мэри хочет купить точно такую же шляпу, как моя*

имеет три прочтения, соответствующие трем разным сценариям, в которых (2) может быть высказано. Скорее всего, согласно (2), Мэри не хочет купить шляпу, которую она сама описала бы с помощью выражения «точно такая же, как моя»; следовательно, *de dicto* прочтение не годится для интерпретации (2), так как приписывает Мэри желание, которого она явно не имеет. С другой стороны, в мире может не существовать больше ни одной шляпы описанного вида, поэтому *de re* прочтение будет в таком случае делать (2) ложным; между тем интуитивно (2) не является ложным в описанной ситуации, даже если больше ни одной соответствующей шляпы не существует. Отсюда возникает необходимость третьего прочтения.

Согласно Фодор третьим прочтением (2) будет соответствовать предложению

Мэри хочет купить некую шляпу, отвечающую определенным параметрам, но она не знает, что эта шляпа будет точно такая же, как моя,

которое сообщает, что Мэри хочет, чтобы имела место ситуация, в которой существует шляпа, отвечающая определенным параметрам, и она ее покупает, но эта шляпа – точно такая же, как действительная шляпа говорящего⁴.

⁴ Предполагается, что (2) высказано не Мэри, т. е. сообщает о ее желании не с ее собственной точки зрения. Если бы (2) было высказано самой Мэри, скорее всего, оно сообщало бы либо, что у Мэри есть некая определенная шляпа и еще одну точно такую же она хочет купить, либо что она хочет, чтобы имела место ситуация, в которой у нее есть определенная шляпа и она покупает еще одну точно

Другой пример, из которого может следовать необходимость третьего прочтения:

(3) *Наташа хочет выйти замуж за миллионера,*

высказанное в ситуации, когда Наташа сообщила говорящему, что она хочет выйти замуж за какого-нибудь топ-менеджера «Газпрома» (у нее пока нет конкретного избранника), и говорящий знает, что в современной России все топ-менеджеры – миллионеры (хотя Наташа может об этом не догадываться). Наташа, таким образом, хочет выйти замуж за представителя группы людей (топ-менеджеров «Газпрома»), которые в нашем мире, но не обязательно во всех возможных мирах, сплошь миллионеры. При *de re* прочтении (3) будет говорить, что есть какой-то (или конкретный) миллионер, за которого Наташа хочет выйти замуж, а при *de dicto* – что Наташа хочет, чтобы существовал такой миллионер, за которого она выходит замуж. Между тем в предлагаемом сценарии она хочет, чтобы существовал некто, отвечающий ее собственным критериям, за которого она выходит замуж и который на самом деле, хотя она этого не знает, является миллионером⁵.

Обстоятельства высказывания (3) таковы, что кванторная группа *миллионер* должна, с одной стороны, находиться в сфере действия интенционального глагола установки, как при *de dicto* прочтении, но в то же время быть вне этой сферы, как при *de re* прочтении. Невозможность сделать то и другое одновременно делает такие высказывания парадоксальными⁶.

Формальные решения и их проблемы

Стандартный способ решения указанного парадокса состоит во введении формальных ограничений на приписывания значений терминам определенных видов. Так О. Перкус [Перкус, 2000] анализирует предложение:

(4) *Мэри думает, что мой брат канадец*

в терминах возможных миров следующим образом. При *de dicto* прочтении Мэри думает в мире высказывания (обычно совпадающим с действительностью), что в некоем возможном мире у говорящего есть

такую же. Также формальный анализ обычно предполагает, что собственное имя, использованное в предложении, имеет строго определенный денотат (обозначает конкретного индивида).

⁵ Пример взят из: [Куслий, 2013]. См. также обзор аналогичных примеров в: [Фон Финтель и Хайм, 2011, ch. 8].

⁶ Эта проблема получила название *парадокса охвата* (*scope paradox*). Существуют разные его версии, самая известная из которых была описана А. Прайором [Прайор, 1968] и Г. Кемпом [Кемп, 1971] в рамках анализа семантики выражения «теперь».

брат и он в этом мире канадец⁷. *De re* прочтение (4) сообщает, что Мэри в мире высказывания думает, что в некоем возможном мире брат говорящего из мира высказывания является канадцем в этом возможном мире⁸. Третье прочтение говорит, что в мире высказывания Мэри думает, что в некоем возможном мире у говорящего есть брат, отвечающий в этом мире определенным параметрам, который является в мире высказывания канадцем⁹. Согласно этому прочтению (4) должно быть истинно всегда, когда есть какой-то реальный канадец, о котором Мэри думает, что он брат автора данного высказывания, даже если он на самом деле таковым не является, а Мэри думает, что он не канадец. Однако в подобных случаях (4) обычно считается ложным; поэтому чтобы исключить индексацию, характерную для третьего прочтения, Перкус предлагает правило, согласно которому индексация, соотносящая денотаты переменных с возможными мирами, должна совпадать с индексом ближайшего к нему (слева) лямбда оператора¹⁰.

Но это правило фактически исключает возможность приписывать Мэри ошибочное представление, что какой-то реальный канадец и брат того, кто произносит (4), – один и тот же человек; между тем она может так думать.

К. Финтель и И. Хайм [Фон Финтель и Хайм, 2011, с. 105] предложили ослабить требование, чтобы все, что идет в предложении после интенционального глагола, управлялось им. Третье прочтение (2) согласно их версии говорит, что в мире высказывания Мэри хочет, чтобы в мире, совместимом с ее желаниями, она купила шляпу, такую же как шляпа говорящего из мира высказывания¹¹.

Но такое решение все-таки сохраняет ощущение, что Мэри приписывается желание купить шляпу, такую же как шляпа говорящего с точки зрения самой Мэри, пусть даже эта точка зрения доступна ей лишь

⁷ В формальном виде: λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₁} (есть) канадец_{w₁}], где «w₀» и «w₁» – переменные, соответственно, для мира, в котором делается высказывание, и мира мыслей и желаний Мэри. В приведенном виде выражение «мой брат» остается нерасшифрованным, что сохраняет двусмысленность: речь может идти как о возможном брате действительного говорящего, так и возможном брате возможного говорящего.

⁸ λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₀} (есть) канадец_{w₁}].

⁹ λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₁} (есть) канадец_{w₀}].

¹⁰ Перкус говорит о ситуативных местоимениях и в оригинальной форме правило выглядит немного иначе.

¹¹ λw_0 Мэри хочет_{w₀} [λw_1 шляпу как моя_{w₀} купить_{w₁}]. Фон Финтель и Хайм используют идею Я. Хинтикки [Хинтикка, 1969], согласно которой объем интенционального глагола, описывающего психологическую установку, охватывает все возможные миры, совместимые с содержанием этой установки. Строго говоря, мы не обязаны принимать и это условие: Мэри может быть убеждена, что у нее нет возможности купить шляпу, которую она хочет; но человеческие желания не всегда являются реакциями на то, что возможно, и Мэри может все равно желать шляпу, которую она не может купить.

в мире ее желания. Однако согласно сценарию, порождающему третье прочтение, Мэри не желает, чтобы в каком-то мире она купила шляпу, которая в точности такая же, как шляпа говорящего в мире высказывания. Технически проблема состоит в том, что не ясно, насколько оправдано появление указания на мир высказывания в сфере действия блажащего указания на мир желаний субъекта установки. Можно не считать правило, сформулированное Перкусом универсальным, но поскольку оно частично отражает практику использования естественных языков, не лучшее решение просто нарушать его всякий раз, когда это удобно.

Другие решения также используют аппарат формальной семантики, но не все – квантификацию по возможным мирам. Одно такое решение принадлежит А. Бономи [Бonomи, 1995]. Третье прочтение (3), например, с ее точки зрения будет сообщать, что относительно свойства быть миллионером Наташа хочет, чтобы существовал такой индивид, который обладает этим свойством, и она выходит за него замуж, и какой-то индивид является миллионером¹².

В этом случае, однако, все равно свойство быть миллионером приписывается как часть того, чего хочет Наташа от соответствующего индивида: либо аргументом в этом парафразе должно быть то свойство, по которому Наташа идентифицирует своего потенциального жениха, либо следует признать, что частью ее желания является ситуация, в которой она выходит за миллионера, несмотря на то, что она сама так себе эту ситуацию не представляет¹³.

Согласно решению М. Крессвела [Крессвел, 1990], третьим прочтением (2) является:

Мэри хочет [некую [действительно₀ шляпу как моя] купить],

где «действительно» временно идентифицирует мир оценки с тем, который выбирается по умолчанию, т. е. до интенционального глагола¹⁴.

Но почему надо включать оператор действительности в сферу действия интенционального глагола, если агент передаваемой с его помощью установки не находится в отношении желания к объекту *действительно-шляпа-как-моя*, т. к. не находится в таком отношении к объекту *шляпа-как-моя*? И в целом не понятно, как интерпретировать такую логическую структуру¹⁵.

¹² λP . Наташа хочет $[\exists x(P(x) \ \& \ PRO \text{ выходит замуж за}(x))]$ (λy . миллионер(y)).

¹³ См. также возражения против этого решения в [Куслий, 2013].

¹⁴ Фон Финтель и Хайм трактуют это решение как эквивалентное их собственному [Фон Финтель и Хайм, 2011, с. 110].

¹⁵ Если переписать данное решение с использованием лямбда оператора и переменных места и времени, чтобы избежать указаний на возможные миры, получится: $\lambda t \lambda l$ [Мэри хочет $\lambda x \lambda t' \lambda l'$ [некую [действительно₀ шляпу как моя] купить₀]]. Но насколько оправдано появление действительных параметров места и времени в сфере действия интенционального глагола, меняющего эти параметры с действительных (характеризующих ситуацию высказывания) на возможные.

Можно изменить синтаксис (2), отказавшись от единства выражения «шляпа как моя», и получить:

Мэри хочет [купить [некую шляпу [действительно₀ как моя]]].

Этот вариант, по крайней мере, сохраняет исходный порядок предикации: в некоторых случаях может быть важно, что Мэри *хочет* купить *x*, но не *чтобы* имела место ситуация, в которой имеется *x* и Мэри покупает *x*. Мэри может хотеть купить *x* независимо от существования или даже возможности *x*. Но при таком сценарии разумнее выделить два интуитивно зависимых от разных фактов фрагмента (2) как управляемых разными модальными операторами:

Мэри хочет [купить некую шляпу,] и Шляпа₁ (есть) [точно такая же, как моя],

а затем соединить их в одно предложение. В конце концов, выражение содержания (2) одним предложением может быть следствием простого стремления быть кратким, даже в ущерб точности. Тогда высказывание (2) будет выглядеть скорее скрытой анафорой, в которой некоторые составляющие выражения «шляпа как моя» встречаются дважды и второе появление заимствует референцию у первого. Альтернативно можно сохранить для такого сценария представление в форме одного предложения, но включить в его логический парафраз знак следа для соответствующего компонента «шляпа как моя» (в данном случае – слова *шляпа*).

Динамика интерпретации

Есть и другие формальные решения проблемы третьего прочтения, но все они так или иначе базируются на допущении, что сценарии, порождающие третье прочтение, представляют использование оцениваемого предложения как единый коммуникативный акт, а его оценку – как выбирающую подходящее прочтение относительно единого контекста, в котором этот акт осуществляется.

Под контекстом высказывания или использования предложения в современной семантике понимается набор обстоятельств, характеризующих коммуникативное действие, существенными составляющими которого являются произнесение или написание данного предложения (реже акт мышления, который его использует) с определенной целью или намерением. Обычно эти обстоятельства включают время, место и агента высказывания, а также некую широкую совокупность фактов – так называемый мир высказывания. Для предложения с выражениями, трактуемыми как содержащие логические переменные, учет контекста его высказывания – необходимое условие оценки его

истинностного значения. Высказывание предложения, выражающего психологическую установку, можно рассматривать как два коммуникативных акта, объединенных в один, и, соответственно, как связывающее разные компоненты предложения с двумя разными контекстами, представляющими один ситуацию говорящего, а другой – агента установки.

Предложение может состоять из частей, относящихся к разным высказываниям. Например, первая часть предложения

(5) *Приближается поезд, зеленый*

явно высказана с целью предупреждения или описания некой ситуации, но роль второй части, состоящий из слова «зеленый», менее очевидна. Оно может быть частью описания, сообщая о еще одной характеристике поезда, о котором идет речь; но также оно может замещать нечто вроде «поезду дан зеленый свет», т. е. сообщать, что проезд открыт. Во втором случае то, что выглядит высказыванием одного предложения, уместно трактовать как соединение двух высказываний. Как правило, в подобных случаях у этих высказываний один агент и одна аудитория. Однако, оценивая такое предложение относительно единого момента времени, интерпретатор уже исходит из допущения, что у оно представляет единичное высказывание и единый контекст. Между тем понятно, что, поскольку акт высказывания имеет временную длительность, моменты времени произнесения разных его компонентов различаются. Так же точно могут различаться и места их произнесения, если, например, агент движется во время высказывания. В принципе, и мир может измениться в процессе высказывания. Всеми этими отклонениями от строгого единства контекстных параметров можно пренебречь в ситуации, когда высказывание явно представляет собой единый акт. Но если оно маскирует два и более акта использования разных лингвистических структур, такое пренебрежение вряд ли оправдано. Так, если разные составляющие (5) произносятся с разными целями: например – первая часть для предупреждения, а вторая для описания, – или если они произносятся с одной целью, но сообщают разные, хотя и связанные друг с другом, положения дел, их уместно оценивать относительно разных контекстов. То, что эти контексты могут иметь общие элементы, дела не меняет.

В принципе, если принять во внимание динамику коммуникации, можно пойти дальше. Стандартной минимальной интерпретируемой составляющей речи или письма в динамической семантике, в частности, в дискурсивно-репрезентативной теории (ДРТ)¹⁶, является предложение: его высказывание добавляет новую информацию к той, что уже сообщена, и, таким образом, меняет контекст оценки

¹⁶ Самой популярной версии динамической семантики, основы которой были изложены в: [Кемп, 1981]. См. также: [Кемп и Рейл, 1993].

всего дискурса. Но поскольку при таком подходе дискурс отображается на ментальную репрезентацию сказанного интерпретатором, а интерпретатор обычно получает информацию о том, что сказано, по мере поступления лингвистических входных данных, которые он способен интерпретировать, можно рассматривать произнесение каждого нового осмысленного для интерпретатора выражения в ряду как меняющееся дискурсивный контекст. Так, с точки зрения стандартной ДРТ первая часть (5) должна трактоваться относительно его грамматической структуры как вводящая одну переменную – дискурсивный референт (то, о чем идет речь) – посредством именной группы «поезд» и два условия, которым эта переменная должна отвечать – что то, о чем идет речь, есть поезд, и что он приближается. Ситуация выглядит таким образом, как будто интерпретатор сначала воспринимает высказываемое предложение все целиком, а затем приступает к его интерпретации. Однако в реальной жизни все не обязательно обстоит именно так: люди – не программируемые устройства, и они могут использовать разные стратегии интерпретации. Если человек внимательно слушает, что ему говорят, и успевает услышать каждое слово до того, как слышит следующее, он вполне способен интерпретировать уже понятые им выражения как вместе сообщающие какую-то мысль, даже если он понимает, что это – не окончательное понимание поступающего ему сообщения. Даже если он услышал только часть предложения (например, «Петя слышит...»), он может интерпретировать его как выражение некой мысли (например, что Петя что-то слышит), дополнив его недостающими элементами, до того, как услышит окончание фразы. Новые лингвистические данные обычно заставляют отбрасывать или модифицировать предварительно сформированную интерпретацию, но субъект в любом случае не обязан ждать, пока предложение будет высказано до конца.

С точки зрения динамики интерпретация (5) может состоять из следующих шагов: сначала интерпретируется «приближается», которое, если понимается обычным образом, вводит переменную для по крайней мере одного аргумента предиката, обозначаемого этим словом; данная часть сообщения говорит, что нечто приближается. Далее, интерпретируется слово «поезд», которое тоже вводит переменную и условие, относящее ее к виду поездов. Если интерпретатор имеет основания трактовать появление этого слова в данной речи как прямое следствие появления в ней в предшествующий момент слова «приближается», он может быстро подставить дискурсивный референт, вводимый словом «поезд», на место того, который был прежде введен словом «приближается», отождествив их. Обычно такие действия совершаются быстро и незаметно для самого интерпретатора в случаях, когда у него нет оснований сомневаться в том, что следующие друг за другом во времени лингвистические входные данные являются ин-

струментами выражения одной и той же мысли. Хотя эта презумпция часто оправдана, она все же не может быть аргументом в пользу того, что предложения должны быть минимальными интерпретируемыми элементами дискурса.

Тем не менее понятно, что в большинстве случаев первая часть (5) получит при такой динамике интерпретации то же прочтение, которое она получила бы, если бы интерпретировалась как единое целое. Однако произнесение слова «зеленый» меняет ситуацию: даже если оно понимается как продолжение предшествующего дискурса, из этого не следует какая-то определенная интерпретация этого его появления. Поскольку то, что это слово выражает в данном дискурсе, может не быть характеристикой самого поезда, его семантический вклад нельзя просто свести к добавлению еще одного условия, которому должен удовлетворять дискурсивный референт предшествующей части предложения¹⁷. Обычно рациональный интерпретатор старается следовать презумпции единства дискурса, пока нет веских оснований отбросить ее. Но отсутствие веских оснований такого рода вполне совместимо с наличием оснований отбросить презумпцию единства высказывания, часть которого не позволяет однозначно связать ее с предшествующими частями.

Если «зеленый» в (5) выражает что-то вроде «__ дан зеленый свет», то с точки зрения логики можно сказать, что (5) все равно выражает одну пропозицию: что приближается поезд и ему дан зеленый свет. Просто вторая часть выражающего ее предложения вводит новый дискурсивный референт и связывающие его, в том числе с предшествующим референтом, условия¹⁸. Но с точки зрения динамики дискурса это не так: вторая часть вводит не один, а два новых дискурсивных референта, один из которых является аргументом не артикулированного в речи выражения «__ дан зеленый свет». То, что он дан поезду, о котором шла речь прежде, есть вывод из интерпретации, базирующейся на отождествлении двух дискурсивных референтов. Но исходное содержание, сообщаемое данной частью дискурса, скорее состоит в том, что чему-то дан зеленый свет. С этой точки зрения нельзя сказать, что две части (5) выражают одну мысль: они интерпретируются как выражающие одну мысль после того, как сообщаемая ими информация соединяется интерпретатором таким образом, что соответствующие дискурсивные референты отождествляются¹⁹.

¹⁷ В этом случае дискурс сообщал бы, что приближается поезд и он зеленый.

¹⁸ В терминах ДРТ: [x у поезд(x) приближается(x) свет(y) зеленый(y) дан(x, y)].

¹⁹ То, что (5) с этим значением первоначально сообщает можно представить в следующей схеме: [x поезд(x) приближается(x)] ⊕ [y z свет(y) зеленый(y) дан(z, y)], где «⊕» обозначает необходимость осуществления процедуры соединения двух частей в интересах единства дискурса. В некоторых версиях ДРТ подобные ре-

То, что в некоторых случаях уместно трактовать конкретное появление предложения скорее как группу высказываний, чем как единое высказывание, можно увидеть на примере предложений с индексальными терминами. Допустим, некто говорит:

(6) *Я жду и надеюсь*

Напрашивается трактовка, согласно которой (6) выражает мысль, что говорящий ждет и он же надеется. Но две части (6), разделенные словом «и», могли бы быть произнесены двумя разными людьми: один мог бы сказать «я жду», а второй добавить «и надеюсь», имея в виду не сказать, что он надеется, а процитировать не высказанное, но предполагаемое окончание мысли автора высказывания «я жду». В этом случае не правильно было бы сказать, что (6) выражает мысль, что говорящий ждет и он же надеется, т. к. надеется не говорящий а тот, от чьего лица данная часть высказывания была сказана говорящим. Но если бы второй говорящий говорил о себе самом, (6) так же нельзя было бы понимать как сообщение, что говорящий ждет и он же надеется, т. к. ждущим и надеющимся в этом случае были бы два разных индивида. В этом случае правильнее было бы понимать (6) как сообщающее, что тот, кто произносит «я жду», ждет, и некто, произносящий «и надеюсь», надеется. Логически ничто не мешает представить этот результат как одну пропозицию, но динамически здесь явно речь идет о двух разных ситуациях, на связь между которыми намекает использование связующего слова «и» и которую требуется установить, используя дополнительную информацию. Конечно, когда (6) произносит один человек, у интерпретатора обычно не возникает проблем с приписыванием ему значения сообщения о том, что этот самый человек вместе ждет и надеется. И, тем не менее, субъект мог бы, высказав первую часть (6) о себе самом, высказать вторую часть о ком-то, в чьей роли он себя видит в данный момент времени. Например, играя в компьютерную игру, субъект может сказать

(7) *Я погиб; хорошо, что сохранился*

«Я» в этом предложении, если говорящий имел в виду, что его персонаж погиб в игре, относится не к говорящему, а к его компьютерному персонажу, тогда как скрытое «я» перед «сохранился», на наличие которого указывает окончание данного слова, относится к

зультаты называют предварительными репрезентациями дискурса (см., например: [Майер, 2009]), подразумевая, что собственно содержание сказанного в дискурсе является отражением результатов всех действий, которые должны быть совершены в отношении предварительных репрезентаций согласно выбранной стратегии интерпретации. Однако можно смотреть на ситуацию иначе: трактовать именно предварительные репрезентации дискурса отражениями того, что в нем сказано, а так называемые окончательные результаты – выводами, которые может сделать из сказанного рациональный коммуникатор.

самому игроку. Первая часть (7) тогда будет выражать мысль, что компьютерный персонаж говорящего погиб, а вторая – что хорошо, что говорящий сохранился.

Мне кажется, приведенные примеры показывают, что у нас есть основания трактовать некоторые коммуникативные действия, выглядящие атомарными, как скрытые совокупности высказываний или, альтернативно, – как высказывания, выражающие одновременно несколько мыслей. В интересах единства дискурса обычные интерпретаторы в нормальных условиях, как правило, трактуют такие действия как единичные высказывания, выражающие каждое одну мысль; и часто это дает, в конечном счете, адекватное понимание сказанного. Но не всегда.

Кластерный анализ третьего прочтения

Если сказанное выше верно, то, рассмотрев соответствующие примеры в динамической перспективе, можно увидеть, что третье прочтение проблематичных высказываний может быть устранено.

Так, говорящий (2) в сценарии третьего прочтения старается одним предложением сообщить, как что хочет Мэри, так и как он сам понимает ее желание; при этом он, вероятно, понимает, что его трактовка желания Мэри не соответствует ее собственной. Таким образом, выбрав форму выражения, при которой вся сообщаемая информация управляется одним оператором (глаголом установки), он совершает своего рода подмену: выдает два разных сообщения за одно. Более того, если Мэри не верит, что шляпа, которую она хочет купить, такая же, как шляпа говорящего, а говорящий в это верит, то между ними есть реальное разногласие по этому вопросу. Тогда, пытаясь сообщить теми средствами, которые использованы в (2), что хочет Мэри с ее собственной точки зрения и одновременно с точки зрения говорящего, он еще и создает ложное впечатление: либо что Мэри верит в то, во что она не верит, либо что он верит в то, во что он не верит (что Мэри, с ее точки зрения, хочет купить такую же шляпу, как у него). С учетом этого уместно считать подобные высказывания в сценариях, инспирирующих третье прочтение, не корректными способами выражения соответствующих мыслей, выбираемыми в силу каких-то их эстетических, практических или иных достоинств.

Идея кластерного анализа предложения состоит в том, чтобы объяснить семантику его использования в конкретном коммуникативном акте тем обстоятельством, что оно выполняет в этом акте не одну, а несколько коммуникативных функций. Пусть

(8) *Вот мастер на все руки*

произнесено, чтобы представить определенного человека. В силу общности данного целеполагания (8) можно трактовать или как приписывание конкретному человеку свойства быть мастером на все руки или как просто указание на данного человека с помощью идиоматического выражения «мастер на все руки»²⁰. Таким образом, доступны как минимум два прочтения (8):

(8') *Вот конкретный индивид x и x есть мастер на все руки.*

и

(8'') *Вот: мастер_на_все_руки(x).*

(8') ложно, если человек, на которого указывает говорящий, не является мастером на все руки, тогда как истинностное значение (8'') не зависит от этого обстоятельства. Но в сценарии, в котором говорящий (8) интенционально или в силу выбранного способа выражения сообщает и то, что выражает (8'), и то, что описывает (8''), более уместным может быть прочтение

(8''') *Вот: мастер_на_все_руки(x) и x есть мастер на все руки.*

Но (8''') представляет (8) как своего рода тавтологию, что вряд ли соответствует рассматриваемому сценарию. Альтернативно (8) можно анализировать как сообщение двух мыслей, замаскированное под высказывание одной. Одно из этих сообщений, в общем, передается прочтением (8'), а другое – прочтением (8'').

Такое понимание позволяет получить кластерный парафраз (8'''), в котором его содержание раскрывается как конъюнкция того, что сообщают, соответственно, (8') и (8''), «упакованная» в одно высказывание:

(8*) *<Вот конкретный индивид x и x есть мастер на все руки>₁ и <Вот: мастер_на_все_руки(y)>₂*²¹.

Так же когда человек, рассказывая ребенку сказку, говорит

(9) *Я тебя съем,*

это предложение обычно выполняет две дискурсивные роли: угрозы от лица волка и сообщения от лица рассказчика об определенной ситуации в мире сказки²². Его, соответственно, можно представить двумя кластерами: кластером волка ($Я(=волк_{wl})$ съем_{wl} тебя(=жертву_{wl})) (в какой-то момент времени, следующий за данным высказыванием

²⁰ Это различие соответствует тому, что К. Доннелан [Доннелан, 1966] назвал референциальными и атрибутивными использованиями определенных дескрипций.

²¹ Альтернативно «вот» может выражать отдельное сообщение, выполняющее роль привлечения внимания к тому, что будет сказано после; тогда его можно вынести за скобки и не повторять в каждой части (8*).

²² Возможен также более экзотический сценарий, в котором говорящий маскирует словами из сказки реальную угрозу съесть адресата в мире высказывания.

в w_l) и кластером рассказчика ($Я(=$ рассказчик $_{w_0})$ тебе($=$ адресату $_{w_0}$) сообщаю, что волк $_{w_l}$ собирается съесть в w_l жертву $_{w_l}$ (в какой-то момент времени, следующий за данным высказыванием в w_l)²³.

В свете сказанного третье прочтение можно точно так же объяснить как эффект, вызываемый попыткой выразить одним предложением два сообщения, не сводимые одно к другому: сообщение об установке субъекта с его собственной точки зрения и сообщение о его установке с точки зрения фактов (или вернее – представления говорящего о фактах). В соответствии с этим можно разбить содержание такого высказывания на (условно) субъективный кластер, сообщающий нечто от лица агента установки, и (условно) объективный кластер, сообщающий факты, где и то, и другое сообщается от лица говорящего.

Так, субъективный кластер в высказывании (3), соответствующим сценарию третьего прочтения, будет сообщать, что (с точки зрения говорящего) Наташа хочет выйти замуж за топ-менеджера ГАЗПРОМа, т. е. нечто, что сама Наташа приписала бы себе как объект ее соответствующего желания. Объективный же кластер в данном случае будет сообщать, что (с точки зрения говорящего) все x миллионеры и Наташа хочет выйти замуж за x ²⁴. Как отдельное сообщение каждый кластер далее может интерпретироваться посредством как *de re*, так и *de dicto* прочтения.

Аналогично, (2) в случае, инспирирующем третье прочтение, можно разбить на кластеры, один из которых сообщает, что Мэри хочет, чтобы была шляпа, отвечающая определенным параметрам, и она ее купила, а второй – что любая шляпа, отвечающая соответствующим параметрам, есть шляпа, такая же как шляпа говорящего, и Мэри хочет купить такую шляпу. При таком анализе флер парадоксальности рассматриваемых случаев разveивается и все опять сводится к обычной двусмысленности, схватываемой различием между *de re* и *de dicto* прочтениями.

Список литературы

Бономи, 1995 – *Bonomi A.* Transparency and specificity in intensional contexts // *On Quine* / Ed. by P. Leonardi, M. Santambrogio. Cambridge University Press, 1995. P. 164–185.

²³ Мир рассказчика не обязательно должен совпадать с миром говорящего. Также, поскольку говорящий выступает в таком случае от лица сказочного персонажа, понятие мира высказывания само становится двусмысленным. Но для простоты можно отождествить его с миром действительного говорящего.

²⁴ Это сообщение не обязательно должно как-то определять x – например, сообщать, что x есть топ-менеджер ГАЗПРОМа; даже если говорящий знает, что Наташа хочет выйти замуж за топ-менеджера ГАЗПРОМа, объективный кластер (3) может не подразумевать и точно не сообщает эксплицитно этой информации.

Доннелан, 1966 – *Donnellan K.* Reference and definite descriptions // *Philosophical Review*. 1966. No. 77. P. 281–304.

Кемп, 1971 – *Kamp H.* Formal properties of now // *Theoria*. 1971. No. 37. P. 227–273.

Кемп, 1981 – *Kamp H.* A theory of truth and semantic representation // *Formal Methods in the Study of Language* / Ed. by J.A.G. Groenendij, T.M.V. Janssen, M.B.J. Stokhof. Amsterdam: Mathematical Centre Tracts 135, 1981. P. 277–322.

Кемп и Рейл, 1993 – *Kamp H., Reyle U.* From discourse to logic. Introduction to model-theoretic semantics of natural language, formal logic and discourse representation theory. Dordrecht: Kluwer, 1993. 713 p.

Крессвел, 1990 – *Cresswell M.* Entities and indices. Dordrecht: Kluwer, 1990. 274 p.

Куслий, 2013 – *Куслий П. С.* Проблема третьего прочтения в семантике сообщений о верованиях // *Философия языка и формальная семантика* / Под ред. П.С. Куслия. М.: Альфа-М, 2013. С. 129–160.

Льюис, 1972 – *Lewis D.* General semantics // *Semantics of natural languages* / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 169–218.

Майер, 2009 – *Meier E.* Proper names and indexicals trigger rigid presuppositions // *Journal of semantics*. 2009. No. 26. P. 253–315.

Монтегю, 1974 – *Montague R.* English as a formal language // *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague* / Ed. by R.H. Thomason. New Heaven (CT); L.: Yale University Press, 1974. P. 188–221.

Перкус, 2000 – *Percus O.* Constraints on some other variables in syntax // *Natural language semantics*. 2000. Vol. 3. No. 8. P. 173–229.

Прайор, 1968 – *Prior A.* Now // *Noûs*. 1968. No. 2. P. 191–207.

Фон Финтель и Хайм, 2011 – *von Fintel K., Heim I.* Intensional semantics. Cambridge (MA): MIT University Press, 2011. 133 p.

Фодор, 1970 – *Fodor J.D.* The linguistic description of opaque contexts. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 384 p.

Фреге, 1967 – *Frege G.* Begriffsschrift, a Formula Language, Modelled Upon That of Arithmetic, for Pure Thought // *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931* / Ed. by J. van Heijenoort. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1967. P. 1–82.

Фреге, 1948 – *Frege G.* On Sense and Meaning // *The Philosophical Review*. 1948. Vol. 57. No. 3. P. 209–230.

Хинтиikka, 1969 – *Hintikka J.* Semantics for propositional attitudes // *Philosophical logic* / Ed. by J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson. Dordrecht: Reidel, 1969. P. 21–45.

References

Bonomi A. Transparency and specificity in intensional contexts. In: P. Leonardi, M. Santambrogio (eds.). *On Quine*. Cambridge University Press, 1995, pp. 164–185.

Cresswell M. *Entities and indices*. Dordrecht: Kluwer, 1990. 274 p.

Donnellan K. Reference and Definite Descriptions. *Philosophical Review*, 1966, no. 77, pp. 281–304.

Fodor J. D. *The linguistic description of opaque contexts*. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 384 p.

Frege G. Begriffsschrift, a formula language, modelled upon that of arithmetic, for pure thought. In: Heijenoort, J. van (ed.). *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967, pp. 1–82.

Frege G. On Sense and Meaning. *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57, no. 3, pp. 209–230.

Hintikka J. Semantics for propositional attitudes. In: J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson (eds.). *Philosophical logic*. Dordrecht: Reidel, 1969, pp. 21–45.

Kamp H. A theory of truth and semantic representation. In: J.A.G. Groenendijk, T.M.V. Janssen, M.B.J. Stokhof (eds.). *Formal methods in the study of language*. Mathematical Centre Tracts 135, Amsterdam, 1981, pp. 277–322.

Kamp H. Formal properties of now. *Theoria*, 1971, no. 37, pp. 227–273.

Kamp H., Reyle U. *From discourse to logic. Introduction to model-theoretic semantics of natural language, formal logic and discourse representation theory*. Dordrecht: Kluwer, 1993. 713 p.

Kusliy P. S. Problema tretjego prochtenija v semantike soobschenij o verovanijax [Problem of the third reading in the semantics of propositional attitude reports]. In: P.S. Kusliy (ed.). *Filosofija jazyka i formal'naja semantika* [Philosophy of language and formal semantics]. Moscow: Alfa-M Publ., 2013, pp. 129–160.

Lewis D. General Semantics. In: D. Davidson, G. Harman (eds). *Semantics of natural languages*. Dordrecht: Reidel, 1972, pp. 169–218.

Meier E. Proper Names and indexicals trigger rigid presuppositions. *Journal of semantics*, 2009, no. 26, pp. 253–315.

Montague R. English as a formal language. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal philosophy. Selected papers of Richard Montague*. New Heaven, CT, and London: Yale University Press, 1974, pp. 188–221.

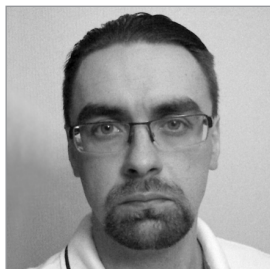
Percus O. Constraints on some other variables in syntax. *Natural language semantics*, 2000, vol. 3, no.8, pp. 173–229.

Prior A. Now. *Noûs*, 1968, no.2, pp. 191–207.

Von Fintel K., Heim I. *Intensional Semantics*. Cambridge, MA: MIT University Press, 2011. 133 p.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ В ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Барышников Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент. Пятигорский государственный университет. Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9; e-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

В данной статье мы ставим целью проанализировать некоторые теоретические основания, связывающие когнитивные модели языкового знака с проблемами аналитической философии сознания. В целом тематическое направление данной работы можно охарактеризовать как философию когнитивной лингвистики. В работах по когнитивной лингвистике не случайно указывается на этимологическое родство понятий «сознание», «знание», «знак». Это связано с тезисом о знаковой природе сознания и о семiosis как ключевом когнитивном процессе. С одной стороны, без процедур означивания невозможна коммуникация, познание, понимание, принятие решений, ориентирование и даже навигация. С другой стороны, человек обладает уникальными свойствами процесса порождения значения, отличными от «сигнальной разметки», доступной другим живым существам. Онтология этих свойств и формирует сложную проблему сознания, которая состоит не только в психофизической проблеме, но и в проблемах свободной воли, образной памяти, нарративных миров, личностной интроспекции и пр. Особое внимание уделено онтологическим и эпистемологическим аспектам языкового знака в рамках когнитивно-биологического подхода. Обоснован ряд тезисов о знаковой природе сознания, неотрывно связанных с его онтологическими свойствами. Обоснована связь психофизической проблемы сознания с объяснительным разрывом в онтологии языкового знака. Основной вопрос: возможно ли, чтобы набор произвольных имен (наименований) каузировал поведение организма в изменяющихся условиях среды.

Ключевые слова: референтная семантика, философия языка, когнитивный поворот, когнитивно-биологическая модель языка, онтология языкового знака, интенциональность

COGNITIVE LINGUISTICS AND PHILOSOPHY OF MIND: AN EXPLANATORY GAP IN THE ONTOLOGY OF LINGUISTIC SIGN

Pavel Baryshnikov – Ph.D. in Philosophy, associate professor. Pyatigorsk State University. 9 Kalinina Str., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation; e-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

This paper is aimed to analyze some grounds bridging the explanatory gap in philosophy of mind and linguistic sign theory. It's noted that the etymological ties between the notions of "consciousness", "cognition", "sign" are emphasized in the works on cognitive linguistics. This connection rises from the understanding of the symbolic nature of consciousness and the sign of semiosis as the key cognitive processes. On the one hand, it is impossible to realize the communication procedures, knowledge, understanding, decision-making, orientation and even navigation without the process of signification. On the other hand, the human mind has its unique ability to produce the meaning apart from the "signal markings"

available to other living beings. The ontology of this ability should be considered as a part of the complex problem of consciousness which includes the mind-body problem, the free will problem, image memory, narrative worlds, introspection, etc. In this paper, special attention is paid to the ontological and epistemological aspects of linguistic sign within the context of the bio-semiotic approach. The author argues that the linguistic nature of consciousness is inseparably connected with the ontological properties of consciousness. The author makes an attempt to prove the link between the mind-body problem and the problem of the explanatory gap in the ontology of linguistic sign. The analysis is focused on the following question: Is it possible that the rank of random names could cause the behavior of the organism in changing environment?

Keywords: referential semantics, philosophy of language, cognitive turn, cognitive and biological model of language, ontology of language sign, intentionality

1. Антропоцентрический поворот в философии языка

Мы исходим из предположения, что когнитивный поворот в философии сознания и теории языка преодолел вершину своего развития и в результате доминирования вычислительного моделирования достиг своего методологического предела. На наш взгляд, подробный анализ онтологии языкового знака позволит увидеть слабые методологические стороны классических подходов, увидеть перспективы и методологические границы когнитивной парадигмы.

А.В. Кравченко, будучи сторонником биологической концепции языка в духе У. Матураны [Матурана, 1995], последовательно критикует традиционные направления лингвистики и философии языка. Суть критики сводится к философским размышлениям о несводимости языка как эмпирического объекта к отношениям языка и реальности. То есть, изучая язык, лингвисты не отвечают на вопрос о природе значения. Постсосюринская лингвистика, направив свой фокус на представление экстралингвистического мира в знаковых системах, переходит в область эпистемологии. По сути, автор представляет своеобразный лингвистический ракурс философской проблемы отношения семантики и онтологии. Основные недостатки структурного рационализма можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, постфрегеанская теория референции так и не разрешила ключевой вопрос о соотношении языковой системы и экстралингвистического мира, т. к. в контексте сосюрских «чистых значимостей» этот вопрос становится бессмысленным.

Во-вторых, несмотря на «лингвистический экспансионизм» и успехи когнитивных наук в течение всего XX в., однозначный ответ на вопрос, как работает языковой знак, так и не был сформулирован.

В-третьих, попытки развести семантику и когницию не привели к успеху, т. к. **было доказано, что употребление языкового знака с очевидностью влияет на формирование концептуальной картины мира** [Jackendoff, 1983].

Наиболее влиятельным подходом остается до сих пор логико-семантический анализ языка, в котором значение понимается как «объект, обозначаемый некоторым символом», т. е. как элемент некоторой искусственной системы. В литературе подробно рассмотрены методологические затруднения данного подхода:

1. Количество концептуализируемых сущностей неизмеримо больше, чем самих элементов языковой системы. Так нарушаются таксономические принципы тождества и принцип соответствия [Кравченко, 2001, с. 142–143].

2. Субъектно-ориентированное, контекстуальное содержание естественного знака несовместимо с принципами истинностной семантики (даже в рамках вероятностной логики).

3. Существует «зазор» между вычислимой процедурной семантикой пропозиции и концептуальной семантикой естественной речи. Так же как между миром и картиной мира, между некоторым положением дел и отношением к этому положению дел, между пропозициональным знанием и непропозициональным знанием [Барышников, Заварзина, 2016].

4. С позиций логики авторы указывают на то, что формальный анализ естественного языка призван был прочертить границу между «осмысленным выражением естественного языка» и грамматически верной бессмыслицы. Задача логиков и лингвистов состояла в том, чтобы создать конечную процедуру, описывающую и объясняющую правила построения синтаксически и семантически правильного выражения. Синтаксический подход даже для начальной стадии формализации оказался недостаточен. Формальная семантика должна была представить в виде жесткой системы правил «языковую интуицию», с помощью которой носитель автоматически «вычисляет» релевантные и нерелевантные высказывания. Но и эта программа на определенном этапе достигла своих методологических границ.

Стал очевидным зазор между концептуальной картиной мира носителя языка и способами актуализации этой картины в языковых выражениях. «Разграничение и противопоставление внутрилингвистического знания (как знания носителей языка о системе языка) и экстралингвистического знания (как знания носителей языка о мире) в рассматриваемом аспекте, т. е. с точки зрения установления критериев осмысленности языковых выражений, является не только эмпирически не обоснованным, но и теоретически бесплодным» [Павилёнис, 1983, с. 197]. Попытки представителей логических направлений представить концептуальные миры говорящего в рамках референтной

семантики также не увенчались успехом. Известны теории релятивизации интенциональных понятий, в которых обосновывается квантификация пропозициональных установок относительно некоторого множества логически возможных миров [Хинтикка, 1980]. Но в этом случае также возникают методологические ограничения: перекрестное отождествление объекта (перцептуальное и дескриптивное) теряет критерии истинности.

Чтобы резюмировать состояние структурно-референциального подхода к семантике естественного языка приведем цитату из работы Р.И. Павилёниса «Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка» по поводу логического анализа концептуальной системы мнения говорящего (по сути, речь идет о логических основаниях прагматики):

<...> вопрос построения логической теории предложений мнения остается открытым, т. е. **либо он решается тривиально на уровне интенционалистски и референтно понимаемой “семантики языка”** (что <...> означает не решение, а обход подлинной проблемы), либо указывается его принципиальная неразрешимость на уровне идиосинкразий употребления естественного языка, не подлежащих систематизации, адекватному логическому описанию [Павилёнис, 1983, с. 238].

Когнитивный поворот в философии языка должен был преодолеть узость логико-семантических моделей и совершить очередной антропоцентрический поворот. Р. Джекендофф указывает на то, что традиционное понимание критериев истинности в духе Тарского должно быть интерпретировано как отношение между высказыванием и картиной мира говорящего [Jackendoff, 1983]. Содержание языкового выражения становится неотделимым от ментальной и физической природы человека. Именно антропоцентрический поворот в философии языка по-новому поставил вопрос о психофизической природе сознания в контексте проблем семантики. Языковые структуры resultируют и одновременно обуславливают работу сознания, «вбирая» специфические черты физического носителя сознания. Семантические свойства языка включают в себя особенности свойств мозга, тела, социального и природного окружения, культурно-исторического контекста и т. п. При этом когнитивное междисциплинарное решение проблемы далеко не всегда позволяет выйти за рамки устоявшейся рационалистической традиции. Например, Дж. Фодор подчеркивает, «что в современных условиях не стоит проводить различие между философией и когнитивной наукой: для того, чтобы избежать проблем с которыми столкнулась философия, нужна смесь реализма, редукционизма, нативизма, семантического атомизма, вместе с репрезентационной теорией сознания» [Fodor, 1998; цит. по: Кравченко, 2001, с. 151]. **Иными словами, продолжается поиск языковых универсалий для объяснения содержательной стороны ментальных состояний сознания.**

В рамках когнитивной парадигмы существует особая трактовка знания. Знание здесь понимается как некоторое природное состояние, характеризующее человеческий организм через свойства структурно-детерминированной системы; как «живое знание», «знание-как-действие». При этом в рамках одной парадигмы выделяются различные онтологические основания языка:

- некоторые авторы подчеркивают значимость прототипического ментального лексикона («языка мысли») [Fodor, 1975; Залевская, 2009; Schneider, 2011];
- в других работах указывается на самостоятельную способность языка преобразовывать дискурсивную среду [Алефиренко, 2009];
- существует понимание языка как единого целого с аффективными состояниями и телесными выразительными средствами [Коули, 2009].

2. Когнитивно-биологическая модель языкового знака

Для обоснования гипотезы о методологическом пределе когнитивного подхода к единству языка, деятельности, сознания и тела необходимо подробнее остановиться на когнитивно-биологической концепции знака, выявить ее сущностные характеристики и проследить эволюцию данной концепции в рамках современных когнитивных моделей языка и сознания.

За основу мы возьмем классификацию когнитивной концепции знака, предложенную А.В. Кравченко¹. Данная концепция включает в себя следующие тематические компоненты:

- онтологический статус знака;
  - репрезентационная теория сознания;
  - проблема концептуальной каузации;
  - адаптивные свойства организма (на уровне языкового поведения);
- эпистемологический статус знака;
  - проблема категоризации;
  - взаимодействие с компонентами среды;
  - интенциональность и значимость. [Кравченко, 2001]

Далее мы рассмотрим подробнее когнитивную концепцию знака и определим ее общие проблемные области с онтологическими проблемами сознания.

¹ Мы посчитали целесообразным произвести лишь некоторую модификацию терминов: «гносеологический статус знака» изменен на «эпистемологический статус знака».

2.1. Онтологический статус языкового знака

Итак, онтологический статус языкового знака в когнитивном подходе опирается на традиционную репрезентативистскую теорию сознания. В когнитивных науках принято репрезентацию понимать как некоторое содержание опыта, основная функция которого состоит в описании, представлении и сохранении результатов взаимодействия со средой. Д. Бикертон выделяет два уровня: 1) первичную систему репрезентации – как целостную модель мира, выведенную из чувственных данных, памяти и интероцепции²; 2) и вторичную систему репрезентации – как концептуальное содержание языковых выражений [Bickerton, 1992]. Вообще, поиск неких универсальных первичных репрезентаций и попытки их естественнонаучной натурализации являются базовыми тенденциями в современной когнитивистике. Одна из важнейших функций репрезентации – устранение из опыта неоднозначностей и неопределенностей. Таким образом, репрезентация в когнитивном понимании представляет собой «слепок» семиотических отношений когнитивной системы организма и среды.

В философской традиции репрезентационализм имеет далеко не однозначный характер. Поэтому когнитивно-семантическая трактовка репрезентации как деривации прототипических концептов может просто «затеряться» в разнообразии онтологических проблем философии сознания. Отметим, что в аналитической философии термины «интенционализм» и «репрезентационализм» близки по своему значению: репрезентация и интенциональность – это своего рода «чтойность» (aboutness) сознания. Существуют слабая и сильная версии репрезентационализма: в первом случае феноменальное «проистекает» из интенционального; во втором – феноменальное тождественно интенциональному содержанию [Нагуманова, 2011, с. 195–199]. Известны редуктивный и нередуктивный виды репрезентационализма, а также экстерналистский (зависимость от внешних условий среды) и интерналистский (зависимость от индивидуальных состояний системы) виды. Подчеркнем, что лингвисты-когнитологи тяготеют к экстерналистской трактовке репрезентационализма, с тем отличием, что под внешними условиями среды авторы чаще подразумевают различные виды контекста и presuppositions [Болдырев, 2001].

Существуют философские аргументы в пользу репрезентационалистской трактовки сознания [Нагуманова, 2011], которые снимают онтологические вопросы в контексте лингво-когнитивных исследований. Например:

² Интероцепция – процесс восприятия центральной нервной системой человека и животных возбуждений, возникающих во внутренних органах.

Аргумент прозрачности. Ни одно из переживаемых нами качеств не интроспективно, не является качеством самого сознания. «Сознание является прозрачным, потому что феноменальный характер сознания есть не что иное, как содержание репрезентации, а в содержание нашего сознания входят качества внешних объектов» [Тус, 2000, р. 46].

Аргумент кажимости. Качество феноменального зависит от содержания репрезентации [Вугне, 2001]. Если субъекту кажется (репрезентируется), что мир находится в состоянии 'S', то феноменальные качества будут свидетельствовать о мире в состоянии 'S', несмотря на то, что мир мог перейти в состояние 'S₁'.

Отметим, что репрезентационализм в философских теориях сознания не раз подвергался критике. Традиция построения критических аргументов была унаследована и критиками лингвистического когнитивизма. Одна из ключевых траекторий критики относится к проблеме каузации. Кратко основной вопрос можно сформулировать так: как из содержания ментальных состояний рождается физической действие? [Кузнецов, 2014].

Рассмотрим некоторые аспекты проблемы концептуальной каузации. Известна так называемая каузальная теория концептуальной репрезентации. Суть ее сводится к онтологическому обоснованию базовых концептуальных структур, которые кодируют чувственный и когнитивный виды опыта в систему значений. Р. Джекендофф выделяет несколько уровней репрезентации (фонологическую, синтаксическую и концептуальную) и полагает, что опредмечивание результатов чувственных данных и когнитивных процессов происходит в результате «кодирования значения» посредством концептуальных структур. Все многообразие опыта, таким образом, должно быть сведено к чистым концептуальным формам, которые позволяют манипулировать формальным значением [Jackendoff, 1995, р. 8]. **Сторонники данного подхода** утверждают, что универсальные концептуальные структуры позволяют определить абстрактные формальные процедуры сознания, вычисляющие содержание репрезентации. Именно концептуальный уровень позволяет трансформировать опыт в репрезентацию знания и придать ему (знанию) экстерналистскую коммуникативную форму [ibid., р. 8]. Иными словами, репрезентация каузально зависит от того, в какие формы разовьются элементарные структуры.

Важную роль играют вычислительные процессы сознания, позволяющие сохранять содержание опыта в виде абстрактных моделей. На основании концептуальной семантики Р. Джекендоффа выводится гипотеза, в рамках которой создается когнитивно-биологическая модель языкового знака. Суть гипотезы заключается в том, что по мере усложнения опыта отношения организма со средой базовые прототипические репрезентации становятся составной частью сложных прототипических концептов [Кравченко, 2001, с. 205].

Сознание в данном случае представляется в дихотомичном виде: с одной стороны, как вычислительная система, направленная на концептуализацию и категоризацию опыта; с другой – как способ коммуникативной актуализации значения.

Необходимо указать на различие интерналистских (I-concepts) концептов и экстерналистских концептов (E-concepts), в котором по сути дублируется различие языка как абстрактно-символической системы и языка как деятельности. Концептуальная семантика описывает формальный компонент индивидуальной внутренней категоризации опыта. Джекендофф подчеркивает, что концептуальная семантика исследует способы порождения внутренних ментальных репрезентаций и что эти способы имманентны субъекту на организменном уровне [Jackendoff, 1995, p. 30].

Из предположения о существовании внутренних абстрактных механизмов кодирования опыта (механизмов, работающих в системе отношений «организм–среда») строится теория адаптивной концептуальной семантики. Согласно данной теории, концептуальная картина мира есть интегрированная система усложненных прототипических концептов. Языковое поведение организма в этом случае направленно на согласование концептуальных картин мира.

2.2. Эпистемологический статус языкового знака

Укажем на то, что эпистемологическое измерение языкового знака органично накладывается на проблемы, традиционные для философии сознания: проблема каузации (только здесь не ментальной, а концептуальной), проблема категоризации и номинации чувственного опыта, проблема интенциональности ментальных состояний. Эпистемологическая сторона когнитивной концепции языкового знака логично вытекает из проблем концептуальной семантики. В рамках когнитивно-биологического подхода отвергается традиционная идея произвольности знака. Связь внелингвистической действительности с системой символов, указывающей на эту действительность или транслирующей знание об этой действительности (связь означаемого и означающего), осуществляется иным путем. Человек, усваивая язык, попадает не в семантическое пространство словарных статей, где за каждым именем закреплен строго определенный набор значений; языковое поведение формируется в конкретных ситуациях применения контекстуальных цепочек. К ассоциативно-концептуальным шаблонам типа «огонь–чайник–горячо» (собственно, вся дошкольная педагогика направлена на формирование концептуально непротиворечивой картины мира [Савенков, 2004]) добавляются субъективные компоненты языковой деятельности. В индивидуальном языке «эф-

фект присутствия говорящего» предается через дейктические элементы, анафорические выражения и т. п. Эгоцентрические элементы языкового поведения «смешиваются» с социальным контекстом, создавая диапазон релевантных значений для шаблонных пропозиций. Проблема языковой категоризации связана с фундаментальной областью когнитивных наук: различением языковых классов и свойств феноменальных состояний сознания. В данном контексте можно переформулировать известный вопрос Т. Нагеля: для когнитивной лингвистики важно, «как адекватно сказать о том, каково это – быть летучей мышью?».

Согласно каузально-модельной теории категоризации, люди эксплицитно репрезентируют вероятностные каузальные механизмы, через которые связываются категориальные признаки с объектами, классифицированными по значимости. Методологические преимущества данного направления состоят в том, что оно позволяет привести к одним основаниям теоретико-модельный подход, теорию концептуальной репрезентации и аналогистический подход [Rehder, 2003]. Отметим, что в концептуальной семантике присутствует противоборство двух подходов: эксперенциально-экологического и компьютерного. В первом случае языковая прототипическая категоризация основывается на уникальном опыте языкового субъекта, помещенном в культурную среду и его «перспективы от первого лица». Во втором – категоризация и классификация объектов сводится к вычислимым семантическим онтологиям, в которых знание представлено как база данных для оперирования градуализированными метаданными [Лакофф, 1988, с. 50]. Очевидно противопоставление натуралистической и таксономической сторон языкового знака. При натуралистическом подходе языковой знак – это эмпирический объект, входящий в жизненный опыт организма. Абстрактные модели в этом случае лишь имитируют результат взаимодействия. У. Матурана, не ссылаясь на эмерджентистские подходы, указывает на то, что объяснение целостности живого невозможно свести к детальному таксономическому перечислению его свойств [Матурана, 1995].

Проблема категоризации сводится к основаниям, на которых строится языковая картина мира. Уникальность языковой системы состоит в её преобразующих функциях относительно процессов познания. Множество авторов (начиная с Б. Рассела, различавшего восприятие предмета и знание о предмете, заканчивая Р. Джекендоффом и его идеей концептуальной структуры) указывают на то, что язык преобразует феноменальные содержания, и семантические «следы» этих преобразований можно увидеть в семантико-прагматических свойствах высказывания. То есть через анализ языка можно объяснить некоторые свойства сознания. Согласно когнитивно-биологической концепции языкового знака, важнейшее основание универсаль-

ной семантики «от первого лица» носит онтологических характер: человек говорящий как минимум наличествует в бытии. Эта бытийственность включает в себя все ограничения, накладываемые физической реальностью, физиологией и психологией субъекта, свойствами коммуникативных связей. Грамматика естественного языка в данном случае выступает как механизм концептуализации и фиксации каузальных связей между языковыми и неязыковыми объектами. При этом перспектива «от первого лица» доступна представителю любой культуры, следовательно, должен существовать глубинный метаграмматический, металексический уровень категоризации.

Следующий пункт в описании эпистемологического статуса языкового знака в его когнитивно-биологической интерпретации касается непосредственного взаимодействия языкового субъекта с окружающей средой. Здесь важно раскрыть биологическое понимание когнитивной функции. Традиционно понятие функции определяют как явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления. То есть когнитивная функция зависит от изменений в организме Наблюдателя (термин У. Матураны). Наблюдатель – живой организм, чья ниша определяется классами взаимодействий с окружающей средой. Принципы взаимодействия ниш, носят автореферентный круговой характер, т. е. «каждое единство взаимодействий может участвовать во взаимодействиях, которые релевантны для других более широких единств взаимодействий. Если живая система при этом не утрачивает собственной идентичности, тогда ее ниша может развиваться таким образом, чтобы войти в это более крупное единство взаимодействий и, следовательно, обслуживать его потребности» [Матурана, 1995, с. 101]. В этом случае содержание репрезентации может стать объектом для взаимодействия нервной системы организма. Рекурсивное обращение к собственным состояниям как состояниям среды рождает внеязыковое абстрактное мышление. Ментальные состояния становятся частью когнитивного процесса.

Подобные выводы спровоцировали в конце XX в. появление теорий о «языке мышления» – довербальном, доминативном языке мыслительной самоаттестации. Более детальный анализ метаязыковых теорий в контексте концептуальной семантики требует отдельного рассмотрения. Здесь же отметим лишь то, что содержание этих теорий выявляет ряд противоречий. Одно из них сводится к следующему: репрезентативная система организма как посредник между содержанием пропозиции и содержанием феноменальных состояний сводится к абстрактным вычислительным моделям [Fodor, 1975, p. 27], в то время как когнитивно-биологическая концепция знака понимает репрезентации как когнитивную функцию организма, реализуемую в результате взаимной каузации поведения организма и реакций среды. При этом подчеркивается, что принципы каузальных отношений не

редуцируются к конечным алгоритмам [Rosen, 1991]. Стоит отметить, что в последнее время появляются подходы, отрицающие данные положения, хотя и с поправками на содержание понятия вычислимости [Cárdenas; Letelier; Gutierrez; Cornish-Bowden; Soto-Andrade, 2010].

Ключевым местом пересечения когнитивной концепции языкового знака и семантических аспектов современной философии сознания является проблема интенциональности. В философии проблема интенциональности имеет глубокие корни. Вокруг данной проблемы сформировался ряд традиций (начиная от феноменологии Ф. Brentano и Э. Гуссерля, заканчивая натуралистическим подходами Дж. Фодора, Ф. Дретске, Д. Деннета, Р. Миликэн).

3. Виды интенционализма в философии сознания и когнитивной лингвистике

Рассмотрим некоторые «точки пересечения» философского и лингво-когнитивного видов интенционализма. В своей обширной статье А. Бирн, ссылаясь на Ф. Дретске, М. Тая, У. Ликана, обобщает основные тезисы интенционализма в современной философии сознания:

- все ментальные факты суть репрезентативные факты;
- феноменальные качества представляют собой особый вид интенционального содержания;
- у сознания нет таких свойств, которые не обеспечивались бы репрезентативными свойствами наряду с (или в комбинации с) функциональной организацией их компонентов [Wuene, 2001, p. 204].

Интенционализм как философскую установку можно свести к следующему тезису: пропозициональное содержание опыта восприятия определяют феноменальные свойства. Иными словами, невозможно изменение феноменального состояния без изменения его пропозиционального содержания. Слабость данного подхода заключается в том, что для интенционалистов не важен ответ на вопрос: «Каковы качества мира, лежащего за свойствами репрезентаций?» или «О чем чувственный опыт?». То есть данный подход плохо вписывается в натуралистические концепции сознания.

Существуют две основные версии интенционализма: интермодальная и интрамодальная. Последователи интермодальной версии утверждают, что феноменальные различия между перцептивными модальностями (например, визуальным и аудитивным восприятием) определяются различиями в их содержании. Представители интрамодального интенционализма (У. Ликан) утверждают, что феноменальные свойства определяются не в терминах содержания, а функционально [Wuene, 2001]. Если определять работу сознания через семан-

тические свойства языкового знака, проблема различения содержания опыта и опыта как такового снимается. Каузация феноменальных состояний в этом случае может проявиться через содержание высказывания. Несмотря на тождественность квалиа «красный томат», производного от визуального опыта восприятия томата, и квалиа «красный томат», производного от галлюциногенного опыта восприятия томата, знак «красный томат», реализованный в коммуникации, выявит контекстуальную нерелевантность галлюциногенного опыта. В случае совпадения содержания феноменальных состояний при различных онтологических причинах этих состояний коммуникативный разрыв не обнаружится. Наш тезис сводится к тому, что иллюзию опыта восприятия красного от самого опыта восприятия красного можно отличить в коммуникативном контексте.

Именно в вопросе о значимости (релевантности) содержания знака пересекаются философская и лингво-когнитивная интерпретации интенциональности. В лингвистической традиции интенциональность языкового знака связана с его коммуникативными функциями, в философском понимании – интенциональность связана с изолированным содержанием ментальных структур. На наш взгляд, знаковая природа сознания неотрывна от онтологических свойств сознания. Содержание ментальных состояний обретает свое «звучание» только в намерении высказывания (самоотчета) об этом содержании. Собственно, знаковые интенциональные функции сознания представляют собой «Рубикон», пока непреодолимый для когнитивных систем животных и искусственных интеллектуальных систем [Baryshnikov, 2016].

На первый взгляд, представленное положение идет в разрез с утверждением о возможности неязыковых видов коммуникации. Биологическая концепция знака позволяет градуировать понятие коммуникации в зависимости от уровня когнитивной и поведенческой сложности организма. Если языковой знак – это способ ориентирования организма (установки меток, тэгов) в окружающей среде (как природной, так и социальной), то вопрос о формах представления неязыкового мира в ментальных структурах сознания выходит далеко за рамки логико-семантических таксономий. В этом и содержится суть объяснительного разрыва в онтологии языкового знака: невозможно, чтобы набор произвольных имен (наименований) каузировал поведение организма в изменяющихся условиях среды.

Интенциональность как важнейший компонент эпистемологических свойств знака реализует такой элемент когнитивной системы как значимость в рамках процесса взаимной каузации организма и среды. Речь и языковое поведение в данном случае выступают как мета-дескрипции некоторого положения вещей в мире, а интенциональность – способ реализации значимости. Интенциональность как когнитивную функцию организма в теории живых систем можно по-

нимать следующим образом: «функции, рассматриваемые как когнитивные суть результат деятельности специализированной подсистемы организма, непрерывно воспроизводящей паттерны, функционально или референциально соотносящиеся с изменениями среды» [Mogeno; Mereloy; Etxeberria, 1992, p. 67]. Из данного положения вытекает, что знаковая (семантическая) природа человеческого сознания, используя субстанциальный ресурс биологической материи (единый для всех живых организмов), тем не менее, обладает специфической структурной организацией поведенческого и коммуникативного видов опыта.

Список литературы

- Алефиренко, 2009 – *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокогнитивная синергика: истоки, принципы, сущность // *Studia linguistica cognitiva* / Под ред. А.В. Кравченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 228–256
- Барышников; Заварзина, 2016 – *Барышников П.Н., Заварзина С.А.* Вычислительные формы фигуративной семантики: от аналогии к инференции // Вестн. Вологод. гос. ун-та. 2016. № 1. С. 25–32.
- Болдырев, 2001 – *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Н. Болдырева. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 25–36.
- Залевская, 2009 – *Залевская А.А.* Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitiva* / Под ред. А.В. Кравченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 14–65.
- Коули, 2009 – *Коули С.Дж.* Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitiva* / Под ред. А.В. Кравченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 192–228.
- Кравченко, 2001 – *Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Изд. ОГУП «Иркутск. обл. тип. № 1». 2001. 261 с.
- Кузнецов, 2014 – *Кузнецов А.* Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности // *Вопр. философии.* 2014. № 3. С. 133–143.
- Лакофф, 1988 – *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / Под ред. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 12–52.
- Матурана, 1995 – *Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект* / Под ред. В.В. Петрова. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. С. 95–143.
- Нагуманова, 2011 – *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казан. ун-т, 2011. 222 с.
- Павилёнис, 1983 – *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Савенков, 2004 – *Савенков А.* Маленький исследователь. Развитие познавательных способностей. 5–7 лет. Ярославль: Акад. развития, 2004. 32 с.
- Хинтиikka, 1980 – *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс 1980. 446 с.

- Baryshnikov, 2016 – *Baryshnikov P.N.* Animal communication systems and “the Rubicon” in the theories of the origin of language // *Bulletin of Peoples’ Friendship University*. 2016. No. 1. P. 81–90.
- Bickerton, 1992 – *Bickerton D.* *Language & species*. Chicago. University of Chicago Press, 1992. 297 p.
- Byrne, 2001 – *Byrne A.* *Intentionalism Defended* // *The Philosophical Review*. 2001. Vol. 110. No. 2. P. 199–240.
- Cárdenas, Letelier, Gutierrez, Cornish-Bowden, Soto-Andrade, 2010 – *Cárdenas M. Lu, Letelier J.-C., Gutierrez C., Cornish-Bowden A., Soto-Andrade J.* Closure to efficient causation, computability and artificial life // *Journal of Theoretical Biology*. 2010. Vol. 263. No. 1. P. 79–92.
- Fodor, 1975 – *Fodor J. A.* *The language of thought*. N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1975. 215 p.
- Fodor, 1998 – *Fodor J.A.* *Concepts*. Oxford; N. Y.: Clarendon Press; Oxford University Press, 1998. 174 p.
- Jackendoff, 1983 – *Jackendoff R.* *Semantics and cognition*. L.: The MIT Press, 1983. 283 p.
- Jackendoff, 1995 – *Jackendoff R.* *Languages of the mind*. Cambridge (Mas.): MIT Press, 1995. 200 p.
- Moreno, Mereloy, Etxeberria, 1992 – *Moreno A., Mereloy J.J., Etxeberria A.* Perception, Adaptation and Learning // *Autopoiesis and Perception. Proceedings of the Workshop on Autopoiesis and Perception* / Ed. by B. McMullin; N. Murphy. Dublin: Dublin City University, 1992. URL: <https://www.univie.ac.at/constructivism/pub/mcmullin92/> (дата обращения: 15.08.2016).
- Rehder, 2003 – *Rehder B.* A Causal-Model Theory of Conceptual Representation and Categorization // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2003. Vol. 29. No. 6. P. 1141–1159.
- Rosen, 1991 – *Rosen R.* *Life Itself*. N. Y.: Columbia University Press, 1991. 285 p.
- Schneider, 2011 – *Schneider S.* *The Language of Thought*. Cambridge (Mas.): MIT Press, 2011. 259 p.
- Tye, 2000 – *Tye M.* *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge (Mas.): MIT Press, 2000. 198 p.

References

- Alefirenko N.F. Lingvokognitivnaja sinergetika: istoki, principy, sushhnost’ [Linguistic and cognitive synergy: origins, principles, nature]. *Studia linguistica cognitiva*. Irkutsk: Baikal State Univ. Publ., 2009, pp. 228–256. (In Russian)
- Baryshnikov P.N. Animal communication systems and “the Rubicon” in the theories of the origin of language. *Bulletin of Peoples’ Friendship University*, 2016, no. 1, pp. 81–90.
- Baryshnikov P.N. Zavarzina S. Vychislitel’nye formy figurativnoj semantiki: ot analogii k inferencii [Computational forms of the figurative semantics: from analogy to inference]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 1, pp. 25–32. (In Russian)

Bickerton D. *Language & species*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 297 p.

Boldyrev N.N. Konzept i znachenie slova [Concept and word meaning]. In: N.N. Boldyrev (ed.). *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 2001, pp. 25–36. (In Russian)

Byrne A. Intentionalism Defended. *The Philosophical Review*, 2001, vol. 110, no. 2, pp. 199–240.

Cárdenas M.L., Letelier J.-C., Gutierrez C., Cornish-Bowden A., Soto-Andrade J. Closure to efficient causation, computability and artificial life. *Journal of Theoretical Biology*, 2010, vol. 263, no. 1, pp. 79–92.

Cowley S.J. Ponjatje raspredelenogo jazyka i ego znachenie dlja voleiz'javlenija [The concept of distributed language and its importance for the expression of the will]. In: A.V. Kravchenko (ed.) *Studia linguistica cognitiva*. Irkutsk: Baikal State Univ. Publ., 2009, pp. 192–228. (In Russian)

Fodor J.A. *Concepts*. Oxford, New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1998. 174 p.

Fodor J.A. *The language of thought*. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1975. 215 p.

Hintikka J. *Logiko-jepistemologicheskie issledovanija*. [Logical and epistemological study]. Moscow: Progress Publ., 1980. 446 p. (In Russian).

Jackendoff R. *Languages of the mind*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. 200 p.

Jackendoff R. *Semantics and cognition*. London: The MIT Press, 1983. 283 p.

Kravchenko A. *Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoj filosofii jazyka*. [Sign, meaning knowledge. Essay on cognitive philosophy of language]. Irkutsk: Irkutsk regional Printing House No. 1, 2001, 261 p. (In Russian)

Kuznetsov A. Kognitivnye issledovanija i problema mental'noj kauzal'nosti. [Cognitive research and the problem of mental causation]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 3, pp. 133–143. (In Russian)

Lakoff G. Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Thinking in the mirror of classifiers]. In: V.V. Petrov, V.I. Gerasimov (eds.) *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Kognitivnye aspekty jazyka*. [New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language]. Moscow: Progress Publ., 1988, pp. 12–52. (In Russian)

Maturana U. Biologija poznaniya [Biology of cognition]. In: V.V. Petrov (ed.) *Jazyk i intellekt* [Language and intelligence]. Moscow: Progress Publ., 1995, pp. 95–143. (In Russian)

Moreno A., Mereloy J.J., Etxeberria A. Perception, Adaptation and Learning. In: B. McMullin, N. Murphy (eds.) *Autopoiesis and Perception. Proceedings of the Workshop on Autopoiesis and Perception*. Dublin: Dublin City Univ., 1992. [https://www.univie.ac.at/constructivism/pub/mcmullin92, accessed on 15.08.2016]

Nagumanova S.F. *Materializm i soznanie: analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoj analiticheskoj filosofii*. [Materialism and consciousness: an analysis of the debate about the nature of consciousness in contemporary analytic philosophy]. Kazan: Kazan Univ. Publ., 2011. 222 p. (In Russian)

Paviljonis R.I. *Problema smysla: sovremennij logiko-filosofskij analiz jazyka*. [The problem of meaning: the modern logical-philosophical analysis of language]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 286 p. (In Russian)

Rehder B. A causal-model theory of conceptual representation and categorization. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2003, vol. 29, no. 6, pp. 1141–1159.

Rosen R. *Life itself*. New York: Columbia Univ. Press, 1991. 285 p.

Savenkov A. *Malen'kij issledovatel'. Razvitie poznavatel'nyh sposobnostej. 5–7 let* [Little Explorer. The development of cognitive abilities. 5–7 years]. Yaroslavl: Academy of the Development Publ., 2004. 32 p. (In Russian)

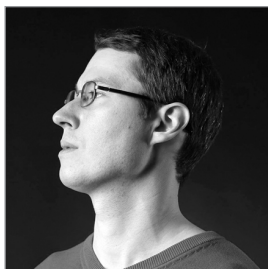
Schneider S. *The language of thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2011. 259 p.

Tye M. *Consciousness, color, and content*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. 98 p.

Zalevskaja A.A. Problem of knowledge in different perspectives [Problema znaniya v razlichnyh rakursah]. In: A.V. Kravchenko (ed.) *Studia linguistica cognitiva*. Irkutsk: Baikal State Univ. Publ., pp. 14–65. (In Russian)

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СЕМАНТИКЕ СОБЫТИЙ*

Смирнов Михаил Алексеевич – магистрант. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Исследование посвящено проблеме формальной репрезентации логической структуры и онтологических обязательств предложений естественного языка о событиях. В работе рассматривается специфика вопроса об онтологических обязательствах языковых выражений применительно к естественным и формальным языкам. Выявляются ключевые особенности различных подходов к формальной репрезентации естественно-языковых предложений о событиях (аргументного, дэвидсоновского, неодавидсоновского, операторного) с логической и онтологической точек зрения. Показывается различие логической структуры предложений о событиях с глагольными конструкциями и с номинализацией. Намечаются возможные пути к логической интерпретации естественно-языкового механизма динамического перехода между глагольными и номинализированными конструкциями.

Ключевые слова: семантика событий, онтологические обязательства, логическая форма, онтология естественного языка

THE PROBLEM OF ONTOLOGICAL COMMITMENTS IN EVENT SEMANTICS

Mikhail Smirnov – graduate student. National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

The investigation is devoted to the problem of formal representation of logical structure and ontological commitments of natural language event sentences. The specificity of ontological commitments problem with regard to natural and formal languages is shown. The alternative approaches to the formal representation of event sentences (argument approach, davidsonian and neodavidsonian approaches, operator approach) are characterized with respect to their key features from formal logical and ontological points of view. The difference in the logical structure of sentences expressing events by verb phrases and by nominalization is depicted. The role of a paraphrase in formal representation of natural language phenomena is discussed, as well as the notions of “hermeneutic” and “revolutionary” approaches in logic-semantical analysis introduced by J. Burgess and G. Rosen. It is shown that

* Статья подготовлена в ходе исследовательского проекта № 15-05-0005 «Динамический поворот в логической семантике» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

the neodavidsonian approach with regard to verb phrases is an example of “revolutionary” approach because it changes the original logical structure of natural language sentences. The analysis of ontological commitments shows that there is no bound event variable in the logical structure of verb phrases at sentence level but it’s included in the internal semantic structure of a verb. The possible ways to the logical interpretation of the natural language mechanism of the dynamic shift between verb-based and nominalized sentences are outlined.

Keywords: event semantics, ontological commitments, logical form, ontology of natural language

Переводы так, как написано.
Из кинофильма «Семь лет в Тибете»

Введение

Семантика событий представляет собой направление исследований на стыке логики и лингвистики, изучающее возможности выражения в естественных и формальных языках событий¹ как особого феномена действительности. Центральная идея современной семантики событий состоит в том, что в формальной интерпретации предложений естественного языка о событиях необходимо использовать связанную переменную, представляющую событие в качестве логического индивида².

Эта идея восходит к Хансу Райхенбаху [Reichenbach, 1947] и Дональду Дэвидсону [Davidson, 1967], которые показали возможность использования событийной переменной для логической интерпретации семантики глаголов. Этот подход был модифицирован Теренсом Парсонсом и экстраполирован также на предложения о состояниях [Parsons, 1994] («неодэвидсоновский подход»).

К настоящему времени различным аспектам семантики событий посвящен большой объем исследований в рамках аналитической философии языка, формальной семантики и лингвистики. Семантика событий активно обсуждается в современной отечественной философской и лингвистической литературе. В частности, С.Г. Татевосовым представлен обзор интерпретаций различных явлений естественного языка с помощью событийной переменной и показана эффективность подобных подходов с лингвистической точки зрения [Татевосов, 2013].

¹ Под событиями, согласно определению Д. Дэвидсона, следует понимать любые изменения положения вещей, например: *человек совершил действие, антилопа родилась, звезда взорвалась* [Davidson, 2002a, p. 181].

² Далее мы будем называть эту переменную *событийной переменной*, следуя терминологии, принятой в современной англоязычной литературе по семантике событий (англ. *event variable*; см., например [Champollion, 2015]).

П.С. Куслием рассматривается вопрос о соотношении семантики событий и онтологии естественного языка с точки зрения критерия Куайна [Куслий, 2015; Куслий, 2016].

Последняя проблема представляется особенно важной и требующей акцентированного внимания, так как зачастую упускается из вида.

Необходимо учитывать, что для развития различных подходов в семантике событий и оценки их релевантности имеют значение два фактора.

1. **Формально-логический фактор** – успешность, с которой тот или иной подход решает формально-логические проблемы, возникающие при логико-семантическом анализе предложений естественного языка о событиях. К таким проблемам относятся, например: 1) проблема логического следования; 2) проблема соблюдения принципа композициональности (возникающая в рамках теоретических систем, декларирующих этот принцип), а также некоторые другие.

2. **Онтологический фактор** – соответствие онтологических обязательств выражений, построенных на основе того или иного подхода с использованием формального языка логики, онтологическим обязательствам выражений естественного языка.

Так, в первоначальной мотивировке дэвидсоновского подхода в [Davidson, 1967] участвуют оба этих фактора. В качестве формально-логического фактора выступает необходимость решить проблему логического следования в предложениях о событиях (проблему «вариативной местности»). В качестве онтологического – необходимость объяснить употребление по отношению к событию, названному с помощью глагола, местоимения *это*, которым (по крайней мере, по интуиции Дэвидсона) могут обозначаться только логические индивиды.

Очевидно, что приоритетным для семантики должен являться онтологический критерий, ведь именно он определяет собственно семантические отношения – отношения между языковыми выражениями и представляемыми ими сущностями. Формально-логический критерий же вступает в силу при условии выполнения онтологических обязательств.

Естественный язык представляет собой весьма сложную систему с высокоэффективными семантическими и логическими механизмами, которые в значительной степени пока остаются неизученными. Для того чтобы их дальнейшее изучение стало возможным, не следует загонять его в «прокрустово ложе» простых формально-логических решений.

Применительно к семантике событий это, как будет показано ниже, означает в первую очередь разграничение логико-семантической структуры предложений с глагольными конструкциями и с номинализацией (отглагольными существительными). В рамках неодэвидсоновского подхода в его первоначальном виде логическая структура

этих двух типов предложений интерпретируется тождественно. Это делает возможной упрощенную формально-логическую репрезентацию ряда явлений естественного языка, в частности – предложений о перцепциях и естественно-языковых силлогизмов с переходом между глагольными и номинализированными конструкциями. Однако такая интерпретация не соответствует логической структуре и онтологическим обязательствам самих выражений естественного языка, что можно продемонстрировать с помощью критерия Куайна.

Более адекватным способом формальной репрезентации глагольных конструкций является включение связанной событийной переменной во внутреннюю семантическую структуру глагола (что согласуется с актуальными предложениями, имеющими формально-логическую мотивацию, см. [Champollion, 2015; Куслий, 2015]).

В § 1 мы рассмотрим понятие онтологических обязательств и критерий Куайна, в § 2 – основные подходы в семантике событий, в § 3 – онтологические обязательства предложений естественного языка о событиях и проблему их формальной репрезентации.

§ 1. Понятие онтологических обязательств и критерий Куайна

Понятие онтологических обязательств, если говорить по существу, фиксирует следующий очевидный факт: когда один агент коммуникации сообщает что-то другому агенту коммуникации в качестве истинного утверждения, реципиент некоторым образом понимает, о существовании каких сущностей утверждается и что им приписывается в этом сообщении. Он понимает это, анализируя структуру и состав сообщения исходя из определенного представления (в случае родного естественного языка, воспринятого им в глубоком детстве в процессе освоения речи) о соотношении этих формальных свойств языковых выражений с обозначаемой ими действительностью.

Какой же критерий позволяет нам определить онтологические обязательства тех или иных выражений языка? На первый взгляд кажется, что он интуитивно ясен: мы говорим о чем-то как о самом по себе существующем, *субстанции*, если обозначаем его именем существительным (например, *собака*). Эта интуиция отражена в традиционной лингвистической терминологии, а именно – в самом названии этой части речи (*имя существительное*, лат. *nomen substantivum*).

Однако более тщательное изучение использования имен существительных в естественном языке показывает, что существительные не всегда обозначают самостоятельно существующие сущности как таковые или даже не делают этого сами по себе никогда. Это констатировал уже Аристотель, который разделил сущности на

первичные и вторичные, понимая под первыми индивидов (партикулярии), а под вторыми – роды и виды (универсалии), которые и составляют значение, предцизируемое общими существительными [Аристотель, 1978, с. 55]:

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь.

Пожалуй, следующий шаг в этом направлении сделал Бертран Рассел в своей теории дескрипций. Согласно ей, предложение *Собака бежит* имеет следующую логическую структуру [Russell, 1905]:

(1) $\exists x [\text{собака}(x) \wedge \text{бежит}(x)]$

Иначе говоря, когда мы утверждаем, что *собака бежит*, мы не извлекаем откуда-то метафизическую *собаку* и приписываем ей свойство *бежит*, а говорим о некотором объекте, которому мы приписываем как свойство *бежит*, так и свойство быть *собакой*. Такое объяснение устраняет мнимые парадоксы, возникающие при употреблении в предложениях естественного языка имен несуществующих сущностей (например, *современный король Франции*).

Магистральный на сегодняшний день подход к определению онтологических обязательств принадлежит Уилларду Куайну. Согласно критерию Куайна, опирающемуся на теорию дескрипций Рассела, онтологические обязательства влечет за собой не применение имен само по себе, а квантификация:

Предложение *Некоторые собаки белы* говорит, что некоторые сущности, которые являются собаками, являются белыми. <...> Мы обращаем внимание на связанные переменные... для того, чтобы узнать, о чем определенное высказывание или учение, наше или чье-то еще, *говорит*, что оно существует [Quine, 1948, p. 32, 35].

Очевидно, проблема онтологических обязательств имеет несколько разное содержание применительно к формальным и к естественным языкам. Применительно к формальным языкам критерий Куайна фактически носит нормативный характер: он предлагается нам, чтобы мы определенным образом выстраивали свои высказывания в соответствии со своей онтологией. Применительно же к естественным языкам он носит характер гипотезы о неписаной нормативности, обеспечивающей понимание между агентами естественно-языковой коммуникации.

Ниже мы будем использовать критерий Куайна в качестве рабочего критерия³ определения онтологических обязательств естественного языка.

³ Существуют также другие версии критериев онтологических обязательств, такие как критерий от логического следования и критерий «факторов истинности» (англ. truthmakers).

§ 2. Основные подходы в семантике событий и их формально-логическая мотивация

До того как Райхенбахом и Дэвидсоном был введен подход с использованием событийной переменной, предложения естественного языка о событиях с глагольными-адвербиальными⁴ конструкциями было принято переводить на язык логики предикатов так же, как и любые предложения о свойствах и отношениях, т. е. следующим образом:

$$(2) P_n(a_1 \dots a_n),$$

где P – предикат местности n , выражающий основную семантику события, представленную глаголом, а $a_1 \dots a_n$ – его аргументы, которыми могут быть логические индивиды, выступающие как актанты и сирконстанты⁵ предложения (в силу чего этот подход именуется **аргументным**).

В начале 1960-х гг. на волне аналитической философии действия, недавно получившей мощный толчок к развитию от Элизабет Энскомб, появилась книга британского философа Энтони Кенни «Действие, эмоция и воля» [Kennу, 1963]. Кенни поставил перед собой задачу доказать, что в действительности между предложениями о действиях и предложениями о свойствах и отношениях имеет место существенное различие. В качестве главного аргумента он указал на то, что в предложениях о действиях наблюдается явление *вариативной местности* (*variable poliadicity*). Одно и то же действие можно описать разными способами, варьируя число упоминаемых обстоятельств:

Брут убил Цезаря,

Брут убил Цезаря ножом,

Брут убил Цезаря ножом в театре Помпея...

При этом с точки зрения здравого смысла из естественно-языкового предложения с большим числом обстоятельств следует предложение о том же действии с меньшим числом обстоятельств. Однако

⁴ Под *адвербиалами* подразумеваются члены предложения с различной частеречной принадлежностью и структурой, значение которых как целого аналогично значению наречия (лат. *adverbium*), т. е. некоторым образом *модифицирует* семантику глагола или всего предложения. В качестве *адвербиалов* могут выступать наречия, частицы, предложные группы и целые придаточные предложения (*адвербиальные клаузы*).

⁵ Представление об актантах и сирконстантах как соответственно об обязательных (*агенси – действующий, пациенс – претерпевающий*) и факультативных членах глагольных конструкций было предложено Люсьеном Теньером в середине XX века [Теньер, 1988] и в настоящее время является общепринятым, хотя и требует определенных уточнений (см.: [Храковский, 1998]).

формализация (1) не позволяет рассматривать это следование как логическое (т. е. обеспечиваемое логической формой), ведь при ее использовании в этих предложениях присутствуют разные предикаты.

Как уже было сказано, именно эта идея стала для Дэвидсона основным формально-логическим мотивом к разработке его подхода. Данный аргумент от проблемы логического следования является хрестоматийным и присутствует, пожалуй, во всех источниках, излагающих основы семантики событий [см., например: [Lasersohn, 2006, p. 316–317; Maienborn, 2011, p. 805–806; Татевосов, 2013, с. 9–10]. Отметим, однако, что вопрос о подобном логическом следовании в действительности отнюдь не однозначен. Так, по словам Ричарда Монтегю,

из «Джонс убил Смита во сне» не следует логически «Джонс убил Смита»; а значит, не следует этого и из «Джонс убил Смита ножом», хотя предложение «с необходимостью, если Джонс убил Смита ножом, то Джонс убил Смита» вполне может быть истинным (однако не логически истинным) [Montague, 1974a, p. 213].

Беспорная проблема аргументного подхода с формальной точки зрения состоит в другом, а именно – в его *неэффективности* для представления логической структуры сложных глагольно-адвербиальных конструкций. По словам Р. Томасона и Р. Сталнакера, при использовании такого подхода сложная структура отношений между элементами ситуации, выступающими в качестве аргументов предиката, оказывается «стертой» [Thomason, Stalnaker, 1973, p. 196].

Подход с использованием событийной переменной, по всей видимости, впервые применил Ханс Райхенбах [Reichenbach, 1947]. Введение событийной переменной в его концепции осуществляется в контексте других интересных идей.

Так, Райхенбах делает акцент на возможности говорить об одной и той же ситуации по-разному: описывая ситуацию с помощью пропозиции, мы определенным образом разделяем ее на объект-аргумент и объект-предикат. Существует два способа разделять ситуацию: *выделение вещей* (*thing-splitting*) и *выделение событий* (*event-splitting*), в результате которых мы можем получить логические индивиды *вещного типа* (*thing type*) и *событийного типа* (*event type*). В силу этого для предложений о событиях можно предложить две логические интерпретации: 1) стандартный аргументный подход и 2) подход с представлением события как логического индивида с помощью переменной, связанной квантором существования.

Вклад Дэвидсона состоит в том, что он дополнил подход Райхенбаха решением проблемы «вариативной местности» предикатов, предложив схему экспликации внутренней структуры события с помощью конъюнкции. В **дэвидсоновском подходе** событийная пере-

менная и актанты предстают как аргументы предиката с основной семантикой, а сирконстанты выражаются с помощью других предикатов над событийной переменной и соответствующими логическими индивидами, вводимых путем конъюнкции в дополнительных клаузах [Davidson, 1967]:

(3) *Брут убил Цезаря с помощью ножа в театре Помпея:*

Эе [*убил (Брут, Цезарь, е) ∧ с помощью (е, нож) ∧ в (е, театр Помпея)*]

Важно отметить, что Дэвидсон в своей первой и наиболее известной статье по семантике событий [Davidson, 1967] не различал логическую структуру предложений с глагольно-адвербиальными конструкциями и предложений с номинализацией. Однако затем он пришел к выводу, что в естественном языке подход с событийной переменной соответствует только предложениям с номинализацией [Davidson, 2002b, ch. XVII–XVIII]:

Когда я писал Эссе 1, мне еще не случилось понять, что такое предложение, как *Ева съела яблоко*, не содержит сингулярной референции к событию; оно отличается по своей логической форме от *Поедание Евой яблока произошло*, хотя из последнего следует первое.

В конце 1980-х Теренс Парсонс предложил подход, отличающийся от дэвидсоновского рядом особенностей, который принято именовать **неодэвидсоновским** [Parsons, 1994]. Выделим несколько особенностей подхода Парсонса.

1. Аргументом основного предиката является только событийная переменная. Актанты предложения так же, как и сирконстанты, представляются в отдельных клаузах, предикаты которых выражают их *тематические роли* – агенс, пациенс и т. д.:

(4) *Брут убил Цезаря:*

Эе [*убийство(е) ∧ агенс(е, Брут) ∧ пациенс(е, Цезарь)*]

2. Парсонс констатировал, что подобный подход можно использовать не только для *предложений о событиях*, но и для *предложений о состояниях*. Отметим, что этот факт является вполне очевидным, однако при оценке релевантности данного подхода его можно рассматривать двояко. С одной стороны, он показывает его широкую применимость. С другой стороны, эта применимость настолько широка, что полностью устраняет какую-либо специфичность. Ведь в качестве *предложений о состояниях* можно рассматривать любые предложения, в том числе и абстрактные (например, предложение о состоянии делимости без остатка четных чисел на два).

Кроме того, аналогичный подход вполне применим и к предложениям о *свойствах* (которые, впрочем, нам ничто не мешает также рассматривать как *состояния*). Приведем следующий пример:

(5) *Снежок бел от своего хвоста до своих вибриссы:*

$\exists e$ [*бел*(e) $\wedge$ субъект(*Снежок*, e) $\wedge$ от(*хвост Снежка*, e) $\wedge$ до(*вibrиссы Снежка*, e)]

3. В отличие от Дэвидсона, Парсонс продолжает отождествлять логическую структуру глагольно-адвербиальных конструкций и конструкций с номинализацией. Это обеспечивает простую формальную репрезентацию ряда естественно-языковых явлений, в частности – естественно-языковых силлогизмов с переходом между глагольными и номинализованными конструкциями:

(6) A. *In every burning, oxygen is consumed.*

B. *Agatha burned the wood.*

C. *Oxygen was consumed.*

A'. $\forall e$ [*Burning*(e) $\rightarrow$ $\exists e'$ [*Consuming*(e') $\wedge$ Obj(e' , *oxygen*) $\wedge$ In(e' , e)]]

B'. $\exists e$ [*Burning*(e) $\wedge$ Subj(e , *Agatha*) $\wedge$ Obj(e , *wood*)]

C'. $\exists e'$ [*Consuming*(e') $\wedge$ Obj(e' , *oxygen*)]

Подходы с использованием событийной переменной не являются единственной возможностью эксплицировать структуру сложных предложений о событиях. Формальная семантика в том ее варианте, как она представлена в работах Р. Монтегю, Д. Даути, Р. Томасона, Р. Сталнакера и других авторов, решает эту задачу по-иному – с помощью **операторного подхода**.

Монтегю был знаком с подходом Дэвидсона (см.: [Montague, 1974a, p. 178]), однако не использовал его. Вероятно, этому есть несколько причин, к которым относится и вышеописанный скепсис Монтегю по поводу логического следования в дэвидсоновских примерах. Кроме того, он придерживался иной онтологии, считая события не партикуляриями, как Дэвидсон, а свойствами моментов и интервалов времени [ibid., p. 150]. В синтактико-семантической теории Монтегю глаголы трактуются как выражения типа $\langle e, t \rangle$ (непереходные) и $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$ (переходные), а адвербиалы – как выражения типа $\langle \langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle \rangle$ (модификаторы семантики глагола) и $\langle t, t \rangle$ (модификаторы семантики предложения) [Montague, 1974b, p. 249–250]. Адвербиалы могут образовываться из выражений других типов (например, составляющих предложную группу, наречную группу или адвербиальную клаузу) с помощью синтактико-семантических принципов «грамматики Монтегю».

§ 3. Онтологические обязательства предложений естественного языка о событиях и их формальная репрезентация

В этом параграфе мы проанализируем с точки зрения критерия Куайна предложения естественного языка о событиях. Этот простой анализ покажет, – в полном соответствии со зрелой позицией Дэвидсона, представленной выше, – что выделение события как сущности, являющейся *объектом говорения*, происходит только в предложениях о событиях с номинализацией, но не в глагольно-адвербиальных конструкциях.

Простому предложению с непереходным глаголом *Собака пробежала*, согласно теории дескрипций, соответствует следующий анализ:

(7) $\exists x [\text{собака}(x) \wedge \text{пробежала}(x)]$

Данный пример не позволяет понять, к семантике существительного-подлежащего или глагола-сказуемого относится связанная переменная. Однако это является лишь случайным свойством подобных простых конструкций с непереходными глаголами. Анализ предложения с переходным глаголом (*Собака съела мороженое*) проясняет ситуацию:

(8) $\exists x \exists y [\text{собака}(x) \wedge \text{мороженое}(y) \wedge \text{съела}(x, y)]$

Этот пример показывает, что в логической структуре предложения о событии с двумя существительными и одним глаголом присутствуют две связанные переменные. Таким образом, онтологические обязательства – постулирование существования объектов – возникают в отношении семантики существительных, но не семантики глагола⁶. Анализ более сложных глагольно-адвербиальных конструкций также покажет, что связанные переменные в логической структуре подобных предложений порождаются существительными, но не глаголами. (Разумеется, при этом число существительных может превышать число связанных переменных, т. к. различные существительные могут выступать в роли предикатов одной переменной, а также модификаторов значения других существительных; кроме того, связанная переменная может порождаться другими путями, например – с помощью местоимения. Именно так обстоят дела в характеристике Скалозуба из «Горя от ума»: *А тот – хрипун, давленник, фагот, созвездие маневров и мазурки!*)

Для предложений с именами собственными, которые обычно рассматриваются в логике как индивидуальные константы, а не переменные с предиклируемой дескрипцией, критерий Куайна так-

⁶ Сказанное здесь и ниже относится к глаголам в личной форме в рассматриваемой синтаксической роли.

же вполне применим. При их анализе можно использовать одну из следующих возможностей: 1) либо, вслед за Куайном, считать, что употребление собственного имени само по себе влечет онтологическое обязательство (постулирует существование объекта); 2) либо, вслед за Монтегю, считать, что семантика собственных имен в действительности также представляет собой предикацию дескрипции.

Однако разве неодэвидсоновский подход не показывает, что в семантике глагольных конструкций присутствует дополнительная (событийная) связанная переменная, тогда как в анализе в примерах (7) и (8) она отсутствует просто в силу того, что в нем мы следуем аргументному подходу? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть роль *парафразы* в семантике, что мы сделаем вслед за Ахилле Варци [Varzi, 2002], а также понятия *герменевтической* и *революционной* стратегий логико-семантического анализа, предложенные Джоном Бёрджесом и Гидеоном Розеном [Burgess, Rosen, 1997].

Как показывает Варци, *парафраз* зачастую используется для устранения онтологических обязательств, неудобных тому или иному философу. Классические примеры этого подхода:

(9) (а) *Существует разница в возрасте между Джоном и Томом*
перепарафразируется в

*Неверно, что Джон настолько же стар, как Том*⁷

с целью устранить постулирование сущности *разница в возрасте*
(Мортон Уайт)

(б) *В этом кусочке сыра есть дырки*

перепарафразируется в

Этот кусочек сыра дыряв

с целью устранить постулирование сущности *дырка в сыре*
(Дэвид и Стефани Льюис)

В этих парафразах устраняется сущность, постулируемая онтологическими обязательствами исходного предложения естественного языка. В неодэвидсоновском подходе к глагольным конструкциям, напротив, постулируется дополнительная сущность (вводится переменная, обозначающая событие или состояние как особую сущность). Объединение этих двух подходов дает следующий результат:

(10) *Существует состояние дырявости, в котором находится этот кусочек сыра*

⁷ Буквальный перевод англоязычной конструкции *as old as*; в более приемлемо звучащих небуквальных переводах этой фразы на русский язык фигурировали бы существительные.

По словам Варци, возможно, такой анализ кто-то также может рассматривать как соответствующий его взглядам. Однако обращение с логической формой естественно-языковых предложений при этом является полностью волюнтаристским. Как заключает Варци,

Давайте эксплицитно теоретизировать о том, что есть, вместо того чтобы приписывать наши взгляды языку, на котором мы говорим, и, следовательно, другим людям, которые также говорят на нем [Varzi, 2002].

Как указывают Бёрджес и Розен, существуют две стратегии логико-философского анализа предложений естественного языка [Burgess, Rosen, 1997]:

1. *Герменевтическая стратегия* направлена на выявление глубокой структуры предложения без изменения его онтологических обязательств.

2. *Революционная стратегия* направлена на изменение онтологических обязательств предложения.

Очевидно, неодэвидсоновский подход применительно к глагольным конструкциям является образцом «революционного» подхода, изменяющего онтологические обязательства и логическую структуру предложений естественного языка.

Отметим, что это не значит, что в логической структуре глагольных конструкций вообще отсутствует событийная переменная; это означает, что ее нет в структуре уровня предложения, демонстрируемой с помощью теории дескрипций; однако она может присутствовать во внутренней структуре семантики глагола.

Теперь рассмотрим предложение с номинализацией. Критерий Куайна показывает, что логическая роль отглагольных существительных аналогична роли других существительных:

(11) *Бег был быстр*:

$\exists x [\text{бег}(x) \wedge \text{быстрый}(x)]$

Таким образом, анализ онтологических обязательств предложений естественного языка о событиях с помощью критерия Куайна выявляет следующее:

1) глагольные конструкции представляют событие как свойство агенса или отношение между актантами (и, при их наличии, сирконстантами).

2) конструкции с номинализацией представляют событие как логический индивид.

Однако как быть с удобством, которое достигается с помощью неодэвидсоновского подхода при формальной репрезентации естественно-языковых явлений, например – приведенного выше естественно-языкового силлогизма о событиях (6)? Несомненно, в этом примере предложения формального языка A' , B' , C' адекватно

представляют структуру причинно-следственных связей в ситуации, описанной предложениями естественного языка А, В, С. Однако они не представляют логическую структуру предложений А, В, С. В действительности они являются переводом на формальный язык предложений естественного языка с номинализацией, а не с глагольными конструкциями: *In every burning, oxygen consummation occurs. Agatha brought about the burning of the wood. The oxygen consummation occurred.*

Это означает, что при таком подходе само нетривиальное с формально-логической точки зрения явление естественного языка, состоящее в динамической смене глагольных и номинализованных конструкций, ускользает от внимания, а репрезентируется его тривиализированный парафраз.

Заключение

Можно констатировать, что отказ от применения неодавидсоновского подхода к естественно-языковому силлогизму из примера (6) существенно затрудняет его перевод на язык логики предикатов с сохранением логического следования. Выход из этих затруднений можно искать на разных путях:

1. Считать этот естественно-языковой силлогизм формально-логически невалидным.
2. Предположить, что естественный язык не подчиняется законам логики, как это делал Рассел в свои пессимистические периоды⁸.
3. Предположить, напротив, что естественный язык позволяет решать некоторые задачи более экономично, чем имеющиеся на сегодняшний день подходы с использованием формального языка.

Нам представляется предпочтительным третье предположение. Попробуем назвать некоторые направления, в которых следует двигаться для раскрытия механизмов естественного языка, обеспечивающих экономичное «переключение» между предложениями с глагольными конструкциями и с номинализацией:

1. Учитывать роль в естественном языке presuppositions и когнитивных механизмов удержания референции.
2. Искать событийную переменную в предложениях с глагольными конструкциями не на уровне семантики предложения, но на уровне семантики внутренней структуры форм глагола. Такой подход представлен, в частности, в недавних предложениях Л. Шампольона: «Мы отказываемся от идеи о том, что событийная переменная связана на уровне предложения, и вместо этого предполагаем, что экзи-

⁸ «Я согласен... с заявлением господина Стросона... что в естественном языке отсутствует точная логика» [Russell, 1957, p. 389].

стенциальная квантификация над событиями выражается глаголами» [Champollion, 2015]. Также о месте событий в структуре семантики глагола см. в [Куслий, 2015].

3. Исследовать механизм номинализации в естественном языке и стоящую за ним естественно-языковую онтологию. Этот механизм работает весьма эффективно, позволяя гипостазировать практически все что угодно (*бег, краснота, чтойность*). Кроме того, обо всем что угодно мы можем сказать *это*.

Очевидно, онтология естественного языка как когнитивной системы – это онтология феноменалистическая, онтология не раз и навсегда жестко постулированных физикалистских объектов, а динамически выделяемых объектов мышления и говорения. Является ли такая онтология антифизикалистской? Мы можем считать, вслед за Фреге, что референтом любых истинных предложений является физическая реальность, однако она может быть представлена различными интенциональными способами. *Субстанцией* же, тем, что *само по себе существует*, является то, что мы мыслим в качестве такового. Мы можем рассказывать историю дерева, которое выросло, стало частью корабля Тесея, а затем было заменено и снова оказалось на берегу. Мы можем рассказывать и историю корабля Тесея, в котором сменились все части, но корабль остался тем же.

Список литературы

- Аристотель, 1978 – *Аристотель*. Категории // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.
- Куслий, 2015 – *Куслий П.С.* События и временные интервалы в онтологии естественного языка // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 39–44.
- Куслий, 2016 – *Куслий П.С.* Кванторы и онтология естественного языка // *Филос. журн.* 2016. Т. 9. № 1. С. 25–41.
- Татевосов, 2013 – *Татевосов С.Г.* Семантика события как эмпирическая проблема // *Философия языка и формальная семантика / Отв. ред. П.С. Куслий*. М.: Альфа-М, 2013. С. 9–42.
- Теньер, 1988 – *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Храковский, 1998 – *Храковский В.С.* Понятие сирконстанта и его статус // *Семиотика и информатика*. 1998. Вып. 36. С. 141–153.
- Burgess, Rosen, 1997 – *Burgess J., Rosen G.* A Subject with No Object. Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics. Oxford: Clarendon Press, 1997. X + 259 p.
- Champollion, 2015 – *Champollion L.* The Interaction of Compositional Semantics and Event Semantics // *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. No. 1. P. 31–66.

Davidson, 1967 – *Davidson D.* The Logical Form of Action Sentences // The Logic of Decision and Action / Ed. by N. Resher. Pittsburg: Pittsburg University Press, 1967. P. 81–95.

Davidson, 2002 a – *Davidson D.* Events as Particulars // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 181–188.

Davidson, 2002 b – *Davidson D.* Introduction // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 15–21.

Kenny, 1963 – *Kenny A.* Action, Emotion and Will. L.: Clarendon Press, 1963. 250 p.

Lasersohn, 2006 – *Lasersohn P.* Event-Based Semantics // Encyclopedia of Language & Linguistics. 2nd ed. Vol. 4. / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 316–320.

Maienborn, 2011 – *Maienborn C.* Event Semantics // Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 1. B.; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 802–829.

Montague, 1974 a – *Montague R.* On the Nature of Certain Philosophical Entities // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 188–221.

Montague, 1974 b – *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 247–270.

Parsons, 1994 – *Parsons T.* Events in the Semantics of English. A Study in Subatomic Semantics. Cambridge (MA): MIT Press, 1994. 334 p.

Reichenbach, 1947 – *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: Macmillan, 1947. XIII + 444 p.

Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // Mind. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

Russell, 1957 – *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // Mind. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.

Thomason, Stalnaker, 1973 – *Thomason R., Stalnaker R.* A Semantic Theory of Adverbs // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 3. No. 2. P. 195–220.

Quine, 1948 – *Quine W.V.O.* On What There Is // The Review of Metaphysics. 1948. Vol. 2. No. 5. P. 21–38.

Varzi, 2002 – *Varzi A.* Words and Objects // Individuals, Essence, and Identity. Themes of Analytic Metaphysics. Dordrecht, Boston, L.: Kluwer, 2002. P. 49–75.

References

Aristotle. Kategorii. [Categories] In: *Aristotle. Sochineniya.* [Aristotle. Works], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1978, pp. 51–90. (In Russian)

Burgess J., Rosen G. *A Subject with No Object. Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics.* Oxford: Clarendon Press, 1997. X + 259 p.

Champollion L. The Interaction of Compositional Semantics and Event Semantics. *Linguistics and Philosophy*, 2015, vol. 38, no. 1, pp. 31–66.

Davidson D. Events as Particulars. In: D. Davidson. *Essays on Actions and Events.* 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 181–188.

Davidson D. Introduction. In: D. Davidson. *Essays on Actions and Events*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 15-21.

Davidson D. The Logical Form of Action Sentences. In: N. Resher (ed.) *The Logic of Decision and Action*. Pittsburg: Pittsburg University Press, 1967, pp. 81–95.

Kenny A. *Action, Emotion and Will*. London: Clarendon Press, 1963. 250 p.

Khrakovskiy V. S. Ponyatie sironstanta i ego status [The Notion of a Cironstant and Its Status]. *Semiotika i informatika*, 1998, no. 36, pp. 141–153. (In Russian)

Kusliy P. S. Kvantory i ontologiya estestvennogo yazyka [Quantifiers and the Ontology of Natural Language]. *Filosofskiy zhurnal*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 25–41. (In Russian)

Kusliy P. S. Sobytiya i vremennye intervaly v ontologii estestvennogo yazyka [Events and Times in the Ontology of Natural Language]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 39–44. (In Russian)

Lasersohn P. Event-Based Semantics. In: K. Brown (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006, vol. 4, pp. 316–320.

Maienborn C. Event Semantics. In: *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, vol. 1. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 802–829.

Montague R. On the Nature of Certain Philosophical Entities. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp. 188–221.

Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp. 247–270.

Parsons T. *Events in the Semantics of English. A Study in Subatomic Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 334 p.

Quine W. On What There Is. *The Review of Metaphysics*, 1948, vol. 2, no. 5, pp. 21–38.

Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York: Macmillan, 1947. XIII + 444 p.

Russell B. Mr. Strawson on Referring. In: *Mind*, 1957, vol. 66, no. 263, pp. 385–389.

Russell B. On Denoting. In: *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Tatevosov S. G. Semantics of Events as an Empirical Problem. (Semantika sobytiya kak empiricheskaya problema.) In: P.S. Kusliy (ed.). *Filosofiya yazyka i formal'naya semantika* [Philosophy of language and formal semantics]. Moscow: Alfa-M Publ., 2013, pp. 9–42. (In Russian)

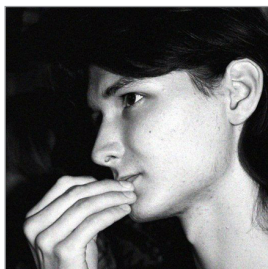
Tesnière L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. [Éléments de syntaxe structurale.] Moscow: Progress Publ., 1988. 656 p. (In Russian)

Thomason R., Stalnaker R. A Semantic Theory of Adverbs. *Linguistic Inquiry*, 1973, vol. 3, no. 2, pp. 195–220.

Varzi A. Words and Objects. *Individuals, Essence, and Identity. Themes of Analytic Metaphysics*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer, 2002, pp. 49–75.

ПРАГМАТИЗМ, ИСТИНА И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ

Логинов Евгений Владимирович – аспирант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

В этом тексте я попытался показать, как прагматическая максима и прагматическая дедукция категорий могут стать нитью Ариадны в лабиринте философии значения. Во-первых, я вкратце обрисовал историко-философские обстоятельства этой проблемы. В своем изложении я опирался на идеи Декарта, Локка, Беркли, Канта, Лейбница, Милля и Фреге. Затем я провел небольшое исследование с тем, чтобы избежать терминологической путаницы, возникшей в работах Рассела и в английских переводах «Логико-философского трактата» Витгенштейна. Во-вторых, я представил свою метафилософскую программу и коснулся некоторых общих вопросов, таких как истинность и ложность, референция и конвенция, когерентная теория истинности и метафизический идеализм. Затем я сформулировал проблему значения в виде противоречия наших базовых когнитивных убеждений и пытался показать, что разрешить это противоречие напрямую было бы непросто. В-третьих, я предложил способ избежать этого противоречия.

Ключевые слова: Пирс, Витгенштейн, значение, референция, прагматизм, конвенция

PRAGMATISM, TRUTH, AND THE PROBLEM OF MEANING

Evgeny Loginov – PhD student. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

In this text I've tried to show how pragmatic maxim and pragmatic deduction of categories could be a thread of Ariadne in the labyrinth of the philosophy of meaning. Firstly I've briefly outlined the historical and philosophical circumstances of the problem. This exposition was based on ideas of Descartes, Locke, Berkeley, Kant, Leibniz, Mill and Frege. Then I made a brief lexicographical research intending to eliminate the confusion over terminology, which appeared in Russell's papers and Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus". Secondly I've presented my metaphilosophical program and discussed some general issues like truth and falsehood, reference and convention, coherent theory of truth and metaphysical idealism. Then I've formulated the problem of meaning as a contradiction of our basic cognitive beliefs and tried to show that to seize the fortress is not an easy thing. Thirdly I've offered a way to avoid this contradiction.

Keywords: Peirce, Wittgenstein, meaning, reference, pragmatism, convention

Историческая экспозиция

Редко кто отважится отрицать важность лингвистической компетенции. За неспособность к языку Декарт лишил животных души [Декарт, 1989, с. 283]. Картезий и его последователи оставили теоретикам языка богатое наследие, но куда более влиятельной оказалась теория Локка [Locke, 2008, р. 54–259], которая сама в известной степени является переложением аристотелевских взглядов. Локк считал, что слово является знаком понятия в уме, а само оно происходит от внешней вещи. Например, слово «треугольник» означает мою мысль о треугольнике (в данном случае это будет архетип, или прообраз [Locke, 2008, р. 361–363]), а та, в свою очередь, происходит от множества видимых мною треугольных вещей и моей способности к рефлексии. Когда эти мысли излагаются в контексте проблемы универсалий, то их характеризуют как «концептуализм». Теория Локка была чрезвычайно полезна и существенно ослабила эссенциализм, дав ученым, уже несколько столетий выжимавшим все, что можно, из трудов Аристотеля, Августина и Боэция, новую мишень для критики. Так, современников Локка не устраивали сомнительные с точки зрения теологии следствия этой теории [Беседин, 2005]. Но не это было основной причиной отказа от локковской философии языка.

Теория Локка покоится на двух китах: тезисе о существовании в уме общих идей, таких как идея треугольника вообще, и тезисе об обозначении словами идей, а не вещей. Атакуя первый тезис, Беркли показал, что мы не можем представлять себе «треугольник вообще» [Беркли, 1978, с. 161–165]. Позднее Кант научил философов говорить о схематизме чистого рассудка: «Понятию о треугольнике вообще не соответствует никакой образ треугольника» (B180). Усложнение представлений о природе сознания подтолкнули философов к отказу от локковской теории значения. Несмотря на попытки локковедов доказать, что на самом деле взгляды Локка как на значения, так и на природу сознательного опыта были более утонченными и учитывали некоторые приведенные впоследствии возражения [Ott, 2003], [Mackie, 2005, р. 108–123], большая часть современных философов считает его теорию устаревшей.

Еще больший урон нанесли концепции Локка исследования по эпистемологии и теории знака. Наиболее существенны тут, как мне кажется, два аргумента. Первый можно назвать аргументом от необходимости. Его впервые сформулировал Лейбниц в своем ответе Локку. Опыт не дает нам знания о необходимости. Мы фактически обладаем знанием о необходимости. Следовательно, существуют знания не из опыта [Лейбниц, 1983, с. 81]. Позднее этот довод был воспроизведен Кантом (B5). Применительно к нашей теме это означает, что если бы

значением слов были идеи, то мы не могли бы иметь необходимые знания ни о чем, кроме, пожалуй, врожденных идей, существование которых Локк отрицал. А между тем нам кажется, что мы о многом можем говорить с необходимостью, например, что солнце восходит на востоке и завтра взойдет там же. Сложилось так, что подобных взглядов придерживался и Фреге, один из отцов логической революции рубежа XIX и XX вв.

Фреге считал основой своей научной деятельности следующее рассуждение. Кто-то, опознавая нечто как истинное, тем самым выносит некоторое суждение. То, что опознается как истинное, всегда есть мысль. Невозможно опознать нечто как истинное до того, как схватить это нечто. Мысль никому не принадлежит. Одна и та же мысль может быть схвачена несколько раз разными людьми [Frege, 1892; Frege, 2008, с. 28–32; Frege, 1979, p. 251–252].

Другой довод можно назвать аргументом от адекватности. Когда я говорю, что «на столе стоит чашка», я хочу сказать именно о столе и чашке, а не о моих идеях «стол» и «чашка». Ничего не гарантирует, что у меня и у собеседника одно и то же понятие о чашке, а между тем нам кажется, что мы говорим об одном и том же. Эти соображения были сформулированы Дж. С. Миллем [Mill, 1974, p. 24–25], их развивал Фреге, и они же легли в основу критики тезиса «значения в голове» Хилари Патнэмом.

Чарльз Пирс считал, что Милль существенно запутал вопрос о значении, отказавшись от различий, сделанных схоластами (см. его статью в [Baldwin, 1902, p. 528]). Это мнение Пирса может поразить тех, кто знаком с его собственными разработками по этой теме, много более путанными, чем миллевские. Но вавилонское смешение в философии значения действительно существует, и по исторической иронии оно связано с появлением аналитической философии.

Фреге различил Sinn (смысл) и Bedeutung (значение) знака. Рассел перевел это как “meaning” и “denotation” [Russell, 1905, p. 483]. Возможно, его вели ассоциации с теорией имен Милля. Милль использовал слово “denotation” для точного значения, а “connotation” для сопутствующего. На схожесть теорий Фреге и Милля указывал А. Черч [Черч, 1960, с. 313]. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн, следуя терминологии Фреге [Stroll, 2000, p. 58], хотя и не разделяя его концепцию [Glock, 1996, p. 236–239], использовал слово “Bedeutung” для объекта, который является значением имени (3.203, 3.261, 3.263, 3.3). В английском переводе Ч.К. Огдена, выполненном при участии Дж. Э. Мура и Ф.П. Рамсея, в этом месте было использовано слово “meaning”. Перевод афоризма 6.126 четко закрепляет соответствие “Sinn” и “sense”, “Bedeutung” и “meaning”. Это же лексическое решение было воспроизведено и в переводе Д.Ф. Пэрса и Б.Ф. Макгинесса. Слово “sense” у Рассела либо не иг-

рало технической роли, либо использовалось с приставкой “non”. Иногда слово “Sinn” и производные от него, вообще устойчиво переводящиеся в «ЛФТ» как “sense” и производные от него, переводится как “meaning”, как в афоризме 3.328. У Огдена “unsinnig” переводится как “meaningless” в 5.5351, причем в том же самом предложении то же “unsinnig” переводится как “senseless”. Особенно сильно разница между английским переводом «Трактата» и словоупотреблением Рассела видна в написанном последним «Введении», в котором, говоря “meaning”, он, как кажется, имеет в виду “Sinn”, у которого есть психологическая сторона, не интересующая логика. Относительно Витгенштейна традиция устоялась, и в своем переводе «Философских исследований» Э. Энском тоже использовала слово “meaning” для передачи “Bedeutung” [Wittgenstein, 2009]. Огден в работе, написанной в соавторстве с литературным критиком А. А. Ричардсом, и опубликованной через год после издания английского перевода “ЛФТ”, описывая учение Фреге, переводил “Sinn” как “meaning”, а “Bedeutung” как “indication” [Ogden, Richards, 1946, p. 274]. Рассел иногда тоже использовал такой вариант.

Важно, что ни “denotation” Рассела, ни “meaning” Огдена не были ошибками. Это вполне допустимые переводы. Но все же, как пишет А. Стролл, само слово “meaning” двусмысленно и может означать как лингвистическую единицу, которая может обладать смыслом (connotation/sense), так и объект, к которому отсылают или который упоминают [Stroll, 2000, p. 26]. Однако причина, побудившая Огдена выбрать именно “meaning”, остается для меня загадкой. Опирался ли он на обыденное словоупотребление или сыграл свою роль Рамсей, как утверждает профессор Ш. Мисак (в личной переписке), я не знаю. Возможно, если бы не имевшее место недопонимание между Огденом, Расселом и Витгенштейном, то результат был бы иным. Но сам факт, что в двух текстах, входящих в джентльменский набор аналитического философа, в «Об обозначении» и в английском переводе «ЛФТ», существует указанное выше разночтение, не может не породить замешательства.

Со временем ситуация еще более запуталась. В 1948 году Макс Блэк публикует свой, ставший в последствии классическим перевод статьи “Über Sinn und Bedeutung”, используя слова “sense” и “reference” [Frege, 1948]. Опасность такого переводческого решения сразу была отмечена специалистами [Church, 1948]. Через год вышел еще один перевод, который выполнил Герберт Фейгль. Он использовал “sense” и латинское “nominatum”, которое Фейгль заимствовал из «Значения и необходимости» Карнапа. Позднее Блэк согласился с Черчем, что “denotation” является более удачным переводом, чем его “reference” или “nominatum” Фейгля [Black, 1949].

В 1970-е дискуссия о переводе “Bedeutung” приобрела массовый характер и историко-философский оттенок. В ней приняли участие Майкл Даммит, Питер Гич, Уильям Нил, Дэвид Белл, Питер Лонг, Роджер Уайт и другие философы. В настоящий момент, несмотря на то, что “meaning” считается «официальным» переводом, другие не теряют своей популярности. По моим наблюдениям, среди «неофициальных» самым влиятельным заслуженно является “reference”.

Это преступно краткое историческое рассмотрение должно было научить нас, ввиду каких обстоятельств философы больше не могут быть психологами относительно значения, и тому, какая путаница существует относительно терминологии в этом вопросе.

Постановка проблемы

Развитие философии связано с уточнением формулировок ее проблем. Так, психофизическая проблема еще в Новое время приобрела ясный и отчетливый вид, но только сравнительно недавно было найдено ее сердце: трудная проблема сознания. Ту же картину мы наблюдаем в метафизике свободы воли. Аргументы, высказанные сторонниками разных вариантов этой метафизики, были собраны в единую проблему Уильямом Джеймсом [Джеймс, 1997, с. 95–119] и сейчас продолжают модифицироваться, адаптируясь к новейшим контрдоводам (некоторые важные детали можно найти тут [Мишура, 2015; Васильев, 2016]). Понятно, в чем состоит проблема бытия [Куйан, 2010, с. 21]. Достаточно ясно сформулирована проблема ментальной каузальности [Kim, 1998, р. 29–87]. Но существует ли достаточно ясная формулировка проблемы значения? Кажется, несмотря на то, что по этой теме писали философы, ориентированные на строгость, проблема не была сформулирована должным образом.

Вполне может оказаться, что сегодня никакой философской работы значение и не требует. Почему нельзя считать, что философы прошлого уже все сделали, и теперь значением могут заниматься только специальные науки? Например, нас интересует значение слова «мыслитель». Философ ничем не может помочь. Мы открываем словарь и читаем об удивительных приключениях этого слова в истории языка и о том, что оно значит сегодня. Рассмотрим более простой пример. Я говорю: «На моем столе стоит чашка». Каждый человек, владеющий русским языком, понимает это предложение безотносительно того, какой философской веры относительно значения он или она придерживается и придерживается ли какой-нибудь. Конечно, лингвисты, как и другие люди, могут искать в философии вдохновение, интуиции, прозрения, свежий взгляд и т. п. Вполне может оказаться,

что дело настоящей философии языка – мыслить свой предмет настолько необычным образом, насколько это вообще возможно [Гиренко, 2008, с. 3]. Это может быть интересным занятием, ему вовсе не обязательно обладать познавательной ценностью. Однако лингвист и филолог могут черпать вдохновение не только в философии, но и в музыке, литературе, истории или в занятиях горными лыжами. Если мы хотим размышлять в классическом ключе, делать этого строго и последовательно, то нужно ответить на вопрос: а что именно в значении делает его загадкой? Витгенштейн учил, что философская проблема имеет форму: «Я в тупике» (PI: 123). Но что такое тупик в деле философии, если не противоречие? Философ должен помещать рассматриваемый предмет в центр узла противоречий, которые представляют собой формулировки наших базовых убеждений.

- (1) Мы убеждены, что А;
- (2) Мы убеждены, что В;
- (3) Из В следует не-А;
- (4) Наши убеждения противоречивы.

Важно, что А и В – это положения, имеющие одинаковую эпистемологическую природу. Возможно, для обнаружения противоречия потребуется более четырех шагов. Шаг (3) добавлен, чтобы избежать ситуации, в которой некто имеет два убеждения, которые напрямую противоречат друг другу. Такие ситуации не представляют научного интереса.

Было бы ошибкой сказать, что в литературе совершенно не встречаются интересные формулировки. Так, Пол Хорвич приводит целый список проблем, загадок, вопросов, которые возникли в философии языка в прошлом столетии [Horwich, 1998]. Но все это не делает проблему яснее, а только дробит ее на множество подпроблем, без какой-либо возможности понять общую связь между ними. У Джона Остина мы встречаем такое предложение: «как слова делаются значимыми»? [Остин, 2006, с. 67]. **Наиболее удачной мне кажется формулировка, данная Куайном: какого рода вещами являются значения** [Куайн, 2010, с. 48]? В целом, я буду рассуждать в свете этого вопроса. Полезным мне также кажется вопрос Хилари Патнэма: как слова цепляются за мир (hook onto the world) [Putnam, 1992]? Проблема с этими влиятельными формулировками в том, что их создали для того, чтобы маркировать позиции оппонентов. То есть это псевдовопросы. И они не имеют формы противоречия.

Вернемся к примеру с чашкой. Очевидно, что в организации значения этого выражения участвуют три стороны: вещь, слова и тот, кто пользуется словами, личность. Мы обозначаем знаком «чашка» чашку-объект. Мы обладаем властью называть вещи словами. Является ли наша власть неограниченной? Возможно, но, даже создав себе язык

для внутреннего пользования, мы не можем быть уверены, что он будет только нашим. Другие всегда найдут возможность нас поправить, ограничить. В этом смысл аргумента приватного языка [Ayer, Rhees, 1954; Крипке, 2005]. Значит, есть еще один элемент, участвующий в значении: общество.

Тип теории значения, к которой в итоге придет исследователь, занимающийся этой проблемой, зависит от того, с рассмотрения какого из четырех элементов он или она начнет рассуждение. Мы начали с тех, кто пользуется языком, и договорились, что их разумно разделить на два типа: общество и личность. Мы установили, что общество актуально или потенциально ограничивает вклад личности в формирование значения. Почему мы понимаем слова примерно одинаковым образом? Потому что мы либо заключили об этом соглашение, либо знаем о том, что такое соглашение было заключено в прошлом. Как и теоретикам общественного договора, нам хватит и виртуального соглашения. Тогда значение знака есть совокупность его применений в языке, а применение есть релевантное включение в кортежи выражений. Значит, значения конвенциональны.

Исторически первыми, кто пришел к подобной точке зрения, были, по всей видимости, софисты. И в первом же дошедшем до нас крупном тексте, посвященном специально философии языка, в «Кратиле», мы находим критику этой теории. Платон использует то, что можно назвать аргументом от истины. Мы фактически различаем истинные и ложные суждения. Если все дело только в конвенции, то не ясно, как такое различие возможно [Платон, 1992, с. 385–391]. Соглашение, как говорит Дэвидсон, не порождает истины [Дэвидсон, 1998, с. 344]. Мы могли бы объявить, что это различие принадлежит мнению, а разум дает нам иную картину, говорит, что мы должны отказаться от различия истины и мнения.

Сделаем небольшое отступление.

Я не располагаю хоть сколько-то удовлетворительной теорией истины и вполне сознаю, что существуют философы, готовые отказаться от различия истины и лжи. Насколько я понимаю, это можно делать в трех смыслах. Во-первых, можно отказаться от этого различия ввиду того, что философия стала (или всегда была) своего рода литературной деятельностью, поэтому вопрос об истинности «Опыта критики всякого откровения» столь же бессмыслен, как и вопрос об истинности «Американской трагедии». Но это просто не соответствует фактам из истории философии. Именно поэтому сторонники этой позиции, такие как Рорти, одновременно еще и считают целью историко-философской науки не воссоздание объективного развития мысли, а постоянную литературную игру с классическими сюжетами (об этом см. [Логинов, 2016а]). Я не принимаю такую точку зрения всерьез. Во-вторых, можно сказать, что различие истины и лжи не играет

существенной роли в науке, что на самом деле наука есть история про ставки, риски, силы, демарши и т. д. Думаю, что это не так, но если кому-то хочется так думать о науке, то я легко оставлю ему или ей слово «наука», ведь я сам занимаюсь философией и ее историей. В-третьих, можно сказать, что конвенционализм способен принять в себя различие истины и лжи. Обычно это направление мысли ассоциируют с т. н. когерентной теорией истины. Если есть множество положений, образующих теорию А, и другое множество положений, образующих теорию В, то истинностью некоего положения S относительно А будет его когерентность с другими положениями А, а истинностью положения S относительно В будет его когерентность с другими положениями В. Однако такая теория не является достаточной, ведь согласованность положений нужна и для корреспондентской, и для прагматической теорий истины. Само различие истины и лжи порождает закон непротиворечия, а не наоборот. Кроме того, не очень ясно, является ли когерентность А такой же, как и когерентность В? Если нет, то почему и то, и другое мы называем принципом истинности? Если да, то что это за принцип? Является ли он пустым формализмом или имеет содержательное наполнение? Если первое, то откуда он взялся? Если второе, то что это за наполнение? Я не вижу способа ответить на эти вопросы без допущений, характерных для старых идеалистов: сказать, что истинности А и В зависит от чего-то или кого-то, что или кто и есть истина. Поэтому когерентная теория истины является современным вариантом махавакьи «то ты еси». А это очень сильное онтологическое допущение, грозящее множеством логических грехов и онтологических излишеств.

Если мы не хотим разделять иллюзии старых идеалистов, то мы должны спасти понятие истины с помощью понятия референции. Референция обычно определяется как непосредственная связь языковых выражений с предметом в мире. Несмотря на то, что объяснение референции достаточно сложно, в обыденной жизни мы активно пользуемся ею. Практически невозможно себе представить современную научную статью без ссылочного аппарата.

Почему референция важна для нас? Потому что мы убеждены, что говорим о чем-то, а не ни о чем. Чтобы говорить, что некое положение истинно или ложно относительно некоего предмета, факта или обстоятельства, нужно знать, о чем оно сказывается, нужно как-то фиксировать его. Конечно, мы можем быть просто вовлечены в беседу и наслаждаться ситуацией, звучанием нашего голоса или изящностью выражений, но проблемы вроде загадки Фреге заставляют нас предполагать связь слов и вещей.

Как, однако, она возможна? Блаженный Августин сообщает, что «мы решительно не в состоянии что-либо выразить, если только душа наша, услышав слова, не перенесется к тому, знаками чего эти слова

выступают». Сложно не согласиться, что «из уст говорящего исходит не сама обозначаемая вещь» [Августин, 1999, с. 328–329]. Возможно, для видимых вещей мы можем воспользоваться указанием, но как быть, например, с предложениями? Если мы согласимся, что в каждый момент употребления каждого знака этому знаку соответствует некий объект, то это может привести нас к перегруженной квазиплатоновской онтологии.

Нам вовсе не всегда нужна референция, чтобы быть понятными. Например, сцена с рабом в «Меноне» (82a–86c) и коррелятивный ей пассаж у Аристотеля во «Второй аналитике» (71a17–24) содержат указательные местоимения, которые являются носителем референции *par excellence*. Для актеров, ставящих «Менон» и чертящих фигуры на песке, действительно будет «вот этот», «вот тот» квадрат и т. д. Но, например, для лектора, который рассказывает студентам о Платоне, те же слова не будут обладать референцией, и это не нужно для понимания.

Итак, мы в затруднении. Если значения конвенциональны, то мы лишаемся истины. Если значения референциальны, то мы сталкиваемся с рядом сложных вопросов и квазиплатонизмом. Конвенциональность предлагается как объяснение intersubjectivity значений. Постулирование референциальности позволяет объяснить истинность и интенциональность (мы убеждены, что слова говорят о чем-то, а не ни о чем). Мы не можем отказаться от этих благ, какую бы опасность они не таили. Поэтому мы должны принять и конвенциональность, и референциальность и посмотреть, что будет. Если мы разделяем конвенционалистское убеждение, то в теории значения нам не нужны никакие вещи. Если же мы отстаиваем референциальную точку зрения, то должны настаивать на том, что представление о вещах является необходимой частью теории значения. И если мы одновременно придерживаемся обоих взглядов, то приходим к противоречию.

На первый взгляд кажется, что никакого противоречия тут нет, и мне стоило труда и времени, чтобы убедить себя в обратном. Кажется, что речь идет просто о разных аспектах языка. Но это не так. Во-первых, в философии языка, создаваемой в разные эпохи в разных национальных традициях, можно найти намеки на это противоречие. Так, сэр Питер Стросон описывал то, что он называл гомеровским противостоянием богов и героев: правы ли теоретики коммуникации (Остин, Грайс и поздний Витгенштейн) или сторонники формальной семантики (Хомский, Фреге и ранний Витгенштейн?) [Стросон, 1998]. Во-вторых, каждый из этих взглядов основан на сильных интуициях и может полностью объяснить язык. А когда мы пытаемся совместить эти два подхода, получается противоречие. **А мы должны их совместить, если желаем гармонизировать наши убеждения о языке.**

- (1) Значения знаков intersубъективны;
- (2) Существует различие истины и лжи;
- (3) Значения знаков конвенциональны – из (1);
- (4) Существует референция – из (2);
- (5) Для объяснения природы значения не нужны вещи – из (3);
- (6) Для объяснения природы значения нужны вещи – из (4);
- (7) Наши убеждения противоречивы.

Попытка решения

Как нам разрешить это противоречие? Наши послышки кажутся надежными, а вывод – правильным. Если бы я сейчас вытащил из рукава некий постулат, который отменял противоречие, то это выглядело бы нелепо. В такой ситуации велик соблазн стать скептиком или уверовать, что противоречие – это свойство самого мира. Но мы попробуем избежать таких крайностей с помощью идей, стоящих за дедукцией категорий Пирса, несмотря на очевидность того, что связь между одним и другим не вполне ясна и может быть оспорена. В своем понимании учения Пирса я опираюсь, кроме его собственных работ, еще и на исследования [Ayer, 1968; Мельвил, 1968; Flower, Murphey, 1977; Short, 2007; Кирюшенко, 2008] и некоторые другие.

Если бы Пирс увидел наше рассуждение, то он, как мне представляется, сказал бы, что ошибка коренится в понимании референции как двухместного отношения, подобного остенсии. Всякий ли акт референции является остенсивным? На первый взгляд, трудно дать пример обратного. Но остенсия, как показали множество авторов (например, Витгенштейн и Куайн), не является надежной процедурой. Мы можем суммировать их труд в три довода. Во-первых, существуют знаки (например, служебные части речи), которые не указывают на что-то в мире. Во-вторых, остенсии свойственна известная неопределенность: нельзя понять, на что я указываю, если уже не иметь способа понять это и без указания. В-третьих, из того, что в конкретной ситуации я показываю на конкретную чашку, не следует, что чашка является значением слова «чашка», ведь в другой ситуации я могу показать на другой объект. Чтобы ответить на эти соображения, нужно перестать отождествлять референцию и остенсию. Все эти трудности, сказал бы, вероятно, Пирс связаны с тем, сам акт внимания, коим является остенсия, не имеет коннотации (1.547), поэтому он не может объяснять природу значения. Пирс предлагает считать, что знак обладает тремя референциями, каждая из которых не есть остенсия.

Первую референцию, считает Пирс, мы осуществляем не к индивидуальной вещи, а к качеству, понимаемому как атрибут, основа, абстракция или чистый вид. Пирс говорит о “pure species”, что делает

его учение родственным реализму средневекового толка. Почему мы должны принять это? Пирс приводит следующий аргумент. В суждении мы присоединяем к субъекту некий предикат, выражающий качество. Чтобы суждение не было тавтологией, мы должны быть способны мысленно отделить предикат от субъекта, только в этом случае имеет смысл работа копулы (1.548). Интроспекция обманывает нас в том, что качество является таким же конкретным нечто, как и то, качеством чего оно является (1.551). Если бы мы могли доверять интроспекции в этом вопросе, то можно было бы держаться за конкретность качеств, но достоверность интроспекции основана на достоверности внутреннего созерцания, а последняя основана на представлении о способности различать само созерцание и созерцание того, что это созерцание является только созерцанием, а не результатом вывода (5.214). Качество не есть объект наблюдения, но объект логики (5.369). Так как все, что есть в субъекте, берется из предиката, то мы должны считать свойства существующими реально.

Возможно ли всерьез защищать объективное существование свойств и отношений? С одной стороны кажется, что мы убеждены в том, что существуют только единичные вещи. С другой стороны, сущности вроде семьи, дружбы и университета или расстояния между Москвой и Томском очевидно существуют и отличаются от привычных философам столов, стульев и чашек. Эти объекты подводят нас к той грани, за которой у философа начинает расти платонова борода [Куайн, 2010, с. 22]. Но нам необязательно переходить ее, утверждая, что отношения порождают участников отношения или что они являются хоть в каком-то смысле совершеннее, активнее, понятнее, чем единичные вещи. Платонизм становится самопротиворечивой концепцией только тогда, когда к тезису о реальности свойств и отношений добавляется тезис об особых свойствах этих отношений (например, вечность или самоидентичность), которые обеспечивают им онтологическое первородство. А без этого платонизм противоречит только эстетическому чувству любителей пустынных ландшафтов [Куайн, 2010, с. 24], что не может рассматриваться как серьезное возражение.

Итак, мы осуществляем референцию к качеству, или первичность. Достаточно ли этого для работы знака? Нет, так как сама референция к качеству не очень-то понятна. Она, считает Пирс, является референцией к корреляту, т. е. качество может быть понято только в сравнении с другим качеством. Это называется вторичностью. Но и это еще не все. Сама референция к корреляту является референцией к интерпретанту, опосредующей репрезентации, или троичностью. Она необходима, иначе знаки ничего не могли бы значить: А отсылало бы к В, В к С, С к D и ad infinitum. Иллюстрируя свою мысль, Пирс приводит в пример переводчика, который говорит, что иностранец говорит то же,

что и он сам (1.553–1.554). Грубо говоря, троичность – это понимание референции к корреляту. Пирс считал это семиологическим аналогом синтетического единства многообразного (В187).

Что эта спекуляция позволяет нам учесть? Интросубъективность значения существует в силу абстрактного, доступного всем характера первичности. Наша способность к языковому творчеству возможна в силу синтетического характера троичности. Эти два объяснения позволяют нам обойтись без конвенциональности. Теперь нужно ответить на вопрос об участии вещей в организации значения. Ответ состоит в том, что вещи участвуют в работе значения, являясь необходимым условием для любой адекватной интерпретации нашего опыта [Ауер, 1968, р. 21]. Вещь – это своего рода ключ к замку значения, но это не значит, что замок создан ради ключа. В структуре значения есть место для вещи, и это место – отсылка к корреляту.

Прошлое понимание референциальности мы ввели в ответ на тревогу за истину. В целом Пирс согласен, что истина есть сообразность репрезентации со своим объектом (1.578). Важно, чтобы объект был реальным и не зависел от репрезентации (5.384). Значит, в случаях, когда вообще есть повод говорить об истине, мы должны быть способны абстрагировать вторичность знака, которую Пирс связывает со свойственным действительности сопротивлением, от ее троичности. В таких случаях работает теория истины как адекватности, но для нормальной ее работы нужен фирменный прагматический постулат – фаллибилизм. Сказать, что нечто является истинным, значит выразить решимость следовать этому мнению (5.406). Мы можем ошибиться, приняв вторичность, например, за троичность, и тогда мы увидим не подлинную структуру мира, а лишь свои фантазии о ней. Если мы уверуем в последние, то не сможем удовлетворять свои желания (5.375). Значит, истина (во всяком случае, научная истина) есть то, во что опыт в конце концов заставляет нас верить [Short, 2007, р. 332]. Таким образом, Пирс позволяет сохранить различие истины и лжи и не впасть в когерентную теорию истины.

Служебные части речи не могут служить контрпримером для нашей теории референции, ведь они являются знаками-индексами, т. е. знаками, чья референция к основе может быть абстрагирована от референции к интерпретанту, но не может быть отделена от референции к корреляту (1.558). Прагматический ответ на проблему неопределенности я планирую рассмотреть в другом месте, но, если кратко, он состоит в том, что фаллибилизм может рассматриваться как лекарство от страха совершить ошибку. Проблему, связанную с тем, что один и тот же знак в разных контекстах может обладать разными значениями, я попытался решить тут [Логинов, 2016b], отвечая на [Мерцалов, 2015]. В целом, мне кажется, я справляюсь с этой трудностью. Однако полезно спросить: а что понимается под «одним и тем же знаком»?

Спекулятивный ответ состоит в том, что два знака, первичности и троичности которых неразличимы, а вторичности отличаются (в этом смысл выражения «в разных контекстах»), есть один и тот же знак. Запутанность этого объяснения (что, например, значит «отличаться» для первичности?) показывает, как далеки мы еще от решения проблемы тождества.

Подведем итоги. В первой части мы выяснили причины, по которым психологизм относительно значения утратил свою привлекательность, и увидели, какие терминологические трудности невольно создали философы, приложившие руки к этому развенчанию. Во второй части я попытался, учитывая эти обстоятельства, четко сформулировать проблему значения через противоречие между конвенциональностью и референциальностью. В третьей части я предложил решение проблемы на основе предложенной Пирсом спекулятивной теории.

Если изложенное выше верно, то сказать, что значением знака является объект (нечто независимо от нас) – не ошибка, а опасное упрощение. Между тем мнение, согласно которому значением является конвенция (не важно, понимаем ли мы ее как действие или как идею), – ошибка. Это мы и хотели выяснить.

Список литературы

- Августин, 1999 – *Августин*. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1280 с.
- Беркли, 1978 – *Беркли Дж.* Соч. М.: Мысль, 1978. 556 с.
- Беседин, 2005 – *Беседин А.П.* Беркли как философ Просвещения // Филос. науки. 2005. № 5. С. 24–34.
- Васильев, 2016 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма // Вопр. философии. 2016. № 2. С. 64–77.
- Гиренок, 2008 – *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Акад. проект, 2008. 240 с.
- Декарт, 1989 – *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1989. 654 с.
- Джеймс, 1997 – *Джеймс У.* Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.
- Дэвидсон, 1998 – *Дэвидсон Д.* Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 528 с.
- Кирющенко, 2008 – *Кирющенко В.В.* Язык и знак в прагматизме. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. 199 с.
- Крипке, 2005 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. 152 с.
- Куайн, 2010 – *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010. 272 с.
- Лейбниц, 1983 – *Лейбниц Г.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
- Логинов, 2016а – *Логинов Е.В.* Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопр. философии. 2016. № 2. С. 192–201.
- Логинов, 2016б – *Логинов Е.В.* Чудовище Фрегенштейна и разрушители мифов // Финиковый Компот. 2016. № 10. С. 52–59.

- Мерцалов, 2015 – *Мерцалов А.В.* Все наоборот // Финиковый Компот. 2015. № 9. С. 37–42.
- Мельвил, 1968 – *Мельвил Ю.К.* Чарлз Пирс и прагматизм. М.: Изд-во МГУ, 1968. 500 с.
- Мишура, 2015 – *Мишура А.С.* Индетерминистические модели каузальности в либертарианских теориях свободы воли // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2015. № 1. С. 215–231.
- Остин, 2006 – *Остин Дж.* Три способа пролить чернила. СПб.: Алетейя. 2006. 335 с.
- Платон, 1992 – *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Loseva. Т. 1. М.: Мысль, 1992. 864 с.
- Стросон, 1998 – *Стросон П.* Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 213–230.
- Фреге, 2008 – *Фреге Г.* Логико-философские труды. Новосибирск: Сибир. университет. изд-во, 2008. 283 с.
- Черч, 1960 – *Черч А.* Введение в математическую логику. Т. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 485 с.
- Ayer, 1968 – *Ayer A.J.* The Origins of Pragmatism. San Francisco: Freeman, Cooper & Company. 1968. 347 p.
- Ayer, Rhees, 1954 – *Ayer A.J., Rhees R.* Can There Be a Private Language? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1954. Vol. 28. P. 63–94.
- Baldwin, 1902 – *Baldwin J.M.* Dictionary of philosophy and psychology. Vol. 2. N. Y.; L.: The Macmillan Company, 1902. 892 p.
- Black, 1949 – *Black M.* Review: Readings in Philosophical Analysis by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars // The Journal of Symbolic Logic. 1949. Vol. 14. No. 3. P. 184–185
- Church, 1948 – *Church A.* Review: A translation of Frege's *Über Sinn und Bedeutung*. Introductory Note by Max Black // The Journal of Symbolic Logic. 1948. Vol. 13. No. 3. P. 152–153.
- Flower, Murphey, 1977 – *Flower E., Murphey M.G.* History of philosophy in America. Vol. 2. N. Y.: Capricorn Books, 1977. 972 p.
- Frege 1892 – *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. N. F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50.
- Frege, 1979 – *Frege G.* Posthumous Writings. (trans. Long and White, ed. Hermes, Kambartel, and Kaulbach). Oxford: Basil Blackwell. 1979. 288 p.
- Frege, 1948 – *Frege G.* Sense and reference // The Philosophical Review. 1948. Vol. 57. No. 3. P. 209–230.
- Glock, 1996 – *Glock H.-J.* A Wittgenstein Dictionary. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. 416 p.
- Horwich, 1998 – *Horwich P.* Meaning. Oxford: Oxford University Press. 1998. 254 p.
- Kim, 1998 – *Kim J.* Mind in a Physical World. An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. Cambridge (MA): MIT Press, 1998. 156 p.
- Locke, 2008 – *Locke J.* An Essay concerning Human Understanding. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Mackie 2005 – *Mackie J.L.* Problems from Locke. Oxford: Clarendon Press, 2005. 248 p.

Mill, 1974 – *Mill J.S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I–III)* // *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume VII* / Ed. by J.M. Robson, Introduction by R.F. McRae. Toronto: University of Toronto Press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1974. 757 p.

Ogden, Richards, 1946 – *Ogden C.K., Richards I.S. The Meaning of Meaning*. N. Y.: A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 387 p.

Ott, 2003 – *Ott W. R. Locke's Philosophy of Language*. N. Y.: Cambridge University Press, 2003. 169 p.

Putnam, 1992 – *Putnam H. Realism with a Human Face*. Cambridge (Mas.): Harvard University Press, 1992. 347 p.

Russell, 1905 – *Russell B. On denotiong* // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

Short, 2007 – *Short T. L. Peirce's Theory of Signs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Stroll, 2000 – *Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy*. N. Y.: Columbia University Press, 2000. 315 p.

Wittgenstein, 2009 – *Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen* // *Philosophical Investigations, bilingual* / Trans. G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte. Oxford: Blackwell, 2009. 592 p.

References

A.F. Losev (ed.). *Plato. Sbranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Papers], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1992. 864 p. (In Russian)

Augustine. *Ob istinnoy religii. Teologicheskiiy traktat* [On True Religion. Theological Treatise]. Minsk: Harvest, 1999. 1280 p. (In Russian)

Austin J. *Tri Sposoba Prolit' Chernila* [Three Ways of Spilling Ink]. St.Petersburg.: Aleteya Publ.. 2006. 335 p. (In Russian)

Ayer A. J. *The Origins of Pragmatism*. San Francisco: Freeman, Cooper & Company. 1968. 347 p.

Ayer A. J., Rhees R. Can There Be a Private Language? *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, 1954, vol. 28, pp. 63–94.

Baldwin J. M. *Dictionary of philosophy and psychology*, vol. 2. London, New York: The Macmillan Company, 1902. 892 p.

Berkley G. *Sochineniya*. [Collected Papers]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 556 p. (In Russian)

Besedin A.P. Berkli kak filosof Prosveshcheniya [George Berkeley as a Philosopher of Enlightenment]. *Filosofskie nauki*, 2005, no 5, pp. 24–34. (In Russian)

Black M. Review: Readings in Philosophical Analysis by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars. *The Journal of Symbolic Logic*, 1949, vol. 14, no. 3, pp. 184–185.

Church A. Review: A translation of Frege's *Uber Sinn und Bedeutung*. Introductory Note by Max Black. *The Journal of Symbolic Logic*, 1948, vol. 13, no. 3, pp. 152–153.

Church A. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1960. 485 p. (In Russian)

- Davidson D. Metod istiny v metafizike [The Method of Truth in Metaphysics] *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie*. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 1998. 528 p. (In Russian)
- Descartes R. *Sochineniya* [Collected Papers], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 654 p. (In Russian)
- Flower E., Murphey M. G. *History of philosophy in America*, vol. 2. New York: Capricorn Books, 1977. 972 p.
- Frege G. *Logiko-filosofskie Trudy* [Logical-philosophical Works]. Novosibirsk: Siberian Univ. Publ., 2008. 283 p. (In Russian)
- Frege G. *Posthumous Writings*. Oxford: Basil Blackwell, 1979. 288 p.
- Frege G. Sense and reference. *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57, no. 3, pp. 209–230.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung. In: *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. N.F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50.
- Girenok F. I. *Udovol'stvie myslit' inache* [The Pleasure of Thinking Differently.]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2008. 240 p. (In Russian)
- Glock H.-J. *A Wittgenstein Dictionary*. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. 416 p.
- Horwich P. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 254 p.
- James W. *Volya k vere* [Will to Belief]. Moscow: Respublika Publ., 1997. 431 p. (In Russian)
- Kim J. *Mind in a Physical World. An Essay on the Min-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 156 p.
- Kiryushchenko V.V. *Yazyk i znak v pragmatizme* [Language and Sign in Pragmatics]. St.Petersburg.: European Univ., 2008. 199 p. (In Russian)
- Kripke S. *Vitgenshtejn o pravilah i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2005. 152 p. (In Russian)
- Leibniz G. *Sochineniya* [Collected Papers], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 686 p. (In Russian)
- Locke J. *An Essay concerning Human Understanding*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 520 p.
- Loginov E. V. Chudovishche Fregenshtejna i razrushiteli mifov [Fregenstein's monster and Mythbusters]. *Finikoviy Kompot*, 2016, no. 10, pp. 52–59. (In Russian)
- Loginov E. V. Pragmatizm i neopragmatizm: rekonstrukciya ucheniya Dzh. D'yui u R. Rorti [Pragmatism and neo-pragmatism: R. Rorty's reconstruction of John Dewey's philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 192–201. (In Russian)
- Mackie J. L. *Problems from Locke*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 248 p.
- Melville Y.U. K. *Charlz Pirs i pragmatizm* [Charles Peirce and Pragmatism.]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1968. 500 p. (In Russian)
- Mertsalov A. V. Vse naoborot [All the Way Around]. *Finikoviy Kompot*, 2015, no. 9, pp. 37–42. (In Russian)
- Mill J. S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I-III). In: J.M. Robson (ed.). *The Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. VII. Toronto: University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1974. 757 p.
- Mishura A. S. Indeterministicheskie modeli kausal'nosti v libertarianskih teoriyah svobody voli [Indeterministic model of causation in libertarian accounts of free will]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, vol. 43, no. 1, pp. 215–231. (In Russian)

Ogden C. K., Richards I. S. *The Meaning of Meaning*. New York: A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 387 p.

Ott W. R. *Locke's Philosophy of Language*. New York: Cambridge University Press, 2003. 169 p.

Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 347 p.

Quine W.V.O. *S tochki zreniya logiki* [From a Logical Point of View]. Moscow: Kanon+ Publ., 2010. 272 p. (In Russian)

Russell B. On Denotioing. *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Short T. L. *Peirce's Theory of Signs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Strawson P. Znachenie i istina [Meaning and truth]. In: A.F.Gryaznov (ed.). *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analitical philosophy: formation and development]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. P. 213–230. (In Russian)

Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 315 p.

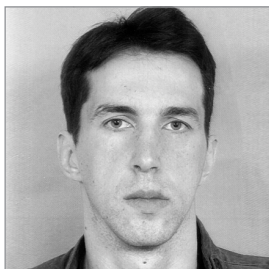
Vasilyev V.V. V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma [In Defense of Classical Compatibilism]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 64–77. (In Russian)

Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen/Philosophical Investigations*. In: G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte (transl.). Oxford: Blackwell, 2009. 592 p.

ИЗМЕРЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО: АПОЛОГИЯ ОДНОЙ АНАЛОГИИ

Рогонян Гаррис Сергеевич – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: rogonyan@gmail.com

В статье рассматриваются аргументы за и против аналогии с измерением, предложенной некоторыми философами в качестве иллюстрации семантической неопределенности. В рамках данной аналогии приписывание значений языковым выражениям сравнивается с приписыванием чисел тем или иным свойствам объектов в соответствии с определенной теорией измерения. Дональд Дэвидсон использовал эту аналогию для того, чтобы распространить тезис У.В.О. Куайна о неопределенности перевода на интерпретацию всего человеческого поведения, т. е. не только на языковые значения, но и на все ментальные состояния как таковые. В статье обосновывается несостоятельность некоторых контраргументов, выдвинутых против использования Дэвидсоном данной аналогии и против тезиса о неопределенности в целом. В частности, приводятся аргументы против инструменталистского понимания данной аналогии, основанного на отождествлении семантической неопределенности с недоопределенностью теорий эмпирическими данными. В статье делается вывод, что семантическая неопределенность во многом основана на неопределенности рациональности.

Ключевые слова: интерпретация, референция, неопределенность значения, недоопределенность, теория измерения

MEASURING THE MENTAL: AN APOLOGY FOR THE ANALOGY

Garris Rogonyan – Ph.D. in Philosophy, associate professor. National Research University Higher School of Economics. 16 Soyuz Pechatnikov St., Saint-Petersburg, 190008, Russian Federation; e-mail: rogonyan@gmail.com

The article considers pros and cons for a theoretic-measurement analogy, proposed by some philosophers as an illustration of semantic indeterminacy. Within this analogy ascribing of meanings to a certain linguistic expressions is compared with attribution of numbers according to a certain theory of measurement. Donald Davidson used this analogy in order to extend W.V.O. Quine's thesis of indeterminacy of translation to the interpretation of all human behavior. In other words, not only linguistic meanings, but all mental states are considered as indeterminate. The article explains the failure of some counter-arguments put forward against Davidson's use of this analogy and against the thesis of indeterminacy on the whole. Particularly, instrumentalist version of the analogy is rejected for there is no direct relation between indeterminacy and underdetermination of theories by empirical evidences. The article concludes that the semantic indeterminacy is largely based on indeterminacy of rationality.

Keywords: interpretation, reference, indeterminacy of meaning, underdetermination, theory of measurement

Семантические объекты

Подход Дональда Дэвидсона к решению проблем, связанных с понятием убеждения, для многих выглядит довольно непривычным. Индивидуация убеждений и их содержания, полагает он, возможна *только* с помощью предложений, а не с помощью неких ментальных объектов или репрезентаций, которые представляли бы перед нашим «внутренним взором» как особым видом восприятия таких объектов или сущностей. Известно, что реляционная семантика обычно настаивает на том, что убеждения индивидуируются с помощью неких внутренних ментальных объектов, которые являются содержанием этих убеждений, и что владелец убеждения находится в особом психологическом контакте с ним. Именно поэтому с его стороны не может быть никакой неопределенности как относительно содержания своего убеждения, так и относительно значения произносимых им слов. Однако если количество убеждений, которые можно кому-то приписать, бесконечно, то должно существовать и бесконечное множество сущностей, с помощью которых это можно сделать [Davidson, 2001b, p. 173]. Но тогда, заключает Дэвидсон, для каждого убеждения должен существовать свой уникальный объект. А поскольку объектов, которые могли бы выполнять эту роль для конкретного убеждения, больше чем один, то непонятно, к какому из них субъект имеет психологическое или эпистемологическое отношение (т. е. какой именно объект он «схватывает», «усматривает», осознает и т. д.). Более того, получается, что каждый такой уникальный объект должен обладать уникальным именем или дескрипцией, все бесконечное многообразие которых субъект просто не в состоянии запомнить [Davidson, 2001b, p. 74].

Дэвидсон полагает, что нам надо отказаться от того, чтобы считать грамматические объекты предложений психологически реальными объектами. Единственный объект, который в данном случае необходим для существования убеждения, это сам индивид. Иметь убеждение значит быть в определенном состоянии, а быть в определенном состоянии не означает, что есть такая *сущность*, которая и есть то состояние, в котором некто находится. Все, что нужно для описания этого состояния, это предикат, который был бы истинным относительно того, кто находится в данном состоянии – для этого мы и используем предикативные предложения. Короче говоря, убеждения – это не некие сущности, и «объекты убеждения» не обязаны быть объектами в буквальном смысле слова. Впрочем, отмечает Дэвидсон, это дело выбора, считать ли, что значения и пропозиции существуют подобно неким объектам. Поскольку даже если они и постулируются в качестве таковых, то только как абстрактные сущности, которым,

для того, чтобы их ввести и использовать, требуется лишь определение. А дальше все зависит от того, полезны они, выполняя ту или иную функцию в объяснении, или нет [Davidson, 2001b, p. 74]. Однако отклонив апелляцию к такого рода объектам, мы можем непосредственно сопоставлять убеждения и предложения. В конечном счете, реляционными, по мнению Дэвидсона, являются вовсе не убеждения в качестве пропозициональных объектов, а предложения, причем, в первую очередь – для интерпретатора, который приписывает кому-то ту или иную пропозициональную установку.

Содержание аналогии

В качестве иллюстрации Дэвидсон предлагает следующую аналогию. Возможно, предложения об убеждениях, не будучи именами или дескрипциями интенциональных объектов, построены так же, как и предложения, приписывающие различные величины при измерении тех или иных свойств объектов (например, вес, размеры, скорость и т. д.). Вес или температура не являются отдельными объектами, которые мы измеряем – они являются свойствами измеряемого объекта. Температура или вес в этом смысле не обладают собственной онтологией. При измерении отдельной вещи мы соотносим не два объекта – «вес вещи» и «2 килограмма», – а саму эту вещь, ее свойство (т. е. ее вес в килограммах) с числом 2. Причем сами эти величины, разумеется, не являются еще одними объектами или частями объектов, поскольку принадлежат не эмпирическому миру, а нам – в качестве инструментов для изучения свойств объектов и отношений между ними [Davidson, 2001b, p. 74]. То же касается и убеждений и других пропозициональных установок – они не являются особыми сущностями или объектами, которые находились бы где-то внутри субъекта как содержания особой сферы. Подобно весу или температуре они являются реальными свойствами субъекта, относительно которых можно утверждать что-то истинное или ложное.

Но для того, чтобы репрезентировать определенное свойство объекта, сущности, которые мы для этого используем, должны иметь определенную структуру. И числа превосходно справляются с этой задачей, причем самыми разными способами. Теории измерения, говорит Дэвидсон, «налагают формальные ограничения на придание числовых значений и потому эмпирически могут быть связаны с наблюдаемыми качественными феноменами» [Дэвидсон, 2003, с. 313]. Следовательно, нам нужны такие сущности, которые позволяли бы воспроизводить структуру именно этих свойств индивидов. А поскольку наиболее отличительной чертой убеждений как пропозицио-

нальных установок является их принципиально рациональная структура и связь с миром, то очевидно, что воспроизводить указанные характеристики убеждений могут только наши предложения, поскольку и они обладают этими характеристиками. Собственно, именно поэтому мы и используем их для индивидуации наших убеждений [Davidson, 2001b, p. 76].

Итак, каждая теория измерения опирается на некие примитивные, строго не определенные, но интуитивно очевидные понятия – такие, например, как «быть таким же тяжелым», «быть менее холодным» и т. д. Теория налагает на эти понятия ограничения в виде аксиом, делая их более строгими и точными за счет установления логических отношений между ними. То же самое происходит и в семантической теории: она «налагает определенную структуру на любой описываемый ею язык; устанавливая условия истинности всех предложений этого языка, она автоматически определяет логические отношения между предложениями» [Davidson, 2001b, p. 131]. Определенные свойства чисел и отношений между ними позволяют нам *отслеживать* интересующие нас свойства измеряемых объектов, а также отношений между ними, выделяя их среди того множества свойств, которым эти объекты обладают (например, когда нас интересует температура, а не вес). Подобным же образом и определенные свойства предложений, а также отношения между ними, позволяют нам отслеживать ментальные свойства окружающих нас людей и отношения между этими свойствами, но опять же – отвлекаясь от всех прочих, например, таких, как вес, температура, рост человека и т. д.

Однако не только убеждения, но и языковые значения допускают аналогию с измерением. Следовательно, подобно тому, как мы используем числа для определения веса объектов, мы используем предложения нашего языка (также заранее интуитивно понятного нам) для того, чтобы установить и проследить семантические свойства и отношения объектного языка: «[ч]то делает числа столь подходящими для их работы, так это то, что мы точно знаем ту структуру, которой они обладают. Подобным же образом и предложения языка, который мы понимаем, имеют известную нам структуру, которую мы используем для понимания других» [Davidson, 2001b, p. 132].

Очевидно, что различные теории измерения используют различные свойства чисел для того, чтобы отслеживать те или иные отношения между измеряемыми объектами [Davidson, 2001b, p. 132]. Например, измерение веса и температуры является транзитивным, т. е. подчиняется правилу «если a больше b и b больше c , то a больше c ». При этом результаты измерения веса являются аддитивными величинами, а температуры – нет. Далее, в рамках одной теории измерения (например, температуры) могут быть использованы разные способы придания числового значения, которые в целом, однако, эквивалентны друг

другу: «Одни и те же факты могут быть представлены совершенно разными присваиваниями чисел» [Дэвидсон, 2003, с. 210]. Например, измерения температуры по шкале Цельсия и по шкале Фаренгейта предполагают линейное преобразование, так же как измерение в килограммах может быть трансформировано в измерения в фунтах¹.

Здесь важно отметить, что наличие эмпирически эквивалентных систем измерения говорит о *неопределенности* измерения – но только в смысле выбора определенного способа измерения, а не онтологической относительности результатов измерения. Само температурное состояние при этом остается тождественным. Неопределенность измерения, в данном случае, параллельна семантической неопределенности перевода и интерпретации, которая подразумевает бесконечное множество альтернативных, но в равной мере истинных способов перевода или интерпретации того или иного предложения. Действительно, переходя от одного способа измерения к другому, мы всегда сосредоточены на определенном инварианте в измерении, который, как отмечает Дэвидсон, и является эмпирически значимым [Davidson, 2001b, p. 215]. Если бы такого инварианта не было, то не было бы и того эмпирического содержания, которое мы могли бы измерить. То же самое можно сказать не только о весе или температуре, но и о значениях слов, которые выступают инвариантом для различных способов перевода и интерпретации: «Значение (интерпретация) некоторого предложения устанавливается посредством назначения предложению семантического местоположения в модели предложений, соответствующих определенному языку. Различные теории истины могут задавать различные истинностные условия одному и тому же предложению <...> тогда как эти теории ... согласны между собой по поводу роли предложений в языке» [Дэвидсон, 2003, с. 313–314]. Иными словами, какие бы способы перевода чужого предложения мы не выбрали, они всегда будут сохранять некую общую информацию (то самое семантическое местоположение в логическом пространстве), которую часто ассоциируют с буквальным значением слов. Именно на нее мы опираемся в своем языке и ориентируемся в чужом [Дэвидсон, 2003, с. 213]. Поэтому «[н]еопределенность значения или перевода не представляет собой неспособность схватывания существенных различий; она отмечает тот факт, что некоторые очевидные различия не являются существенными» [Дэвидсон, 2003, с. 219].

¹ Однако произвольность в выборе шкалы имеет свои ограничения. Выбрав шкалу измерения, мы подчиняемся ее правилам и логике, поскольку каждая шкала представляет собой особое логическое пространство, предназначенное для выполнения определенной работы.

Структура аналогии

Однако для того, чтобы иметь возможность приписывать бесконечное множество самых разных убеждений (и других пропозициональных установок), предложения должны быть устроены определенным образом. В качестве предиката для приписывания убеждений мы используем следующую конструкцию: она должна иметь реляционный глагол (допустим, «думает»), связывающий референцию к индивиду, которому мы приписываем убеждение, с пустой формой, которая может быть заполнена референцией к любому объекту из потенциально бесконечного множества, как, например, в «Галилей думает, что __ __». Только объектом в данном случае выступает предложение содержания. Подобно тому, как предложение, описывающее температуру комнаты, связывает комнату (ее температурное состояние) и определенные числа (как один из способов описания этого состояния), так и предложение, приписывающее человеку убеждение («Галилей думает»), связывает этого человека с другим предложением (допустим, «Земля вертится»), которое воспроизводит структуру его ментального состояния [Дэвидсон, 2003, с. 194–195]. Предложение «Земля вертится» и определенный человек связаны в предложении «Галилей думает, что Земля вертится» так же, как «15 градусов по Цельсию» связано с комнатой в предложении «Температура комнаты – 15 градусов по Цельсию». Тот человек, которому это убеждение кто-то приписывает, может даже не задумываться о нем, и уже тем более о том предложении, с помощью которого это убеждение можно было бы приписать ему. Но как только он скажет «Я тоже так думаю», отношение к этому предложению («Земля вертится») будет установлено и им самим. Суть данного подхода, заключается не столько в той связи, которую устанавливают между тем, кому приписывают убеждение, и предложением, с помощью которого это делают, сколько в том, что объекты (предложения) используемые для индивидуации убеждения, могут быть неизвестны самому этому человеку. Это означает, что использование нами в семантических целях определенных сущностей для приписывания убеждений вовсе не предполагает, что вообще должны быть такие объекты, с которыми тот, кому мы их приписываем, должен находиться в каком-либо психологическом контакте [Davidson, 2001b, p. 59].

Холизм

Наконец, стоит отметить, что семантический холизм и холизм ментального указывают на еще один довод в пользу аналогии с измерением. Дело в том, что как в случае теории измерения, так и в случае

семантической теории их аксиомы должны быть релевантны для всех выбранных объектов и свойств. Если, например, требования транзитивности при измерении веса не соблюдаются, то и вся данная теория в этом случае оказывается нерелевантной – речь идет уже не об измерении веса. Данное обстоятельство говорит о том, что холистической является не только семантическая, но и любая физическая теория: «[в]ся серьезная наука является холистической» [Davidson, 2004, p. 148].

Однако описанная аналогия является только вершиной айсберга. Отношения между значениями и убеждениями говорящего становятся еще сложнее, как только мы добавим к ним третий фактор, который нельзя не учитывать при интерпретации чужого поведения. Речь идет о желаниях и субъективных предпочтениях. Действительно, когда мы приписываем кому-либо то или иное ментальное состояние с помощью определенного предложения, то мы делаем это с определенной *долей* уверенности относительно истинности этого предложения; и с определенной *степенью* предпочтения этого предложения вместо другого. И наоборот, когда мы интерпретируем чью-то речь, необходимо учитывать, почему в этом случае говорящий утверждает одно предложение, а не другое, а также то, до какой степени он уверен в его истинности, желает ее, надеется или боится и т. д. **Тем не менее, в теории принятия решений, говорит Дэвидсон, можно точно установить те свойства чисел, которые подходят для измерения ожидаемой полезности или вероятности** [Дэвидсон, 2003, с. 210]. Тогда как наши суждения в отличие от чисел, говорит Дэвидсон, «перенасыщены» свойствами (*overdesigned*) и поэтому являются более неопределенными. Действительно, если учитывать взаимозависимость мнений, значений и оцениваний, то неопределенность только возрастает. Как указывает Джон Коллинз, суть подхода Дэвидсона заключается в том, что неопределенными будут не только самые лучшие интерпретации намерений агента, но неопределенным будет и то, с какой именно неопределенностью мы имеем дело – с неопределенностью убеждения, желания, значения или всего этого вместе [Collins, 1999, p. 505].

Критика

У аналогии с измерением есть свои критики и сторонники². Среди последних, в частности, есть такие, кто делает довольно радикальный вывод относительно реальности ментальных состояний, рассматривая их с инструменталистской точки зрения [Churchland, 1979, p. 100–

² Более того, Роберт Мэтьюз и Эли Дреснер рассматривают такой подход к приписыванию пропозициональных установок уже не в качестве аналогии, а в качестве полноценной теории [Matthews, 2007; Dresner, 2006].

107; Dennett, 1987, p. 123–124]. Так, Черчленд понимает приписывание ментальных предикатов, равно как и физических величин длины, веса, скорости и т. п., по аналогии с наречиями. Поскольку последние отвечают на вопрос «как?», а не «что?», то тем самым решается и проблема онтологии подобных предикатов – это не более, чем диспозициональные понятия [Davidson, 2001b, p. 60]. Однако Дэвидсон в связи с этим отмечает, что аналогия с измерением и числами имеет то преимущество, что использование таких абстрактных объектов, как предложения для приписывания пропозициональных установок никоим образом не дискредитирует реальность этих установок в качестве ментальных состояний. Подобно тому, как одно и то же убеждение можно описывать с помощью разных предложений, так и вес можно измерять в фунтах или килограммах, а температуру по шкале Цельсия или Фаренгейта, не ставя при этом под сомнение реальность этих свойств. То, что одну и ту же мысль можно приписывать с помощью самых разных предложений, причем не обязательно синонимичных, говорит всего лишь об избыточности нашего языка, т. е. имеющихся у нас средств для приписывания установок, а не о нереальности пропозициональных установок.

С другой стороны, такие философы, как Джон Серль и Джерри Фодор, также видят в холизме и тезисе о неопределенности угрозу реальности ментальных состояний и значений [Searle, 1987; Fodor, 1987]. Однако в отличие от инструменталистов они рассматривают эту угрозу как *reductio ad absurdum* данного подхода. Они считают, что невозможно, чтобы две разные интерпретации соответствовали одной и той же мысли какого-либо человека: если мы используем разные сущности для «схватывания» мысли, то и мысли (ментальные состояния) должны быть разными [Davidson, 2001b, p. 65]. Похожее возражение выдвигает и Тим Крейн. В частности, он пишет: «Например, я могу быть связан с пропозицией *Здесь нет пива* отношением мнения и с *У меня есть немного пива* отношением желания. Но разумеется эти мнение и желание являются разными состояниями, тогда как очевидно, что ‘2.2 фунта’ и ‘1 килограмм’ – это два разных способа указать на *одно и то же* свойство мешка с сахаром – его вес» [Crane, 1990, p. 228]. Крейн, однако, игнорирует то, что в его примере речь идет не только о двух разных описаниях, но и о двух разных состояниях, тогда как в аналогии с измерением речь идет только об одном состоянии. Правда, он далее уточняет, что речь у него идет о пропозициях, а не о предложениях, поскольку пропозиции влияют на то, с какими убеждениями мы имеем дело, тогда как предложения естественного языка – нет (числа также не влияют на то, с каким весом или температурой мы имеем дело – они только отмечают их) [Crane, 1990, p. 229]. **Отношения к числам и предложениям – это псевдо-отношения, реальные отношения возможны только с пропозициями.**

В качестве примера Крейн предлагает состояние *быть сыном*. Такое состояние необходимо предполагает определенного отца, который при этом, разумеется, не может быть произвольно выбранной единицей по отношению к данному состоянию. Таким же образом и пропозиция, подобно отцу, делает убеждение (или любое другое состояние) тем, что оно есть. Крейн, однако, не учитывает, что в аналогии с измерением важны не какие-то «реальные отношения» с пропозициями, а именно произвольные описания. В данном случае это были бы (помимо «сына») «первенец», «брат», «внук», «племянник», «наследник» и т. д., которые, будучи синонимичными, давали бы в определенной ситуации эквивалентные описания чьего-либо положения в той или иной системе родства.

Другое известное возражение тесно связано по своему содержанию с предыдущим, но носит более общий характер. Так, Кирк Людвиг и Эрнест Лепор утверждают, что аналогия Дэвидсона не состоятельна по той причине, что в отличие от измерения температуры «утверждения о значении... которые с точки зрения радикального интерпретатора в равной мере подтверждаются, не могут все вместе быть истинными» [LePore, Ludwig, 2005, p. 245]. Этот вывод они делают на основании более общего заявления относительно несостоятельности тезиса о семантической неопределенности и связанного с ней метода радикальной интерпретации. Здесь важно понимать, что подобно другим авторам, выступающим как против, так и в защиту тезиса о неопределенности, они практически отождествляют его с недоопределенностью теорий с эмпирическими данными. Семантическая неопределенность понимается ими как *результат* недоопределенности выбора в пользу той или иной теории на основании всех доступных радикальному интерпретатору свидетельств [LePore, Ludwig, 2005, p. 223]. Иными словами, выбор интерпретатора между имеющимися в его распоряжении теориями является неопределенным не потому, что они все в равной степени хороши, а потому, что они все в равной мере *ущербны* – ущербны потому, что нет окончательного свидетельства в пользу одной из них. Недоопределенность понимается ими как недоподтвержденность. Ущербность в этом смысле означает, что ни одна из них не дотягивает до статуса одной *единственной* истинной теории – все имеющиеся свидетельства в равной мере говорят в пользу любой из них. (В тех случаях, когда это не так, наш выбор определен тем, в пользу какой из них имеется больше свидетельств.) Именно эта неявная предпосылка – истинная теория может быть только одна – и делает альтернативные теории конкурирующими между собой и интуитивно *несовместимыми*. А это означает, в свою очередь, что данные теории несовместимы между собой как истина и ложь. Неопределенность в выборе между

двумя альтернативными теориями является результатом отсутствия окончательного знания о том, какая из них истинная, а какая ложная [LePore, Ludwig, 2005, p. 221–227]³.

Всего этого, в принципе, уже достаточно, чтобы сказать, что все усилия авторов обосновать свои возражения Дэвидсону относительно тезиса о неопределенности и аналогии с измерением сводятся на нет их же собственной невнимательностью. Но об этом чуть ниже. Однако авторы формулируют и отдельное возражение против аналогии с измерением. Так, они заявляют, что структура, которую мы используем для измерения и репрезентации определенных свойств какого-либо феномена, богаче самого этого феномена [LePore, Ludwig, 2005, p. 245]⁴. В таком случае отношения между предложениями радикального интерпретатора (метаязык) будут богаче и сложнее отношений между предложениями того, кого он интерпретирует (объектный язык). Это объясняет множество равновероятных интерпретаций какого-либо предложения из объектного языка и неопределенность в их выборе, несмотря на то, что все они «строго несовместимы» между собой [LePore, Ludwig, 2005, p. 246]. Авторы настаивают на том, что это единственно правильное понимание аналогии. По их мнению, именно эта асимметрия между метаязыком и объектным языком, а также строгая несовместимость имеющихся в нашем распоряжении теорий подрывают саму возможность радикальной интерпретации. Для того, чтобы выбрать в своем языке интерпретацию для объектного языка, радикальному интерпретатору необходимо сам метаязык сделать (вторым) объектным языком, относительно интерпретации которого он также должен будет сформулировать корректную тео-

³ Похожую ошибку совершает и Пирс Роулинг, сближая неопределенность и недоопределенность. Правда, он полагает, что реальности ментальных состояний угрожает их якобы полная зависимость от свидетельств наблюдаемого поведения. А недоопределенность этими свидетельствами, наоборот, говорит о том, что ментальные состояния *трансцендентны* по отношению к ним и, в этом смысле, реальны. Поэтому неопределенность следует понимать как «просто недоопределенность» [Rawling, 2001, p. 249–252]. Более того, Роулинг делает то, от чего Дэвидсон как раз предостерегал. Он полагает, что убеждения – это инвариантные *объекты*, которым мы приписываем числа в виде наших предложений. А поскольку предложения могут быть разные, то варьируются и содержания наших интерпретаций, которые мы приписываем этим объектам-убеждениям [Rawling, 2013, p. 256–258]. В результате инвариантности объектов-убеждений угрожает вариативность приписываемых содержаний. Решение проблемы ему видится в независимости первых от наблюдаемого поведения, на основе которого мы их по-разному и интерпретируем. Так неопределенность альтернатив становится недоопределенностью трансцендентного инварианта.

⁴ В частности, они ссылаются на самого Дэвидсона: «Зная о богатстве структуры, репрезентируемой множеством наших предложений, и зная о природе связей между членами этого множества и миром, нас не должно удивлять, что есть много способов приписывать наши собственные предложения предложениям и мыслям кого-то еще, чтобы схватить в них то, что нас интересует» [Davidson, 2001b, p. 214].

рию. Однако он будет не в состоянии это сделать, поскольку опять же столкнется со множеством равновероятных, но несовместимых альтернатив [LePore, Ludwig, 2005, p. 247].

Здесь стоит сразу отметить, что Дэвидсон, кажется, нигде не говорит, что язык и система убеждений того, кого интерпретируют, *беднее* языка и системы убеждений радикального интерпретатора. Кроме того, не совсем понятно, почему концептуальное богатство языка радикального интерпретатора сопоставляется авторами со всем языком интерпретируемого, а не с одним из его убеждений или с тем, что тот имел в виду в определенный момент. Только в последнем случае замечание Дэвидсона о богатстве языка имеет смысл – как относительно приписывания кому-либо бесконечного множества убеждений и значений, так и относительно бесконечного множества способов приписать кому-либо одно и то же убеждение или значение. Более того, все то же самое можно сказать и об объектном языке: сам интерпретируемый имеет все те же возможности и ресурсы в приписывании самому себе тех или иных значений и убеждений. В конечном счете, температура не является языком и не обладает им, чтобы такое сравнение «богатый\бедный» было адекватным – температуру надо сравнивать с ментальными состояниями, а не с языком. С другой стороны, если уж и принимать эту аналогию с богатством репрезентативных ресурсов всерьез, то опять же нет ничего удивительного в том, что у предложений, как и у чисел, есть много свойств, которые не применяются для отслеживания чужих ментальных состояний – у них есть масса других задач. Однако это не значит, что ментальных состояний меньше, чем предложений, или что отношения между ними проще и беднее. Наконец, если все-таки обратиться к ситуации, в которой один язык концептуально и по своей структуре богаче, чем другой, то и в этом случае мы будем иметь дело с чем-то похожим на ситуацию, в которой взрослый пытается понять ребенка. И если выразительные возможности последнего беднее, чем у первого, то это еще не является непреодолимым препятствием для взрослого в том, чтобы понять ребенка. А с другой стороны, если чьи-то теории и недоопределены в процессе радикальной интерпретации окружающих, так это именно теории ребенка; причем недоопределены, если угодно, по определению. Однако опять же такая недоопределенность никоим образом не препятствует семантическому обогащению его языка в ходе его интеллектуального развития.

Разумеется, последние замечания только косвенно говорят в пользу тезиса о неопределенности и аналогии с измерением. Однако у Дэвидсона есть ответ на возражения критиков, который звучит четко и недвусмысленно: «...достоинство этой аналогии заключается в том, что она делает понятным, почему Куайн был прав, когда настаивал ...на том, что неопределенность перевода отличается от недоопреде-

ленности теорий всеми возможными свидетельствами... эмпирически эквивалентные теории, которые она допускает как в равной мере приемлемые для понимания агента, не являются несовместимыми – по крайней мере, не более, чем измерение веса в фунтах или килограммах предполагает несовместимые теории веса» [Davidson, 2001b, p. 75–76]. Но как именно Дэвидсон разводит семантическую неопределенность и недоопределенность эмпирическими свидетельствами?

Две неопределенности

Дэвидсон вслед за Куайном признает, что есть как минимум два вида неопределенности, связанной с языком. С одной стороны, это неопределенность референции, а с другой – неопределенность истины как результат стирания границы между синтетическим и аналитическим. До сих пор речь шла только о первом виде неопределенности, который Дэвидсон формулирует следующим образом: «Нельзя сказать, какой способ сопоставления слов и вещей является правильным; если один хорош, то и бесконечное число других также хороши. С технической точки зрения это означает, что для стандартного отношения выполнимости (выполнимость – это уточненная форма референции) мы можем бесконечно долго подставлять другие отношения, не затрагивая при этом условий истинности какого-либо предложения или логические отношения между предложениями» [Davidson, 2001b, p. 78]. Главное условие здесь заключается в том, чтобы при любом корректном отношении выполнимости сохранялись все различия в референции имен и в экстенционалах предикатов. В случае с температурой это достаточно очевидно, но, например, с именами собственными уже не настолько. Особенно если учесть, что Куайна и Дэвидсона интересовал расширенный вариант неопределенности референции, применимый не только к синонимичным, но и к несинонимичным выражениям, которые «тем не менее, могут быть использованы для указания на одну и ту же мысль» [Davidson, 2001b, p. 77].

Дэвидсон, по собственному признанию, следует здесь за Тарским и его теоремой об однозначности. Ее суть заключается в том, что «если есть такие два способа определения истины для данного языка, которые удовлетворяют его ограничениям, то они эквивалентны» [Davidson, 2001a, p. 298]. И если понятие выполнимости расширить настолько, чтобы применить его к единичным терминам и именам (с тем, чтобы приписывать им сущности, которые они именуют), то мы получим даже не две, а бесконечное количество функций замещения, «которые проецируют определенным образом каждую сущность некой онтологии на другую сущность той же самой онтологии... Используйте любую из этих функций для того, чтобы переопределить

выполнимость. В результате условия истинности каждого предложения, все логические отношения с другими предложениями и отношения каждого предложения с миром останутся прежними. Не существует теоретических или эмпирических причин для того, чтобы выбрать ту или иную из этих интерпретативных схем, и никакого способа определить, какой из 'языков' различные схемы приписывают говорящему, поскольку нет никакой разницы в том, что мы приписываем» [Davidson, 2001a, p. 300]. Так, например, если в соответствии с одной схемой референции «Уилт» указывает на Уилта, а в соответствии с другой – на тень Уилта (при условии, что каждая вещь имеет одну и только одну тень), то в соответствии с первой схемой предикат «быть высоким» относится только к высоким вещам, а в соответствии со второй – только к теням вещей: «Истинностные условия здесь отчетливо эквивалентны. Если мы не делаем упор на изложение фактов, мы можем сказать, что один и тот же факт способствует истинности предложения ('Уилт высокий') в обоих случаях» [Дэвидсон, 2003, с. 319]. Первой интуитивной реакцией на это будет «Но Уилт и тень Уилта – это не одно и то же! 'Уилт', как правило, указывает именно на Уилта, а не на его тень, и 'быть высоким' относится, прежде всего, к вещам, а не к их теням». На что Дэвидсон отвечает, что отдельные слова обладают не значением, а определенной *ролью* в задании условий истинности тех предложений, в которые они входят [Davidson, 2001b, p. 79]. И эта роль должна быть систематической: если в одной схеме референции слово последовательно интерпретируется так, а в другой – иначе, но также последовательно, то в силу наличия такой последовательности и согласованности двух методов интерпретации они поддаются взаимному переводу и согласованию – подобно тому, как это происходит с температурой. Именно поэтому они, кстати, и не синонимичны, ведь от одной схемы референции к другой изменяется референция термина и экстенционал предиката. Однако условия истинности в обоих случаях эквивалентны, поскольку в каждом из них речь идет об одном и том же факте, т. е. они кореферентны. При этом об одном и том же факте можно говорить по-разному и с разных точек зрения.

Иными словами, нет одной единственной референции к данному факту с помощью определенного языкового выражения – референция к нему не закреплена за определенными словами. Это значит, в свою очередь, что относительно одного и того же факта у агента имеется множество разных и взаимосвязанных убеждений, и он может начинать с любого из них. Например, у него может быть мнение, что Уилт высокий, а также мнение, что все все высокие объекты имеют длинную тень. Но когда этот человек, интерпретируя другого, понимает, что «Уилт высокий» в его устах относится к длинной тени Уилта, то для него здесь ничего существенно не меняется по той простой

причине, что как от длинной тени Уилта можно заключить, что Уилт высокий, так и от того, что Уилт высокий, можно заключить, что у него должна быть длинная тень. Начинать можно с любого из двух (или более) убеждений относительно одного и того же факта, если при этом сохраняется эквивалентность их условий истинности. В каком-то смысле, это напоминает улыбку Чеширского Кота, общаясь с которой можно считать, что мы общаемся с самим Чеширским Котом. Иными словами, такая неопределенность свидетельствует о неограниченной *метонимичности* референции. Следовательно, одним из способов выразить различие схем референции и, соответственно, методов интерпретации, может быть, как советует Дэвидсон, написание «Уилт» с подстрочными индексами [Дэвидсон, 2003, с. 329]. В результате все, что агент может узнать нового, сводится к тому, что «Уилт» и «тень Уилта» («высокий» и «длинный») не взаимозаменяемы в его языке [Davidson, 2001b, p. 80].

В целом, описанную неопределенность можно считать тривиальной. Однако куда менее тривиальным является второй вид неопределенности. В этом случае речь идет уже о неопределенности истины целого предложения (или, если угодно, о неопределенности интерпретации в рамках конкретной теории истины). Иногда, а может быть довольно часто, наши попытки понять других сопровождаются такими неопределенностями, которые не предполагают возможности непосредственного взаимного перевода на основе сопоставления разных словарей и схем референции. Это может проявляться в наших *систематических* разногласиях с другими относительно употребления тех или иных слов. В этом случае последовательное изменение условий выполнимости уже может оказывать влияние на условия истинности предложений и бесконечное множество дальнейших интерпретаций. Если я *последовательно* называю зеленым то, что другие называют синим, то возможно, что кто-то из нас ошибается относительно названия цвета (т. е. имеет ложное убеждение); либо мы просто по-разному используем названия для этих цветов, хотя убеждения по поводу самого цвета совпадают и никто из нас не ошибается. Оба случая вполне тривиальны, и каждый по отдельности допускает возможность установить истину. В первом случае кто-то из нас неправ, во втором – никто не ошибается, надо только договориться о словах и согласовать их употребление. Однако взятые вместе эти случаи создают нетривиальную ситуацию, поскольку у меня может не быть возможности установить, какой из двух тривиальных случаев имеет место: я могу быть либо прав в своем выборе интерпретации, либо неправ. Но это значит, что мое высказывание «Это – зеленое» может быть как истинным, так и ложным, и я не могу понять, в чем именно я не совпадаю с другими – в словах или в убеждениях. Такая неопределенность, по мнению Куайна и Дэвидсона, является результатом отсутствия четкой

границы между синтетическим (первый тривиальный случай) и аналитическим (второй тривиальный случай) [Davidson, 2001b, p. 80]⁵. Судя по всему, именно этот вид неопределенности и подталкивает многих (в том числе Куайна) к сближению ее с недоопределенностью. Тем не менее, чтобы разрешить эту ситуацию, нам, полагает Дэвидсон, просто требуются дополнительные согласования (compensatory adjustments) в общей схеме интерпретации предложений и убеждений. В этом он отличается от Куайна, поскольку считает, что можно уменьшить такую неопределенность за счет расширенного применения «принципа доверия».

Языки

Действительно, в описанной выше ситуации, когда мы решаем в пользу той или иной интерпретации слов говорящего, мы уже выбрали определенную схему интерпретации его языка *в целом*. И наоборот, «если дана некоторая схема интерпретации или перевода, то мы уже решили какие слова мы можем использовать в нашем собственном языке ради интерпретации слов носителя языка» [Дэвидсон, 2003, с. 331]. Иными словами, выход из сложившейся ситуации (когда в рамках одной теории интерпретации некое предложение является истинным, а в рамках другой – ложным) заключается в том, что существует не один общий язык, которому принадлежит данное предложение, а два или более (т. е. в зависимости от того, сколько схем интерпретации данного предложения в принципе возможно). Тогда наши попытки понять другого начинаются, прежде всего, с попыток понять, на каком языке он говорит: «[в]опрос о том, на каком языке говорит некий человек, не является полностью эмпирическим; свидетельства предоставляют нам возможность выбора между языками – даже до такой степени, чтобы задавать конфликтующие между собой истинностные условия одному и тому же предложению» [Дэвидсон, 2003, с. 333]. Если отождествить каждую схему интерпретации с отдельным языком, то неопределенность интерпретации другого станет неопределенностью уже в отношении того языка, на котором он говорит. При этом он может говорить то на одном, то на другом языке, меняя общую схему референции и интерпретации: «Нет ничего странного в том, что мы можем считать, что один и тот же человек говорит на разных языках» [Дэвидсон, 2003, с. 332]. Это как если бы один и тот же человек иногда сообщал о температуре то в соответствии с одной, то в соответствии с другой шкалой измерения, и нам оставалось бы только понять, в соответствии с какой из них.

⁵ Аналитическим, в данном случае, является знание о значении слова, а синтетическим – знание о его употреблении.

Однако для того, чтобы понять на каком языке кто-то говорит, мы должны прибегнуть к упомянутым дополнительным согласованиям в отношении других приписываемых установок, т. е. не только в отношении значений: «...Эмпирические теории языка той или иной личности не существуют в изоляции: каждая такая теория служит частью более общей теории, включающей некоторую теорию его мнений, желаний и, возможно, чего-то еще. Если мы изменяем нашу интерпретацию слов некоего человека, то, если даны одни и те же совокупные свидетельства, мы должны изменить приписываемые нами ему мнения и желания» [Дэвидсон, 2003, с. 331–332]. Подбирая объекты к словам говорящего, радикальный интерпретатор одновременно подбирает и язык к его высказываниям. Однако стоит помнить, что в результате выбора языка «в других частях общей теории личности произойдет сдвиг» [Дэвидсон, 2003, с. 332]. **Иными словами, радикальный интерпретатор должен учитывать, что если языки различаются, то и вся система убеждений говорящего может иначе соотноситься с теми предложениями, которые фигурируют в двух разных языках. Именно поэтому некоторые из этих предложений в определенной ситуации для одного языка будут истинными, а для другого – ложными.** Дэвидсон называет такой ход разумным способом релятивизировать истину и референцию (точнее, объяснить факт такой относительности в нашей коммуникации с другими). И разумный он именно потому, что не ведет к онтологической относительности. Действительно, какой бы язык интерпретатор не приписал говорящему, неопределенность интерпретации означает, что с равным успехом он мог бы приписать ему и другой. Но не какой угодно, а только тот, который приблизительно с таким же успехом схватывает определенный инвариант в структуре значений и убеждений.

Очевидно, что именно допущение такого общего инварианта в структуре убеждений позволяет подбирать на его основе язык для говорящего. А это, в свою очередь, позволяет понимать значение его слов не только методом проб и ошибок [Дэвидсон, 2003, с. 334]. С другой стороны, мы не можем знать абсолютно все о желаниях, мнениях и намерениях говорящего. Это значит, что часто для того, чтобы понять его, нам необходимо допустить аналогичный инвариант в структуре его значений. В конечном счете, конкретная ситуация, поведение говорящего и прочие свидетельства не позволяют нам точно определить какой вклад в его понимание вносят мысль, желание, действие и значение по отдельности. Поэтому, заключает Дэвидсон, мы должны строить всеобъемлющие теории, многие из которых будут одинаково успешными [Дэвидсон, 2003, с. 334]. Именно такой холизм мнения, значения, желания и прочих установок и делает референцию непостижимой. Но непостижима она не в смысле эпистемологического скептицизма или агностицизма, а в том смысле, что, как постоянно

подчеркивали Куайн и Дэвидсон, «здесь нечего постигать»: не существует одной единственной референции, которая и была бы предметом нашего постижения – таких референций бесконечное множество.

Карта

Итак, в рамках аналогии с измерением интерпретация отдельного предложения подразумевает назначение ему уникального местоположения в структуре определенного языка. Причем это происходит независимо от того, какие условия истинности задают этому предложению различные теории истины, которые, однако, «согласны между собой по поводу роли предложений в языке» [Дэвидсон, 2003, с. 313–314]. Теперь же оказывается, что такое измерение ментального предполагает одновременно и вычисление того языка, на котором говорит другой человек. Если продолжить аналогию с измерением, то такое вычисление языка будет походить уже на составление *карты* рациональности говорящего. Логическое пространство, в рамках которого мы делаем предварительные наброски некоего языка, предоставляет нам своего рода шкалу рациональности, по которой мы измеряем поведение окружающих. Действительно, выбирая язык для измерения поведения окружающих, мы уже решили вопрос о том, чье именно поведение собираемся измерять – людей или животных. Измерение ментального тогда – неважно, идет ли речь о значении или убеждении говорящего – можно представить как часть общего процесса составления такой карты рациональности. И если инвариант логического пространства воспроизводится любым языком, который мы могли бы приписать говорящему, то это означает, что неопределенной теперь становится сама рациональность – возможны самые разные ее версии, которые, однако, в целом не противоречат друг другу.

Наконец, подобно тому, как неопределенность значения делает излишним представление о психологических объектах пропозициональных установок, неопределенность рациональности делает излишним представление о некоем *внутреннем пространстве* человека, в котором и находились бы эти объекты в качестве ментальных сущностей. Ведь если мы из семантических соображений отказались от категории объекта применительно к значению и убеждению, то для такого пространства просто не остается места – ему больше *ничего* репрезентировать. Карта, разумеется, это репрезентация. Однако она в данном случае однородна с тем логическим пространством, которое репрезентирует. Такая карта не предполагает никакой глубины субъективно внутреннего, а одна ее часть ничего не репрезентирует другой ее части. Ментальные состояния при этом никуда не исчезают, оставаясь в качестве тех возможных точек на карте, через которые на-

ша интерпретация прокладывает свой маршрут. Поэтому аналогия с картой – это, в каком-то смысле, просто еще один способ избежать редуционизма ментального как обязательной платы за отказ посещать «картезианский театр» или «музей ментальных сущностей».

Список литературы

- Дэвидсон, 2003 – *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. 448 с.
- Churchland, 1979 – *Churchland P.* Scientific Realism and the Plasticity of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 157 p.
- Collins, 1999 – *Collins J.D.* Indeterminacy and Intention // The Philosophy of Donald Davidson (The Library of Living Philosophers. Vol. XXVII) / Ed. by E.L. Hahn. Chicago (IL): Open Court, 1999. P. 501–528.
- Crane, 1990 – *Crane T.* An alleged analogy between numbers and propositions // *Analysis*. 1990. Vol. 4. No. 50. P. 224–230.
- Davidson, 2001a – *Davidson D.* Comments on Karlovy Vary Papers // *Interpreting Davidson* / Ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001. P. 285–307.
- Davidson, 2004 – *Davidson D.* Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 p.
- Davidson, 2001b – *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. 237 p.
- Dennett, 1987 – *Dennett D.* The Intentional Stance. Cambridge (Mas.): MIT Press, 1987. 388 p.
- Dresner, 2006 – *Dresner E.* A Measurement Theoretic Account of Propositions // *Synthese*. 2006. Vol. 1. No. 153. P. 1–22.
- Fodor, 1987 – *Fodor J.* Psychosemantics. Cambridge (Mas.): MIT Press, 1987. 171 p.
- LePore, Ludwig, 2005 – *LePore E., Ludwig L.* Donald Davidson. Meaning, Truth, Language, and Reality. Oxford: Oxford University Press, 2005. 446 p.
- Matthews, 2007 – *Matthews R.* The Measure of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2007. 267 p.
- Rawling, 2001 – *Rawling P.* Davidson's Measurement Theoretic Reduction of the Mind // *Interpreting Davidson* / Ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001. P. 237–255.
- Rawling, 2013 – *Rawling P.* Davidson's Measurement-Theoretic Analogy // *A Companion to Donald Davidson* / Ed. by E. LePore, L. Ludwig. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 247–263.
- Searle, 1987 – *Searle J.* Indeterminacy, Empiricism, and the First Person // *Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 3. No. 84. P. 123–146.

References

- Davidson D. *Istina i interpretatsiya* [Inquires into Truth and Interpretation]. Moscow: Praxis, 2003. 448 p. (In Russian)
- Churchland P. *Scientific Realism and the Plasticity of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 157 p.
- Collins J. D. Indeterminacy and Intention. In: Hahn E.L. (ed.). *The Philosophy of Donald Davidson* (The Library of Living Philosophers Volume XXVII). Chicago, IL: Open Court, 1999, pp. 501–528.
- Crane T. An alleged analogy between numbers and propositions. *Analysis*, 1990, vol. 4, no. 50, pp. 224–230.
- Davidson D. Comments on Karlovy Vary Papers. In: P. Kotatko, P. Pagin and G. Segal (eds.). *Interpreting Davidson*. Stanford: CSLI, 2001, pp. 285–307.
- Davidson D. *Problems of Rationality*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 p.
- Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 237 p.
- Dennett D. *The Intentional Stance*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. 388 p.
- Dresner E. A Measurement Theoretic Account of Propositions. *Synthese*, 2006, vol. 1, no. 153, pp. 1–22.
- Fodor J. *Psychosemantics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. 171 p.
- LePore E., Ludwig L. *Donald Davidson. Meaning, Truth, Language, and Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 446 p.
- Matthews R. *The Measure of Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 267 p.
- Rawling P. Davidson's Measurement Theoretic Reduction of the Mind. In: P. Kotatko, P. Pagin and G. Segal. *Interpreting Davidson*. Stanford: CSLI, 2001, pp. 237–255.
- Rawling P. Davidson's Measurement-Theoretic Analogy. In: E. LePore, L. Ludwig (eds.). *A Companion to Donald Davidson*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013, pp. 247–263.
- Searle J. Indeterminacy, Empiricism, and the First Person. *Journal of Philosophy*, 1987, vol. 3, no. 84, pp. 123–146.

“SOCIAL ENGINEERING OF THE FUTURE”: EVGENIY POLIVANOV ON THE PRINCIPLES OF EARLY SOVIET LANGUAGE BUILDING

Блинов Евгений Николаевич – доктор философии, ассоциированный исследователь. Университет Тулуза – Жан Жорес. 5, allées Antonio-Machado, 31058, Cedex 9, Тулуза, Франция; e-mail: moderator1979@hotmail.com

The article analyzes the project of scientific justification of language Reforms, realized by the Soviet regime in 20s and 30s, elaborated by Russian and Soviet linguist Evgenij Polivanov (1891-1938). Polivanov claims that a Soviet linguist should not limit his interests to the “general linguistics” and become an active “language builder” and “language politician”. The reforms should be carefully planned by the experts in language sciences who master as well the methodology of dialectical materialism. In the polemics against Nikolai Marr’s Japhetidology Polivanov argued that linguistics is a strict science and its deductions are not contradictory to Marxism, as the latter is primarily a materialist philosophy. His minimal program consisted in explaining his views on the evolution of language in the Marxist terms. The evolution of language is explained by the influence of internal and external factors. The socio-economical factors are not influencing the language in a direct manner, but their analysis allows to change the channel of language evolution. According to Polivanov, the introduction of Marxism into linguistics will make possible to explain the relationship between intralinguistic and extralinguistic factors and will transform the sciences of language into “social engineering of the future”.

Keywords: Evgeniy Polivanov, language policy, marxism in linguistics, Soviet language building, japhetidology

«СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ БУДУЩЕГО»: ЕВГЕНИЙ ПОЛИВАНОВ О ПРИНЦИПАХ РАННЕСОВЕТСКОГО ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Evgeny Blinov – PhD in Philosophy, associated researcher. Université Toulouse – Jean Jaurès. 5, allées Antonio-Machado, 31058, Toulouse, Cedex 9, France; e-mail: moderator1979@hotmail.com

В статье анализируется разработанный русским и советским лингвистом Евгением Поливановым проект научного обоснования языковых реформ, проведенных после установления советской власти в двадцатые и тридцатые годы. Поливанов утверждал, что советский лингвист не должен ограничивать свои интересы проблемами общего языкознания и стать активным «языковым строителем» и «языковым политиком». Реформы должны быть тщательно подготовлены компетентными лингвистами, освоившими методологию диалектического материализма. Полемизируя с яфетидологией Николая Марра, Поливанов доказывал, что лингвистика является строгой наукой и ее выводы не могут противоречить марксизму, так как марксизм это в первую очередь материалистическая философия. Его программа-минимум состояла в том, чтобы объяснить эволюцию языка в марксистских терминах. Эволюция языка объясняется влиянием внутренних и внешних факторов. Социо-экономические факторы не влияют на язык непосредственно, но их анализ позволяет изменить ход язы-

ковой эволюции. Согласно Поливанову, применение марксистских методов в лингвистике позволит объяснить соотношение интра- и экстралингвистических факторов и сделает науки о языке разновидностью «социальной инженерии будущего».

Ключевые слова: Евгений Поливанов, языковая политика, марксизм в лингвистике, советское языковое планирование, яфетидология

Linguistic Builders of Communism: How is Policy of Language Possible?

The grammarian-philosophers of the eighteenth century believed that language was a human invention, and, to borrow Rousseau's words, a "primary social institution" [Rousseau, 1995, p. 375]. Just like any other social institution, it could be consciously changed, and the mission of patriotic grammarians was to create a language that would be worthy of republican institutions¹. However, the development of language sciences in the nineteenth century followed a different path; studies of the regularities of grammar (and later of sound change) brought it closer to the natural sciences in questioning the very possibility of human influence on language. As Evgenij Polivanov stated in 1928, the actual consensus was based on the convention that language is simultaneously a "physical, psychic and social phenomenon" [Polivanov, 1974, p. 174] although in the first revolutionary decade one could ascertain "the transfer of the center of gravity to the sociological side of the study of language" [Polivanov, 1974, p. 58].

Polivanov, often considered one of the greatest Russian linguists of the twentieth century, was (in contrast to many of his colleagues) by no means a route companion of the Bolshevik Revolution². He personified the language building movement of the 1920s and 1930s in the same manner that Henri Gregoire personified the radical language policy of the French Jacobins, according to the estimation of Ferdinand Brunot³. Gregoire, who held the title of abbot under the old regime, was part of a progressive clergy that became an important actor during the revolution. He's primarily known for his famous "Gregoire questionnaire," which can be considered the first attempt at a sociologic study of the functions of language. He's also known for his famous invective against *patois* or local languages, pronounced in 1794 in the National Assembly where he insisted upon the "annihilation" of patois *ad majorem gloriam* of the Republic and its national idiom, one and indivisible⁴.

¹ See the classical work of Jacques Guilhaumou [Guilhaumou, 1989].

² For the history of the reception of Polivanov's work, see [Alpatov, 2003].

³ See [Brunot, 1967, p.13].

⁴ About Henri Gregoire and the revolutionary policy of language, see: [De Certeau et al., 2002; Bell, 2001; Blinov, 2013, 2015].

The Russian Revolution under Bolshevik leadership took a completely different stance: it pretended to create a multi-national state. Polivanov had two absolutely indispensable qualities appreciated by the new regime: honest devotion to Soviet power and outstanding knowledge of oriental languages⁵. A child of modest and impoverished nobility, Polivanov studied at Petersburg University under professors I. Baudouin de Courtenay and L. Scherba, the latter of whom referred to him as “my genial student” [Leontiev, 1983, p. 8]. His teachers at Petersburg University gave direction to his research in theoretical linguistics and focused him on phonology, language evolution, and the sociology of language. Polivanov’s first published articles dealt with questions of Japanese accentology; he travelled to Japan three times between 1914 and 1916 to collect material on the phonology of various Japanese dialects, becoming a pioneer in this domain⁶. In 1917, he presented his own system of transcription of Japanese words in Russian, that is known as the “Polivanov system” and is still in use today despite some criticism [Polivanov, 1974, p. 245–265]. By 1919, he was the editor of the first paper for the Red Chinese workers of Petrograd and, according to some sources, a commissar. From 1921, the year of his first mission to Tashkent (this time as a Comintern agent, as was discovered later) until the end of his life, he was an active language builder as well as an advocate and important theorist and practitioner of language reforms, especially for the Turkish languages (Uzbek and Kirghiz)⁷. As he proclaimed in the already quoted manifesto, “Specific Features of the Last Decade 1917–1927 in the History of Our Linguistic Thought” (1928) under the Soviets “linguists have been given not only the opportunity but also the obligation to participate in the construction of national language cultures” [Polivanov, 1974, p. 59].

As we shall see, this obligation didn’t signify to Polivanov that he was required to compromise his scientific interests or lower his professional standards. The theoretical topic that interested him the most was the evolution of language, and he was one of the first world-class linguists to attempt to fuse the already well-advanced theory of language evolution with Marxist premises. His interest was anything but trivial at the time; the social study of language had just begun, and the task of combining already

⁵ The number of languages he mastered is still a matter of debate: according to his biographer it was “at least 35 languages” [Lartsev, 1988, p. 12]. During his lifetime he published articles on various aspects of different “oriental” languages, including Japanese, Ainu, Chinese, Korean, Turkish, Tatar, Uzbek, Kazakh, Kirgiz, Dungan [Leontiev, 1983, p. 14–16].

⁶ According to Vladimir Alpatov, who analyzed his works on Japanology, he is the only Russian linguist to be recognized in Japan, where references to western scholars of Japanese are very rare [Alpatov 2003, p. 216–218]. His known works on Japanese were translated and published in a single volume [Poriwaanofu, 1976].

⁷ The more or less complete bibliography of his Turcological and Altaic works contains 110 titles, including the lost ones [Dybo, 2013].

well-developed comparative methods in linguistics with a study of society (from the Marxist point of view or not) was a relevant one. According to Polivanov, after all the achievements of comparative linguistics there was no way back to the “sociologists of language (of the eighteenth and first half of nineteenth century)” who naïvely tried to explain the composition of language using mere “extralinguistic data” [Polivanov, 1974, p. 173]. However, by studying the “language facts” and deducing the principles of language evolution, one could decide its relation to the collective or, in Polivanov’s own terms, to the “social substratum of language.” In his important article on the subject, “Historical Linguistics and Language Policy” (1931), Polivanov put forward a code of linguistic builder of communism that was supposed to set new priorities for linguistics as a discipline:

Thus, the linguist is composed of: (1) an actual builder of (and an expert in constructing) modern linguistic (and graphical) cultures, for which are required the study of contemporary language reality, a self-contained interest in it and – I would also say – a love for it; (2) a language politician, wielding (even though in limited amounts, perhaps) prognosis of the linguistic future, again in the interest of language construction (one of the varieties of the “social engineering” of the future); (3) a “general linguist,” and in particular a linguistic historiologist (here, in “general linguistics”, there lies also the philosophical significance of our science); (4) a historian of culture and of concrete language cultures [Polivanov, 1974, p. 342].

Such a radical change of priorities was far from being universally acclaimed. Among the specialists actively participating in Soviet language building, what constituted a true Marxist language policy was highly disputable, while for his more conservative colleagues this kind of engagement was rather abusive. Polivanov’s claim that he was both a language builder and a theoretician at once gave his political enemies an opportunity to portray him in a grotesque manner. Nikolai Poppe, his old colleague at Petersburg University and eminent researcher of Mongolian languages, who held him in high esteem as linguist but viewed his political activities with distain, compared this bifurcation to that of Dr. Jekyll and Mr. Hyde. (It is important to note that Polivanov, in the spirit of the time, was an eccentric personality who both fascinated and repulsed his contemporaries [Alpatov, 2003, p. 218]). Developing this hardly pleasing comparison, we could say that Polivanov as Dr. Jekyll wanted to study how social factors could influence language while Polivanov as Commissar Hyde wanted to study how a society could be changed by linguistic means. This duality, or, more precisely, the possibility of overcoming it in the revolutionary praxis explains high originality of Polivanov works and its historical importance for contemporary social and political linguistics.

Saussure, whose ideas were widely debated by Soviet linguists in the 1920s and 1930s, famously proclaimed that “among the social institutions language was least amenable to initiative” [Saussure, 1994, p. 74]. Though Polivanov himself was rather indifferent to Saussure, claiming that his work was nothing new to the students of Baudouin de Courtenay [Polivanov, 1974, p. 176], he, like many of his contemporaries, believed this statement to be wrong⁸. He accepted the challenge by answering a crucial question in post-revolutionary linguistic thought: how is the policy of language possible?

The Debate About Marxism in Linguistics

The most valuable hints to the answer to this question are found in Polivanov’s seminal work, *In Favor of Marxist Linguistics* (*Za marksistskoe yazykoznanie*), published in 1931⁹. While it bore the subtitle *A Collection of Popular Linguistic Articles*, its contents were anything but a set of commonplaces. It was a sharply polemical work dealing with some of the most controversial questions surrounding Soviet language policy. By 1931, Polivanov’s battle against Nikolai Marr’s school of linguistics, which was rapidly becoming an official doctrine of the Communist party in the domain of language sciences, was already lost. The outcome of Polivanov’s discussion that took place in February 1929 at the Communist Academy was his retirement from the leading post in the language section of RANION (Russian Association of Scientific and Research Institutions on Social Sciences) where he had been working since 1926. Polivanov was forced to leave Moscow and, until his death (he was shot in 1938 as a “Japanese spy”)¹⁰ worked in Central Asian republics. *In Favor of Marxist Linguistics* was his last major book to be published in Moscow; in the 1930s his work was issued either in national republics or in the foreign scientific reviews (normally with the help of Roman Jakobson, who was, despite some methodological disagreements, the main propagator of his ideas in the West)¹¹.

⁸ It was another student of Baudouin de Courtenay and a member of OPOJAZ (Society for the Study of Poetic Language) Lev Yakubinskiy, who wrote a direct answer to Saussure in 1931. See: [Yakubinskiy, 1986].

⁹ See: [Polivanov, 1931b]. The second Russian edition of this important work was issued only in 2003 in Smolensk and constituted only a tiny number of copies [Polivanov, 2003]. It was partly translated into English as a part of his *Selected Works* [Polivanov, 1974]. In 2014, a partial French translation (in the form of a bilingual edition) was published [Polivanov, 2014].

¹⁰ This conflict is no longer considered a main reason for his arrest and execution [Alpatov, 2004, p. 91].

¹¹ Before the vogue of translations in the seventies, Polivanov was primarily known for the French translation of his article “La perception des sons d’une langue étrangère” published in the collection of the Prague Linguistic Circle [Polivanov, 1931b]. For the reception of his ideas by Jakobson and Trubetzkoy, see Trubetzkoy 1976.

However, even after the discussion at the Communist Academy Polivanov continued to insist that Marr's Japhetic teaching had nothing to do with Marxist methodology or with materialism because its premises contradicted linguistic facts. In contrast to Marr, who was a member of the Imperial Academy of Sciences and took rather moderate positions in the first years of the Soviet regime, Polivanov had been engaged in Bolshevik politics since the very first days of the October Revolution. An assistant in the oriental department at the Ministry of Foreign Affairs under the Provisional Government, he, according to his biographer, had by October 26, 1917 sent a letter to the new government offering his services as a consultant [Lartsev, 1988, p. 51]¹². As it was already mentioned his Comintern engagement (which is the most probable reason for his arrest and execution during the Great Purge's repressions against Comintern activists)¹³ and participation in the scientific committee of the VTsKNTA (Union Central Committee on New Turkish Alphabet), an important institution charged with the reform of Turkish languages¹⁴.

Polivanov's position on the so-called Japhetic theory is now considered correct from both the linguistic and Marxist point of views. The institutional rule of Marrism came to an end with Stalin's famous articles in *Pravda*, and there was no serious attempt to rehabilitate it afterwards¹⁵. Contemporary studies of Marr's work show that he wasn't acquainted with the works of Marx or Engels before 1927, and he didn't quote them a single time before 1928¹⁶. There is no evidence that Marr's work influenced the general principals of the Soviet policy on nationalities or the creation of institutions charged with language building such as VTsKNTA¹⁷. The well-publicized participation of Marrists in Soviet language building is now

¹² The immediate results of his cooperation with the new regime were overwhelming: by November 10, 1917 *Izvestia* and *Pravda* had published the secret agreements between the Tsarist and Provisionary governments and European countries and Japan, which Polivanov helped to find and decode. In contrast to military codes, the Russian diplomatic code was considered "unbreakable" [Lartsev, 1988, p. 50–53].

¹³ The result of his condemnation according to the infamous 58th article was that his work was very rarely mentioned between 1938 and 1957 when V. Ivanov [Ivanov, 1957] published an article that started a reevaluation of his legacy. The exception was his works on Japanese and Chinese [Alpatov, 2003, p. 212–213].

¹⁴ About VTsKNTA and Latinization movement see [Smith, 1998, p. 121–142].

¹⁵ For the latest edition and commentary see [Marr, 2002, p. 451–474], [Ilizarov, 2012]. Except for some publications in Perestroika Times that presented him as Stalin's "victim" and, surprisingly, in a recent study that contains the detailed genesis of Stalin's articles in Ilizarov's book.

¹⁶ [Alpatov, 2004, p.68]. Alpatov's monograph remains the most detailed account of the rise and fall of Marrism. See also [L'Hermitte, 1987] and [Brandist, 2016, p.193–220].

¹⁷ About the general principles of the Soviet Policy of nationalities, see [Martin, 2001; Hirsh, 2005]. About Soviet language policy, see [Smith, 1998; Gorham, 2003; Brandist, 2016].

also generally refuted, while Marr’s own attempt to introduce an Abkhaz analytical alphabet was a notable failure, despite heavy administrative pressure on the local authorities¹⁸.

In the late 1920s, Marr violently attacked what he called “bourgeois science” (by which he meant comparative linguistics) for its supposed focus on Indo-European or “aristocratic” languages, ignoring so-called Japhetic or plebian languages¹⁹. Initially, Japhetic family included some Caucasian languages (including Marr’s native Georgian), but then Marr proclaimed that it was rather a group of languages spoken by “oppressed minorities,” although not in the usual sense of a social dialect but by its origin. Afterwards, Marr discovered that what would today be considered a same language could contain a Japhetic substrate. For example, in Armenian he found two different idioms: the plebian language with some loanwords from Georgian that was of a Japhetic nature, and the “language of aristocrats.” He refused to believe that a protolanguage could divide into several languages, insisting that all languages were formed as the result of crossing or of a “social explosion” that could radically transform the language. This idea led him to believe that German was a transformed version of the Svan (a Kartvelian language spoken in Western Georgia), some “striations” of Russian made it closer to Georgian than to other Slavic languages, and French was more ancient than Latin. No less fantastic were his ideas about what Polivanov called “prognosis of the linguistic future”. Marr believed that in the future, humanity would speak a common language that would not resemble any existing idiom. In a sense, it was a consistent conclusion; if in Marr’s system, “everything could become everything”, then his ideas about the origin of language (“glottogonic system”) could be easily reorganized into utopia of linguistically unified humanity.

The questions that arose were what did this fancy “glottogony” have to do with Marxism and how it could be used in the class struggle? In the late twenties, it was a good idea to begin a book on linguistics with the statement that a Marxist philosophy of language had not been created yet and the author of the study was going to present the very first system that met the requirements of dialectical materialism²⁰. However, even given that Marr was shaping a totally new field of research, and notwithstanding the honesty of the authors about their Marxist creed, Marr’s writings were openly against the grain of the sociological trend mentioned by Polivanov²¹. Retrospectively, Marrism is usually compared to Lysenkovism

¹⁸ [Alpatov, 2004, p. 51–52].

¹⁹ Marr’s own writings are considered very obscure, and it is usually recommended to refer to the work of his most linguistically competent interpreter, I. Meschchaninov [Meschchaninov, 1929]. For a brief account in English, see [Meschchaninov, 2010]. However, an anthology of Marr’s work was recently reissued [Marr, 2002].

²⁰ It can be also found in Polivanov’s book [Polivanov, 1931, p. 4] or the well-known works V. Voloshinov [Voloshinov, 2010, p. 116].

²¹ About the development of sociological approach see [Lähteenmäki, 2010].

in biology as an example of pseudoscience, but this parallel is far from being exact because the attacks against genetics (associated with racial teachings) could at least be presented as a conflict between nativism and radical environmentalism deduced from Marxist doctrine. The Marrist idea that linguistic paleontology could replace bourgeois Indo-European linguistics doesn't seem to fit the Marxist premises aiming the study of the social history of language or the urgent needs of Soviet language building (Marr refuted not only language families but even the existence of a national language as such). One possible explanation is that Marr's linguistic "proteiformism" ("everything could become everything") helped to establish the idea that language belongs to the realm of ideology (or in Marxist terms, to the superstructure) and thus directly depends on economic (or extra-linguistic) factors²². For Marr, this was the only explanation that allowed him to get out from the impasse of his improbable "glottogonic" theories, which were ridiculed by professional linguists. At the same time, it was the manner of the early Soviet ideology-makers to justify the party's "positive discrimination" policy (Japhetic languages initially were those of oppressed minorities) and the proof of the possibility of radical language reforms (or simply of the shaping of superstructure). As Alpatov study shows, the fact that in the 1930s and 1940s Marr's teaching were somewhat parallel to methodology of linguistic sciences and cannot be practiced *à la lettre* was beneficial: with the few references to "Marr's genial teaching" one could do whatever he wanted, using it as "shield" against the possible accusations of non-Marxism²³.

It is rather surprising that such an eccentric theory meet such weak resistance from professional linguists who were obliged not only to take it seriously but also to modify their views after it. Polivanov, although he had previously appreciated Marr's Caucasian studies (he was rather, according to the above-mentioned classification a "historian of concrete language cultures") considered the publication of Marr's work on Chuvash, *Chuvash-Japhetides on the Volga* [Marr, 1926], a breaking point. As he ironically stated, "...to demand that Chuvash or, for example, South Caucasian languages be included – for anti-imperialistic considerations – in Indo-European studies, i.e. in comparative grammar of Indo-European languages, is the same as demanding, for example, that ichthyology include in the orbit of its study some variety or another of birds" [Polivanov, 1974, p. 339]. Polivanov's argument during the debate at the Communist Academy was similar: Marr's teaching was not materialist (which is to say not Marxist) because it contradicted linguistic facts by establishing non-existent parallels between non-related languages ([Polivanov, 1991,

²² The question of whether language belongs to the infrastructure or superstructure is crucial for Marxism. See; [Alpatov, 2000]; [Lecerle, 2006].

²³ It could be considered a sort of "ruse of reason;" Alpatov refers to the opinion of a contemporary that "he had never seen such liberty in science" [Alpatov, 2004, p. 115].

p. 508–546]; see for examples). As for the accusations of bourgeois science, Polivanov constantly referred to Lenin’s idea that in order to build the new proletarian culture, one had to “take the whole culture which capitalism left and from it build socialism” [Polivanov, 1974, p. 177]. He argued there was no such thing as “bourgeois science” for the very simple reason that all previous science was “bourgeois” [Polivanov, 1974, p. 378].

Polivanov’s discussion belongs to the political or social history of Soviet science more so than to the history of linguistics. Exhausted by what he considered to be amateurish arguments, Polivanov concluded that “Science needs no polemics against Japhetidology. The attitude of any competent linguist towards Japhetidology is quiet clear and doesn’t need any commentary” [Polivanov, 1931, p. 6]. Despite this, the Polivanov’s discussion could serve as an important marker of the paradigm switch, or more precisely, of allowed rhetorical strategy. If before 1929, or the period that I’m calling the era of New Scientific Policy (or NSP), the integrity of scientific disciplines was not put to the question and many of the researchers formed under the old regime could preserve their influence with a minimum of loyalty, on the eve of cultural revolution, the offensive against “bourgeois science” was launched. In this situation, Lenin’s warnings against “meager proletarian culture” used by Polivanov lost their efficacy. Furthermore, his appeal “not to depart from Marxism” but rather to come to it “on the base of the facts” could represent a serious risk.

Non-contradiction principle or Polivanov’s minimal program

Nevertheless, Polivanov doesn’t confine himself to a simple apology of comparative methods against profanation. The strong side of the nineteenth century linguistics that evaluated into strict science was also its weakness: “...linguistics was exclusively or almost exclusively a science of natural history in the works of linguists of the preceding generation; it was forgotten that a science of language should be at the same time a social science” [Polivanov, 1974, p. 57]. In order to create Marxist linguistics, the methods of dialectic materialism should be applied to the results of “natural history”. Even though it is not yet created, in linguistics “there are no assertions opposing Marxism” as there are no such assertions in mathematics and physics.

Polivanov’s approach to the problem of introducing Marxism into linguistics is twofold: on the one hand, he proposes what I am calling here the non-contradiction principle or the minimal program, on the other hand, he acts like an active “linguistics builder” and “language politician”. In the frame of the first strategy, Polivanov, like many of his

contemporaries, is trying to adapt the Marxist vocabulary to the needs of his research in general linguistics, in the frame of the second, as an adept of the Soviet “affirmative action” policy, he is creating the principles of “pragmatic language building”. Since the authentic Marxist methodology is a materialist one, there is no contradiction.

As we have already noted, Polivanov’s favorite theoretical question was that of language evolution even though, for various reasons, he never realized his project to write a fundamental study on the subject²⁴. His desperate polemics with Japhetic theory was a proof that this topic was, to use the typical expression of the period, on the leading edge of linguistic front.

Like his teacher Baudouin de Courtenay, Polivanov distinguished internal and external factors of language evolution. Among the first of them, the central role belongs to “human laziness” or to “the principle of economy of working energy”. Language is primarily a “working process” and so the general rule of language evolution subordinates to the tendency of all “possible types of productive work activity of mankind”: the economy should not impede the communication (for instance, the economy of muscle efforts necessary for the handwriting should not influence its intelligibility).

Developing Baudouin’s idea that the most important language changes took place during the transmission of language standards from one generation to the other, Polivanov emphasizes the “unconscious, involuntary character of the introduction of language innovations” [Polivanov, 1974, p. 82]. It could be attested, for instance, by fixing the difference of “phonetic images” between the representatives of two generations: when the “phonetic images” are equated, Polivanov designates it as “convergence”, when they are divided we could speak of “divergence” ” [Polivanov, 1974, p. 70]. The linguistics changes are not eventually limited to the phonetics, but the transformation of grammar or syntax usually last much longer. In general, language evolution is not one-linear and is determined by a particular “motivation”, so in order to study it one should elaborate a “methodology of concrete motivations of language changes” [Polivanov, 1974, p. 89].

Moreover, many changes have “mutational” or, in Polivanov’s terms “revolutionary” character, though it includes numerous “intermediary stages” (unlike Marr’s “explosions”) that could be precisely described. In order to illustrate this thesis, Polivanov compares it to the history of Russian liberation movement: the October Revolution was the final stage of the “dialectical development” that begins more than century ago and was everything, but “instantaneous”, as it was a “mutational change” while

²⁴ He often mentioned the idea of a big study “Theory of language evolution”. Unfortunately, this project has not been realized [Lartsev, 1988, p. 322]. About Polivanov’s theory of language evolution see [Tchougounnikov, 2013].

“the very growth of this contradiction bore, without a doubt, a prolonged character” [Polivanov, 1974, p. 110]. In another article, he states that the most important law of history of phonetic evolution is nothing else, than the dialectical law of the change of quantity into quality. For instance, the well studied on the material of different languages (including non Indo-European) change of diphthongs *au* into *o*, or *ae* into *e* is a change that “reconciles” two successive phonemes in a dialectal since, i.e. by combing their “original aspects” (*au* and *ae* didn’t simply disappear)” [Polivanov, 1974, p. 125].

All these assertions are certainly “not opposing” Marxism, but do we really need the dialectical materialism to understand the abovementioned particularities of language evolution? The idea of economy of working energy is not strictly speaking Marxist but rather positivist, while the reference to the law of change of quantity into quality in the given example doesn’t seem mandatory. However, I suggest that besides this minimal program Polivanov put forward some essential principles of language building that were closely tied to his ideas about the language evolution.

Changing the “channel of language evolution”: Polivanov on the principles of pragmatic language building

The internal or “intralinguistic” factors of language evolution are primary for the simple reason that they can be scientifically described. Although the influence of extralinguistic factors could be clearly attested by the vocabulary (numerous neologisms and argotic expressions brought by Revolution), their impact on morphology or phonetics is more problematic. The socio-economical factors are influencing the mechanisms of language evolution in *indirect* manner but on the other hand they are subject to conscious intervention, or, to put in Saussure’s words to “initiative”:

It is true that socio-economic movements are not reflected directly on the internal, so to speak, technical mechanism (physiological or psychological) of every individual process (proceeding already from a certain point of departure): i.e. it cannot happen that instead of $k \rightarrow s$, with a change of economical situation (but with the same linguistic situation, i.e. in the same language, in the same words, etc.)... On the other hand, for socio-economical factors a much wider field of interference in linguistic life and evolution is opened up: instead of influences on the technical mechanism of individual processes, (going from a given point of departure), economic and political movements are capable of producing changes in these very points of departure (historical phonetic and other processes) and in this way changing the whole channel of language evolution at the root [Polivanov, 1974, p. 89].

In order to comprehend the exact role of the extralinguistic factors, we should specify what Polivanov meant by the "field of interference in linguistic life" and the possible "point of departure" of linguistic evolution. Unfortunately, Polivanov did not elaborate a coherent theory of relationship between extralinguistic and intralinguistic factors but he certainly left some clues that allow us to suggest some possible ways of such interaction.

The main particularity of the complex of socio-economical factors is that the development of a given society could be accelerated (and the industrialization or collectivization are examples of such acceleration). But as their influence on the internal mechanism of language evolution is not direct we can precisely know which way it won't follow ($k \rightarrow s$ would not become $k \rightarrow m$ or $k \rightarrow r$). Although it is possible to choose "the point of departure" of the evolution of a given language. The most obvious example is the changing of alphabets or in Polivanov's terms "graphic revolution" in the newly formed Soviet Republics, that preoccupied him since the early twenties. Among three possible principles of constructing the orthography – phonetic, historical-etymological and morphological (or simply etymological) – one should never choose the second, because it "is complicating the process of learning and writing" and was normally used by the ruling classes to restrict the access of the masses to education²⁵. For this reason, Polivanov was an ardent advocate of Latin-based graphics for Turkish language instead of reformed Arabic alphabets. Consequently the choice of the builders of new Soviet graphic cultures should be made between "purely phonetic" (for the non-written languages or in the case of the radical change of alphabet) and "morphological" principles (for the languages with the written tradition). The effect of these "graphic revolutions" is immediate: "the results of the work of latter-day Yakut, Azerbaijani, Chechen, Ingush and other "Cyrils and Methodiuses contemporary to us will be incomparably more fruitful, for they are opening the road not to the religious culture of the 10th century but to the Soviet culture in its national forms" [Polivanov, 1974, p. 186].

Even more crucial for the change of "channel" of language evolution is what Polivanov designates as "social substratum" of language. More generally, the task of any language policy is the creation of coherent system of communication for the constantly transforming society: "with any such change in the '*human* or (social) *substratum*', the goal of the linguistic development which accompanies (the given socio-economic regrouping) is the creation of a homogenous language for its new '*social substratum*', i.e. for the new size of the collective" [Polivanov, 1974, p. 200]. The change of the social substratum signifies that a new social group is actively influencing the language vocabulary (the vocabulary of workers, sailors,

²⁵ Polivanov also claimed that both Chinese and Japan hieroglyphs should be sooner or later suspended but it "this will be done only when Japan and China have their own October Revolutions" [Polivanov, 1974, p. 240].

thieves jargon et cit.), but also phonetics (Petersburg orthoepy is not any more considered as normative) and morphology (the famous Soviet abbreviations). It could be changed horizontally (as the lower classes came to power) and vertically (as the non-Russian speakers or those who are mastering only regional dialects are moving to the urban centers). This process Polivanov indicates as “double expansion of the substratum” and it could be controlled by the Soviet government by implementing the policy of positive discrimination of oppressed minorities from both Russian popular classes and “alien peoples”. As October Revolution provides an “unusually accelerated tempo” of the social changes the linguistic mutations will not to take long to appear. Although, as Polivanov’s analysis of the mechanisms of “linguistic innovations” shows, the main changes took place during the transmission of a language standard from one generation to another. Consequently, the substantive innovations of Russian and other literary languages of USSR will be evident after the change of several generations. In this brave new world the intralinguistic and extralinguistic factors will be finally “reconciled” for the sake of a better and more predictable future.

Список литературы

- Alpatov, 2000 – *Alpatov V.M.* What is Marxism in linguistics? // *Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory* / Ed. by C. Brandist et al. Oxford: Macmillan Press, 2000. P. 173–193.
- Alpatov, 2003 – *Алпатов В.М.* Поливанов в отзывах и оценках // *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 209–226.
- Alpatov, 2004 – *Алпатов В.М.* История одного мифа. М.: УРСС, 2004. 288 с.
- Bell, 2001 – *Bell D.A.* Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800. N. Y.: Harvard University Press, 2001. 320 p.
- Blinov, 2013 – *Блинов Е.Н.* Жан-Жак Руссо и революционная политика языка // *Логос*. 2013. Т. 96. № 6. С. 67–96.
- Blinov, 2015 – *Blinov E.* L’idiome National et la révolution: citoyenneté, uniformité langagière, discipline // *La Citoyenneté* / Ed. by J.-M. Counet. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2015. iv+913p.
- Bradist, 2010 – *Bradist C.* Introduction to Japhetidology. Theses. *Meschchaninov I.I.* // *Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938. The birth of sociological linguistics* / Ed. by C. Bradist, K. Chown. L.: Anthem Press, 2010. P. 169–180.
- Brandist, 2016 – *Brandist C.* The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. Chicago (Ill.): Haymarket Books, 2016. 280 p.
- Brunot, 1967 – *Brunot F.* L’Histoire de la langue Française des origines à 1900. Paris: Colin, 1967. 512 p.
- De Certeau, 2002 – *De Certeau et al.* Une politique de la langue. Paris: Gallimard, 2002. 317 p.

Dybo, 2013 – *Dybo A.* Les travaux turcologiques et altaïstiques de Polivanov // Evgenij Polivanov. Penser le langage au temps de Staline / Ed. by Archaimbault et al. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 2013. P. 218–233.

Gorham, 2013 – *Gorham M.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. 232 p.

Guilhaumou, 1989 – *Guilhaumou J.* La langue française et la révolution. Paris: Klincksieck, 1989. 212 p.

Hirsch, 2005 – *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2005. 392 p.

Pizarov, 2012 – *Илизаров Б.С.* Почётный академик Сталин и академик Марр. М.: Издат. дом «Вече», 2012. 431 с.

Ivanov, 1975 – *Иванов В.В.* Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // Вопр. языкознания. 1957. № 3. С. 55–76.

L'Hermitte, 1987 – *L'Hermitte R.* Marr, marrisme, marristes, une page de l'histoire de la linguistique soviétique. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1987. 103 p.

Lähteenmäki, 2011 – *Lähteenmäki M.* Sociology in Soviet Linguistics of the 1920-30s : Shor, Polivanov and Voloshinov // Politics and the Theory of Language in the USSR 1917–1938. The birth of sociological linguistics / Ed. by C. Brandist, K. Chown. L.: Anthem Press, 2011. P. 69–88.

Lartsev, 1988 – *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов: страницы жизни и деятельности. М.: Наука, 1988. 328с.

Lecerclé, 2006 – *Lecerclé J.-L.* A Marxist Philosophy of Language. Leiden: Brill, 2006. 245 p.

Leontiev, 1983 – *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М.: Наука, 1983. 77 с.

Marr, 1926 – *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. 75 с.

Marr, 2004 – *Марр Н.Я.* Яфетидология. М.: Кучково поле, 2004. 546 с.

Martin, 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 2001. 528 p.

Meschchaninov, 1929a – *Мещанинов И.И.* Введение в яфетидологию. Л.: Прибой, 1929. 202 с.

Polivanov, 1931a – *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. 181 с.

Polivanov, 1931b – *Polivanov E.D.* La perception des sons d'une langue étrangère // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1931. No. 4. P. 79–96.

Polivanov, 1974 – *Polivanov E.* Selected Works. Articles on General Linguistics / Transl. by D. Armstrong. Paris: Mouton, 1974. 364 p.

Polivanov, 1991 – *Поливанов Е.Д.* Труды по общему и восточному языкознанию. М.: Наука, 1991. 624 с.

Poriwannofu, 1976 – *Poriwannofu E.* Nihongo-kenkyuu. Tokyo: Koubundou, 1976. 396 p.

Rousseau, 1995 – *Rousseau J.J.* Oeuvres completes. Paris: Gallimard, 1995. 2240 p.

Saussure, 1994 – *Saussure F de.* Course in General Linguistics / Transl. by W. Baskin. N. Y.: Columbia University Press, 1994. 336 p.

Smith, 1998 – *Smith M.G.* Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. 296 p.

Tchougounnikov, 2013 – *Tchougounnikov S.* Polivanov, théoricien de l'évolution du langage // Evgenij Polivanov. Penser le langage au temps de Staline / Ed. by Archaimbault et al. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 2013. P. 234–259.

Trubetskoy, 1976 – *Trubetskoy N.* Letters and notes. Paris: Mouton, 1976. 319 p.

Yakubishnkiy, 1986 – *Якубинский Л. Ф.* де Соссюр о невозможности языковой политики // *Якубинский Л.* Язык и его функционирование. Избр. работы. М.: Наука, 1986. С. 71–82.

References

Alpatov V.M. What is Marxism in linguistics. In: C. Brandist et al. (ed.) *Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory*. Oxford: Macmillan Press, 2000, pp. 173–193.

Bell D.A. *Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800*. New York: Harvard University Press, 2001. 320p.

Blinov E. L'idiome National et la révolution: citoyenneté, uniformité langagière, discipline [National idiom and revolution: citizenship, uniformity of language, discipline]. In: J.-M. Counet (ed.). *La Citoyenneté*. Leuven-Paris-Bristol: Peeters, 2015, iv+913 p. (In French)

Bradist C. Introduction to Japhetidology. Theses. Meschchaninov I.I. In: C. Bradist, K. Chown (ed.) *Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938. The birth of sociological linguistics*. London: Anthem Press, 2010, pp. 169–180.

Brandist C. *The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia*. Chicago, Illinois: Haymarket Books, 2016. 280 p.

Brunot F. *L'Histoire de la langue Française des origines à 1900* [History of the French Language from its Origins to 1900]. Paris: Colin, 1967. 512 p. (In French)

De Certeau et al. *Une politique de la langue* [Language Policy]. Paris: Gallimard, 2002. 317 p. (In French)

Dybo A. Les travaux turcologiques et altaïstiques de Polivanov [Works of Polivanov on Turkic and Altaic languages]. In: S. Archaimbault et al. (ed.) *Evgenij Polivanov. Penser le langage au temps de Staline*. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 2013, pp. 218–233. (In French)

Gorham M. *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. 232 p.

Guilhaumou J. *La langue française et la révolution* [French language and the Revolution]. Paris: Klincksieck, 1989. 212 p. (In French)

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 392 p.

L'Hermitte R. *Marr, marrisme, marristes, une page de l'histoire de la linguistique soviétique* [Marr, Marrism, Marrists, a page from the history of Soviet Linguistics]. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1987. 103 p. (In French)

- Lähteenmäki M. Sociology in Soviet Linguistics of the 1920-30s: Shor, Polivanov and Voloshinov. In: C. Brandist, K.Chown (eds.) *Politics and the Theory of Language in the USSR 1917–1938. The birth of sociological linguistics*. London: Anthem Press, 2011, pp. 69–88.
- Lecerle J.-L. *A Marxist Philosophy of Language*. Leiden: Brill, 2006. 245 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001. 528 p.
- Polivanov E. La perception des sons d’une langue étrangère. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, no. 4, pp. 79–96.
- Polivanov E. *Selected Works. Articles on General Linguistics*, transl. by D. Armstrong. Paris: Mouton, 1974. 364 p.
- Poriwannofu E. *Nihongo-kenkyuu* [Works o Japanese Language]. Tokyo: Koubundou, 1976. 396 p. (In Japanese)
- Rousseau J.J. *Oeuvres complètes* [Complete Works]. Paris: Gallimard, 1995. 2240 p. (In French)
- Saussure F de. *Course in General Linguistics*. Translated by W.Baskin. New York: Columbia University Press, 1994. 336 p.
- Smith M.G. *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. 296 p.
- Tchougounnikov S. Polivanov, théoricien de l’évolution du langage [Polivanov as a Theorist of Language Evolution]. In: Archaimbault et al. (ed.) *Evgenij Polivanov. Penser le langage au temps de Staline*. Paris: Institut d’Etudes Slaves, 2013, pp. 234–259. (In French)
- Trubetskoy N. *Letters and notes*. Paris: Mouton, 1976. 319 p.
- Alpatov V. *Marr i Marrism. Istorija odnogo mifa* [Marr and Marrism. The History of a Myth], Moscow: URRS Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
- Alpatov, V. Polivanov v otzyvakh I otzenkakh [Opinions and Appraisals of Polivanov]. In: E.D. Polivanov. *Za makrksistskoe yazykoznanie*. Smolensk: St.Petersburg St. Univ. Publ., 2003, pp. 209–226. (In Russian)
- Blinov E. Zhan-Zhak Russo i revolyutsionnaya politika yazyka [Jean-Jacques Rousseau and the Revolutionary Politics of language]. *Logos*, 2013, vol. 96, no. 6, pp. 67–96. (In Russian)
- Iizarov B.S. *Pochetnyy akademik Stalin i akademik Marr* [Academician *honoris causa* Stalin and Academician Marr]. Moscow: Veche Publ., 2012. 431 p. (In Russian)
- Ivanov V.V. Lingvisticheskie vzglyady E.D.Polivanova [Linguistic Ideas of E.D. Polivanov]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1957, no. 3, pp. 55–76. (In Russian)
- Lartsev V.G. *Evgeniy Dmitrievich Polivanov: stranitsy zhizni i deyatel’nosti* [Evgenij Dmitrievich Polivanov: life and works]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 328 p. (In Russian)
- Leontiev A. *Evgeniy Dmitrievich Polivanov i ego vklad v obshchee yazykoznanie* [Evgenij Dmitrievich Polivanov and his contribution to general linguistics]. Moscow:Nauka, 1983. 77 p. (In Russian)
- Marr N.Ya. *Chuvashi- yafetidy na Volge* [Chuvash-Japethides on Volga]. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1926. 75 p. (In Russian)
- Marr N.Ya. *Yafetidologiya* [Japetidology]. Moscow: Kutchkovo Pole Publ., 2004. 546 p. (In Russian)

Meschchaninov I.I. *Vvedenie v yafetidologiyu* [Introduction to Japhetidology]. Leningrad: Priboy Publ., 1929. 202 p. (In Russian)

Polivanov E.D. *Za marksistskoe yazykoznanie* [In Favor of Marxist Linguistics]. Moscow: Federatsiya, 1931. 181 p. (In Russian)

Polivanov E *Trudy po obshchemu i vostochnomu yazykoznaniiyu* [Oriental Studies and the Works on General Linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 624 p. (In Russian)

Yakubinskiy. L. F. de Sossyur o o nevozmozhnosti yazykovoy politiki [F. de Saussure about the Impossibility of the Language Policy]. In: L. Yakubinskiy. *Yazyk i ego funktsionirovanie. Izbrannije Raboty* [Language and its working. Selected issues]. Moscow: Nauka Publ., 1986, pp. 71–82. (In Russian)

СМОГУТ ЛИ ЯЗЫКОВЕДЫ И ЛОГИКИ ДОГОВОРИТЬСЯ О ЛОГИКЕ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА

Митренина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент. Санкт-Петербургский Государственный Университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: mitrenina@gmail.com

Статья представляет собой попытку наладить более широкое взаимодействие между лингвистами и логиками в области изучения логики естественного языка. Такое взаимодействие могло бы произойти на поле современной генеративной грамматики – лингвистической теории, описывающей язык с помощью абстрактных структур в математическом стиле. В статье формулируются – с точки зрения лингвиста – нерешенные проблемы логики естественного языка, в которых, по мнению автора, теоретическая лингвистика могла бы рассчитывать на существенную поддержку со стороны логики.

Ключевые слова: генеративная грамматика, формальная семантика, модальность, интенциональный контекст, дательный падеж, функциональные вершины, универсальная иерархия Чинкве

IS AN AGREEMENT BETWEEN LINGUISTS AND LOGICIANS ON THE LOGIC OF LANGUAGE POSSIBLE? A LANGUAGE SCHOLAR'S RESPONSE

Olga Mitrenina – PhD in Philology, associate professor. Saint Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: mitrenina@gmail.com

This paper is aimed to discuss some possibilities for a deeper collaboration between linguists and logicians in the field of the logic of natural language. This collaboration could occur in the field of modern generative grammar, a linguistic theory that mathematically describes language with abstract structures. The author argues that the analysis of these problems requires the cooperation between the linguists and the logicians. The following problems could be considered from this point of view: the description of modality that includes the observer or the source of opinion/obligation, the study of Dative case in Russian and the theory of functional heads proposed by Guglielmo Cinque.

Keywords: generative grammar, formal semantics, modality, intensional contexts, dative, second dative, functional heads, Cinque's universal hierarchy

В 1954 г. Иегошуа Бар-Хиллел от имени логиков обратился к лингвистам с предложением совместно изучать логику языка. В журнале «Language» он опубликовал статью «Синтаксис и семантика в логике», где пытался показать, что логические системы годятся для описания естественного языка¹.

В одном из следующих номеров «Language» Бар-Хиллелу ответил аспирант-лингвист: «Спасибо, нет». Этого аспиранта звали Ноам Хомский. В статье «Синтаксис и семантика в логике: их отношение к лингвистике» он говорил, что искусственные системы логиков не смогут охватить богатство естественного языка, поэтому сотрудничество лингвистов и логиков вряд ли окажется полезным [Парти, 2012].

Позже появился Ричард Монтегю, который создал описание фрагмента английского языка на основе логики, похожей на логику предикатов первого порядка. Он называл эту задачу «простой и не слишком важной» [Partee, 2013, p. 434–435] и надеялся распространить свой подход на весь естественный язык. Но вскоре его работа замедлилась, начали обнаруживаться непредвиденные сложности. Монтегю занялся отдельными аспектами языка, но не успел разработать даже их – в 1971 г. он погиб в возрасте 40 лет.

Проводником идей Монтегю в мир лингвистики стала Барбара Парти. Она всегда считала своей миссией «наведение мостов», и ее мосты между логиками и лингвистами были построены на основе грамматики Монтегю. Но для некоторых явлений в языке она подходила очень плохо. Прежде всего, речь идет о так называемых интенциональных контекстах. Для лингвистов это, например, придаточные предложения при глаголах типа «верить, думать, полагать». В таких случаях приходится считать, что значением придаточного предложения является не «истина» или «ложь», а ситуации, но тогда возникают проблемы с единообразием и с формализацией. Решить их пытаются и лингвисты, и логики, но изящного решения, подходящего для естественного языка, пока не найдено. Лингвисты ищут его в рамках логики предикатов первого порядка, а логики стоят теоретические системы, безнадежно далеко уходящие от естественного языка – для лингвиста странно выглядят книги по логике языка, в которых почти не встречаются примеры обычных предложений.

Возможно, требуется найти какой-то другой подход к исследованию логики естественного языка, в котором лингвисты и логики старались бы понимать друг друга. Ведь в середине XX в. развитие логики ушло далеко вперед по сравнению с теориями Фреге, на которые опирался Монтегю. Похоже, что сейчас для тех явлений языка,

¹ Благодарю В.М. Лурье, Д.Б. Тискина, Н.В. Слюсарь, И.Б. Микиргумова и П.С. Куслия за комментарии и поправки к этой статье. Некоторые их важные замечания я смогла учесть лишь отчасти, а какие-то пока не смогла учесть совсем. Все оставшиеся ошибки – мои.

которые когда-то считались не поддающимися формализации во всей своей полноте [Куслий, 2013, с. 106], в арсенале современной логики можно найти подходящие «неклассические инструменты». Например, у логиков есть более десяти конкурирующие концепций истинности [Künne, 2003], у них разрабатываются подходящие для описания метафор параконсистентные логики [Lougie & Mitrenina, 2015], у них есть нечеткие, интенциональные и модальные логики. Для лингвиста все это звучит многообещающе.

Нужно только попытаться навести новые мосты – с учетом современных теорий.

* * *

Наиболее влиятельной теорией в мировой лингвистике сегодня является генеративная грамматика. Она возникла в 1957 г. после выхода книги Ноама Хомского «Синтаксические структуры». В начале 1980-х гг. отдел науки ЦК КПСС запретил упоминать имя Хомского в положительном контексте, и в некоторых научных кругах в России представление о его теории так и осталось на уровне конца 1970-х, хотя с тех пор в лингвистике было сделано много важных открытий.

Генеративная грамматика исследует законы построения предложений. Эти законы, вероятно, являются простыми и четкими, поскольку ребенок изучает их полностью за очень короткий срок. Можно попытаться описать формально не конкретные языки, а ту единую систему, которая лежит в основе любого языка, – универсальную грамматику.

Люди долгое время не знали, почему предметы летят и падают так, а не иначе. Потом пришел Ньютон, вслед за ним – Эйнштейн, и постепенно появилась общая теория движения. Похожим образом развивается и лингвистика. В английском языке общий вопрос задается с помощью вспомогательного глагола (*Do you speak English?*), а в русском и французском вперед выносятся основной глагол (*Говорите ли вы по-русски? – Parlez-vous français?*) Почему же в английском нельзя спросить *Speak you English?* Или хотя бы *Do you speaks English?* На подобные вопросы традиционно отвечают: «Так уж в этих языках принято». Хомский сравнил такой ответ с высказыванием «Яблоко падает на землю, потому что там его естественное место». Он предположил, что основе всех языков лежат некие общие законы, а грамматические различия между ними – не бесконечный бессвязный список, а результат изменения нескольких параметров, как в физике [Митренина, Романова, Слюсарь, 2012, с. 2–3].

Приведу только один пример. В первой половине 1980-х гг. Ричард Кейн и Луиджи Рицци применили ранние теории Хомского к итальянскому и французскому языкам. Они обнаружили в них много общего,

что не удивительно – ведь эти языки принадлежат к одной группе. Но были обнаружены и некоторые различия, которые неожиданно начали укладываться в единую схему. Первое различие касалось порядка следования подлежащего и сказуемого. Если в итальянском возможен любой их порядок, то в обычных французских предложениях подлежащее предшествует сказуемому: *Jean arrivera* («Жан придет»). Во французском нельзя сокращать подлежащее, а в итальянском – можно: *Verrà* («Он/она придет»). И еще четыре отличия, прочитайте подробнее о которых можно в [Бейкер, 2008].

Кейн и Рицци решили посмотреть, как проявляются эти признаки в других романских языках. Оказалось, что каждый из них ведет себя либо как французский, либо как итальянский язык, но ни один не проявляет, например, два «французских» и четыре «итальянских» признака. То же самое проявилось и в других обследованных ими языках. Каждый из них проявлял либо шесть «французских» признаков, либо шесть «итальянских». Но самое удивительное было обнаружено в старофранцузском языке. В средние века он вел себя в отношении подлежащего как итальянский язык и проявлял все шесть «итальянских» признаков. Но всего за 100–200 лет все эти признаки переключились на «французские». Если бы они не были взаимосвязаны, то, скорее всего, изменились бы лишь некоторые из них. На основании всех этих данных постепенно был описан параметр нулевого подлежащего.

Можно сказать, что грамматики языков отличаются лишь «рецептами приготовления». По меткому замечанию Марка Бейкера, грамматики разных языков – как булочка и крекер. Это совершенно разные продукты, однако их рецепты очень похожи, они отличаются только тем, что в булочку надо добавить дрожжи [Бейкер, 2008, с. 60]. Выбор структуры предложения ограничен жесткими правилами, почти как выбор траектории для летящего в воздухе камня. И эти правила, эти рецепты, вероятно, являются едиными для всех языков, варьирует лишь небольшое число параметров. Генеративная грамматика стремится описать эти рецепты и получающиеся в результате языки с помощью абстрактных структур в математическом стиле – это должно быть понятно и близко логикам.

* * *

Точкой пересечения лингвистов и логиков могло бы стать исследование языковой модальности.

У лингвистов нет общепринятого понимания модальности. Как заметил ведущий специалист в области грамматической семантики В.А. Плуныян, семантическая зона глагольной модальности – одна из

самых обширных и разнородных, что делает ее описание особенно трудным [Плунгян, 2011, с. 423]. Но и у логиков ситуация не намного лучше. Современный учебник по модальной логике начинается словами: «Спросите трех современных логиков, что такое модальная логика, и вы, скорее всего, получите не менее трех разных ответов» [Blackburn et al., 2002, p. viii]. Поскольку этот учебник написали ровно три автора, они честно решили не давать определений, а привести лишь три относящихся к модальной логике лозунга.

Стэнфордская электронная философская энциклопедия не дает определения модальности, она лишь отмечает, что «модальные высказывания сообщают нам что-то о том, что может или должно быть» (Modal statements tell us something about what could be or must be the case) [Kment, 2012]. Другие исследователи помимо алетических и деонтических понятий относят к модальной логике аксиологические (*хорошо/нейтрально/плохо*) и эпистемические понятия (знание/полагание/незнание), а также понятия пространства и времени, которые обычно не рассматриваются лингвистами как модальные. Со своей стороны лингвисты относят к модальности внутреннюю возможность (*умеет*), интенсивность реализации ситуации (*сильно/слабо*) [Плунгян, 2011, с. 424–425] (вероятно, в логике она не является областью какой-то конкретной модальности, а может быть отнесена к общему типу сравнительной модальности (преференции)), и даже выделяют обусловленную (имплицативную) модальность (*если A, то B*), которую логики отнесли бы к логической каузальности и к коннективам.

Установить соответствие между модальными системами логиков и лингвистов – задача трудоемкая и сама по себе вряд ли полезная. Но можно отвлечься от неудачных формулировок (у логиков с точки зрения лингвистов и у лингвистов с точки зрения логиков) и признать, что логики и лингвисты видят некоторую модальную субстанцию языка, которую полезно было бы обсудить сообща.

Для совместной работы логиков и лингвистов нужны задачи, которые были бы интересны и тем, и другим. В оставшейся части статьи я постараюсь привести некоторые примеры модальности в языке, не имеющие пока четкого формального объяснения или описания. Может быть, они позволят кому-то из логиков взглянуть на язык под новым углом. Возможно, разрешение этих загадок связано с созданием некой общей модальной системы, которая охватила бы и другие лингвистические явления, оставшиеся за рамками этой статьи.

В естественном языке предложения с аксиологической и эпистемической модальностью предполагают наблюдателя или источник оценки. «Хорошо» не бывает само по себе, оно опирается на некоторую систему координат говорящего. В книге В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» зафиксирован вариант поговорки «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Смысл ее очевиден: что хорошо

одним, то неприемлемо, а может быть и губительно, для других. То же и с эпистемическими предложениями: что-либо *предполагается/известно/неизвестно* не для всех людей и не само по себе, а лишь для каких-то наблюдателей с общим элементом знания.

Источник долженствования (аналог «наблюдателя») предполагается и в предложениях с деонтической модальностью. *Иванов должен дать показания против своего друга* – в этом примере деонтическая модальность отражает точку зрения полиции и закона. Но по «закону дружбы» Иванов не должен давать показания против своего друга. Практически в любом предложении с *должен* предполагается некоторая точка зрения (закон, требования общества, собственная внутренняя потребность и пр.), приписывающая долженствование. И почти всегда есть другая точка зрения, согласно которой это «должен» не является обязательным или даже становится совершенно недопустимым.

В лингвистике очень пригодился бы логический аппарат, способный учитывать точку зрения, источник оценки, источник долженствования. Возможно, для описания деонтической модальности в языке больше подошел бы, например, подход А.С. Есенина-Вольпина, который предложил идею упорядоченного семейства неодинаковых по своим логическим свойствам нормативных систем [Ковалевич, Лисанюк, 2015].

Здесь можно вновь вспомнить проблему с интенциональным контекстом: анализ придаточных предложений при глаголах типа «верить, думать, полагать, считать». Высказывание «Маша думает, что у нее на кухне лежит мешок картошки» принято анализировать так, что значением придаточного предложения «У нее на кухне лежит мешок картошки» считается не истинностное значение, а некие ситуации. Значением же простого предложения «У меня на кухне лежит мешок картошки» в семантике принято считать истину или ложь. Но в этом предложении тоже есть свой интенциональный контекст, хотя и не проговариваемый: «Я думаю/знаю, что у меня на кухне лежит мешок картошки». В таком контексте значением также должна становится ситуация, а не истинность.

Модальная конструкция подразумевает наблюдателя. Попытки лингвистов добавить наблюдателя в формальное описание конкретных предложений приводили к чрезвычайно сложным конструкциям. Но в модальной логике внутренней наблюдатель может быть добавлен естественным образом как один из компонентов реляционной структуры [Blackburn et al., 2002, p. Viii–x]. Интересно было бы попытаться применить эту теоретическую систему для анализа предложений естественного языка.

Некоторый «источник приписывания модальности», возможно, существует в предложениях типа *Мне не сдать экзамен*. Николай Флейшер предположил, что структура подобных предложений состо-

ная логика времени разрабатывается с середины XX в. Хотя предыдущие попытки применить ее к языку оказались не слишком убедительными, возможно, иерархия Чинкве даст ключ к построению новой теории, которая подошла бы и для естественного языка.

Все эти и другие языковые явления можно попытаться рассмотреть в рамках более общей логической картины. Теоретическим лингвистам это поможет найти решение некоторых загадок универсальной грамматики, например, поможет разобраться с источником приписывания дательного падежа или с иерархией Чинкве. Прикладным лингвистам это даст новые возможности алгоритмизации – именно к алгоритмизации стремился Бар-Хиллел, который в 1952 г. за два года до своего похода к лингвистам, собрал первую в мире конференцию по машинному переводу. Что касается логиков, то взаимодействие с лингвистами, возможно, позволит им скорректировать свои теории с помощью той гармонии, проявлением которой является естественный язык.

Не все логики (и даже не все лингвисты) согласятся с тем, что язык устроен гармонично. Но Хомский предлагает нам изучать язык как естественнонаучный объект, законы которого аналогичны законам физики. Его гипотеза многократно подтверждалась последующими исследованиями. Если естественный язык – это некое природное явление, то лежащая в его основе система должна оказаться стройной и красивой. Как говорил Эйнштейн, «природа – это сочетание самых простых математических идей».

Но тогда грамматика непременно должна быть связана с изящными логическими теориями.

Список литературы

- Бейкер 2008 – *Бейкер М.* Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. М.: URSS, 2008. 272 с.
- Борщев 2015 – *Борщев В.Б.* Две миссии Барбары // *Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblate* / Под ред. П.М. Аркадьева, И.С. Капитонова, Ю.А. Ландера, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М.: Яз. славян. культуры, 2015. С. 313–323.
- Ковалевич, Лисанюк 2015 – *Ковалевич О.С., Лисанюк Е.Н.* Принципы деонтической логики действий А.С. Есенина-Вольпина // *Логико-философские штудии*. 2015. Т. 12. № 4. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/351> (дата обращения: 16.09.2016).
- Куслий 2013 – *Куслий П.С.* Формальная семантика и естественный язык // *Вопр. философии*. 2013. № 8. С. 105–117.
- Митренина, Романова, Слюсарь, 2012 – *Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А.* Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012. 376 с.
- Парти 2012 – *Парти Б.* Формальная семантика как порождение лингвистики и философии. Публичная лекция «Полит.ру» 18 мая 2012 года. URL: <http://polit.ru/article/2012/05/18/Partee/> (дата обращения: 18.09.2016).

Kusliy P.S. Formal semantics and natural language [Formal'naya semantika i estestvennyy yazyk]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8, pp. 105–117. (In Russian)

Lourié B., Mitrenina O. Semantics of Poetical Tropes: Non-Fregeanity and Paraconsistent Logic. *Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblate*. Moscow, 2015, pp. 313–323.

Mitrenina O.V., Romanova E.E., Slyusar' N.A. *Vvedenie v generativnuyu grammatiku* [Introduction to generative grammar]. Moscow, 2012. 376 p. (In Russian)

Partee B. *Formal'naya semantika kak porozhdenie lingvistiki i filosofii* [Formal semantics as the fruit of linguistics and philosophy]. Polit.ru, May 18, 2012 [<http://polit.ru/article/2012/05/18/Partee>, accessed on 18.09.2016]. (In Russian)

Partee B. Montague's "linguistic" work: Motivations, trajectory, attitudes. *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 17, September 8–10, 2012, Paris, 2013, pp. 427–453.

Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2011. 672 p. (In Russian)

Язык и сознание Бенджамина Уорфа*

Веретенников Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: and.veret@gmail.com

Статья посвящена анализу генезиса взглядов Б. Уорфа на отношение языка и реальности. В первой части дается историко-философское описание происхождения взглядов на мир и сознание Уорфа и делается содержательный вывод о ее источнике, это современная логика, культурная лингвистика и мистицизм с доминированием последнего. Во второй – приводятся по-новому сгруппированные аргументы противников «гипотезы лингвистической относительности» и делается вывод об их важности для ее сторонников. Данная статья предвзвешивает первый перевод на русский язык статьи Уорфа «Язык, сознание и реальность», важной для понимания источников его воззрений, в частности теософского мистицизма.

Ключевые слова: Бенджамин Ли Уорф, гипотеза лингвистической относительности, лингвистика, философия языка

MIND AND LANGUAGE IN THE WORK OF B. WHORF

Andrey Veretennikov – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: and.veret@gmail.com

In the article author develops the analysis of genesis of B. Whorf's views on language and reality. First part is dedicated to the historical analysis of Whorf's views on mind and language. Genesis of his views is threefold: modern logic, cultural linguistics and mysticism. The latter becomes in a sense prevalent. Second part deals with analysis of arguments of the critics of principle of 'linguistic relativity' and concludes in evaluation of the validity of the arguments for the proponents of the 'principle'. The article accompanies first Russian translation of Whorf's article 'Language, mind and reality', important for critical evaluation of his background views and his theosophical mysticism in particular.

Keywords: Benjamin L. Whorf, principle of linguistic relativity, linguistics, philosophy of language

Творчество американского мыслителя Б.Л. Уорфа (1897–1941) находится на грани между лингвистикой и философией. Одной из самых ярких его идей является «гипотеза лингвистической относительности», впоследствии названная «гипотезой Сепира-Уорфа». Тезис состоит в том, что грамматические модели определяют восприятие и познание носителей языка, а следовательно и то, каким для него

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-33-01043 «Семантика и прагматика контекстной зависимости для убеждений с индексным компонентом».

является мир и как он видит свое место в нем. «Гипотеза лингвистической относительности» является значимым для философии языка и сознания тезисом о зависимости онтологии от языковой или грамматической системы. Сам по себе такой взгляд не являлся новым и в то время, нечто подобное можно обнаружить и в творчестве выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского (1896–1934), и у культуролога М.М. Бахтина (1895–1975), и у философа Л. Витгенштейна (1889–1951), однако Уорф представил эту гипотезу в виде программы эмпирических исследований. В качестве одного из ранних предтеч современной лингвистики он продолжал гумбольдтианскую линию в описательном языкознании, в качестве философа он сделал важный вклад в дискуссию о релятивизме и детерминированности человеческого сознания, сделав радикальные выводы как из философии Б. Рассела (1872–1970) и логического позитивизма, так и из современной ему гештальт-психологии. Третьей компонентой, не менее влиятельной в его философском творчестве, и значимость которой показывает публикуемая статья, была традиция европейской теософии конца XIX – начала XX вв.

При жизни автора влиятельные, начиная с 1950-х гг., идеи Уорфа подверглись разрушительной концептуальной критике со стороны ученых, создававших современную науку лингвистики, таких как Н. Хомский и С. Пинкер (культурный детерминизм), фактической – Э. Малотки (язык Хопи) и философской (концептуальный релятивизм) – Д. Дэвидсон (1917–2003) и М. Блэк (1909–1988). В то же время его «гипотеза» оказывается руководящей и значимой для лингвистов, таких как Дж. Лакофф, и нео-уорфианцев, как культурный антрополог М. Сильверстейн, поэтому говорить об отсутствии влияния Уорфа на современный интеллектуальный ландшафт не приходится.

Будучи химиком-технологом по профессии и работая страховым агентом, он никогда не защитил диссертации, несмотря на то, что проходил формальное обучение в аспирантуре Йельского университета под руководством своего учителя, американского лингвиста Эдварда Сепира (1884–1939). Лишь эпизодически читая лекции, он не опубликовал монографии, ограничившись статьями и выступлениями, представляя собой для некоторых критиков типичный образ лингвиста без формального образования. Несмотря на это, коллеги отмечали высокий профессионализм Уорфа, а Э. Сепир, получив в 1931 г. копию его статьи, отметил, что эта работа должна быть обязательно опубликована. Работы Уорфа были изданы в 1950-е гг. в виде трех сборников: в 1950-м г. «Четыре статьи по металингвистике» [Whorf, 1950], в 1952-м – «Собрание работ по металингвистике» [Whorf, 1952]. Благодаря Джону Кэроллу, коллеге Уорфа, сборник статей под названием «Язык, мышление и действительность», включающий в себя, в том числе, и неопубликованные работы, был издан в 1956 г. [Whorf, 1956, p. 246–270].

В советской науке Уорф известен, прежде всего, благодаря работе «Отношение норм поведения и мышления к языку», статья в русском переводе была впервые опубликована в знаменитом сборнике «Новое в лингвистике» в 1960 г. и в которой представлена одна из формулировок «гипотезы» [Новое в лингвистике, 1960]. В том же издании были опубликованы другие статьи автора: «Наука и языкознание» и «Лингвистика и логика». Собственно, по ним и складывался у отечественного читателя образ Уорфа как ученого и мыслителя. Статья «Язык, сознание и реальность», написанная в 1941 г. для Теософского общества, является одной из последних опубликованных работ Уорфа [Whorf, 1942]. Эта работа раскрывает неожиданные стороны в позиции знаменитого лингвиста, чей интерес к теософии был неслучаен в силу того, что собственные исследования по языкознанию он начал с изучения древнееврейского, нужного ему для анализа библейских текстов. Такого рода полупрофессиональные исследования, направленные на поиск скрытых смыслов и значений в древних манускриптах, были тогда широко распространенной практикой.

Переход к описательной, научной лингвистике был связан, с одной стороны, с интересом к мезоамериканским языкам, с литературой по которым он столкнулся в Хардфордской библиотеке, а с другой – с современной ему философией логического анализа, представленного, в частности, такой популярной среди тогдашней широкой публики фигурой, как Бертран Рассел. Сочетание попыток логического анализа и полевого материала было нетипичным для тогдашнего изучения языка. И «отец» американской антропологии Франц Боас (1858–1942), и его ученик Э. Сепир эксплицитно занимались проблемой метода, и в попытке обосновать свой Уорф, конечно, был неоригинален. Однако подлежащая философия, составлявшая основу для его взгляда на природу и человека, была несколько иной. От Боаса и Сепира он унаследовал взгляд на человека и язык В. Гумбольдта (1767–1835), согласно которому язык есть выражение «духа народа» в какое-либо историческое время, выражающий его взгляд на мир и определяющий его образ. С другой стороны, как Рассел, так и логические позитивисты разделяли точку зрения на естественный язык как на несовершенный инструмент, скорее затеняющий реальность, а не позволяющий к ней пробиться. Сам Рассел неоднократно указывал на особенности европейской «субъектно-предикатной» логики, порождающей определенные типы метафизики как веры в то, что составляет последние основания реальности. Абсолютные идеалисты, такие как Ф. Брэдли (1846–1924), философия которых служила интеллектуальным фоном для работ Рассела, утверждали Абсолют в качестве последнего начала реальности, неизменный по отношению к явлениям, и в котором не существует различий. Мистики и оккультисты того времени, такие как Е. Блаватская (1831–1891) исповедовали веру в Абсолют как во

всеобщее пантеистическое начало (в частности, в рамках массового американского Теософского общества) и утверждали, в своих терминах, конечно, идеи всеобщего духовного равенства и братства человечества, не чуждые и настроениям Боаса и Сепира, также выступавших против расизма. Боас, в частности, выдвигал тезис о том, что не существует «более простых культур», общий для европейских антропологов того времени. Увлекавшийся в молодости оккультизмом Уорф не мог пройти мимо такого крупного движения, как теософское, сходного по своим идеям с его собственными. Тезисы о различных «уровнях сознания» являются вполне теософскими, а обращение к индийскому мистицизму с такой точки зрения – вполне оправданным. В этом смысле философия, являвшаяся фоном и мотивацией для работ Уорфа, была вполне современной для его времени, пусть и эклектичной, а генезис «гипотезы лингвистической относительности», оказавшейся на острие дискуссий становится более ясным.

В области эмпирических, полевых исследований критика идей Уорфа шла по одному пути, концептуальные же аргументы, касающиеся релятивизма «гипотезы», более интересные философам, можно было бы разделить на две группы. Первая группа, которую можно связать с именем Хомского, касается методов Уорфа, вторая – назовем ее группой Дэвидсона – с понятием точки зрения на мир, языкового или концептуального каркаса. Первую группу характеризует перемена в отношении к методам лингвистики и поддерживающей ее философии языка. Если философия логических позитивистов была нейтральной по отношению к проблеме существования или несуществования общего для всех людей языка, по природе или биологически «встроенного» в человеческий мозг, то новая философия хомскианского направления утверждает наличие такого рода универсального медиума, «менталезского» языка, по выражению Дж. Фодора, от которого частные языки являются лишь ответвлениями. Методологически здесь можно указать на следующую особенность. Если Уорф шел от наблюдений к обобщениям и конструкции гипотезы, например, от практики использования языковых выражений к гипотезе о грамматике, то оппоненты проверяют математическую модель на практике, принимая, модифицируя или отбрасывая ее. Известен случай, когда Уорф наблюдал поведение рабочих, куривших возле пустых бочек из-под керосина. Он сделал вывод, что «пустое» в их мире означало неопасное, тогда как именно такие емкости оказываются наиболее воспламеняемыми. Менее анекдотический случай состоит в споре о временах в языке хопи, и аргумент здесь следующий. Наблюдая практику, Уорф делает вывод о существовании того, что он хочет видеть, а не проверяет существование, постулированное гипотезой. В знаменитом примере о видах снега он как бы уже заранее имеет в виду онтологию, а не пытается проверить свою гипотезу. Такой взгляд «от

явления к действительности» не спасает от релятивизма и обращения к мистическим «планам» или «уровням» мира и сознания, к которым прибегает Уорф, постулируя общие для всего человечества универсалии. И Уорф, и поздний Витгенштейн, и Выготский, с другой стороны, являются представителями социального «конструктивизма» в области философии языка. Как «гипотеза», так и «употребление» и «деятельность» есть социальные явления языка как медиума коммуникации. То есть из языка рождается мир и сознание человека, а не язык есть естественное явление. Философия новой науки лингвистики отвергала этот тезис.

Вторая группа аргументов, связанная с Дэвидсоном и Максом Блэком, менее метатеоретична. Можно описать эту группу как опирающуюся на понятие концептуальной схемы, введенное Карнапом. Она напоминает некоторый язык, в котором бы принимались как существующие некоторые объекты и операции над ними, каждая из них по-своему организует опыт, представляет собой одновременно мировоззрение и исключает другие точки зрения. Каждая из концептуальных схем содержит в себе внутренне связанную систему понятий, постулирует некоторые универсальные свойства мира или, как писал Дэвидсон, «даже сама реальность относительна к схеме: то, что считается реальным в одной системе понимания, может не считаться таковым в другой». Вопрос тогда заключается в том, как мы вообще можем знать о существовании каких-то других концептуальных схем, кроме нашей? Иная концептуальная схема была бы настолько отличной от нашей, что утверждения, сделанные в ней были бы не ложными, а как писал Карнап, просто непонятными, или бессмысленными по отношению к нашей. Дэвидсон сделал следующий аргументативный шаг – он применил к концептуальным схемам понятие перевода или интерпретации логической системы. Как он полагал, система представляет собой только формализм до того момента, как мы интерпретируем или каким-то способом используем в практике ее символы. Если мы обратимся к такому пониманию концептуальной схемы, как языка, а следовательно и взгляда на мир, и сознания того, кто этим взглядом обладает, то возникает вопрос о возможности если не согласия, то перевода предложения одного языка или одного сознания, на другой. Рассмотрев случай неудачи перевода или интерпретации мы можем сделать вывод о том, возможно ли сравнение схем, а как следствие – истинен ли релятивизм в том числе и «гипотезы» Уорфа. Дэвидсоновский вывод неутешителен, ни набор из значений, ни реальность, нейтральная по отношению к теории не дают возможности полного перевода. Частичный же перевод возможен и связан с установками на согласие участников коммуникации. Мнение Дэвидсона заключалось в том, что нельзя обнаружить ни общих, ни частичных схем у разных участников коммуникации, а следовательно, понятие

схемы оказывается под вопросом. В то же время, сам тезис о наличии схемы и содержания, которое было бы нейтральным по отношению к ней, оказывается догматическим и ведет к релятивизму наподобие радикальных выводов из «гипотезы» Уорфа. Утверждая «национальное» или «языковое» сознание, «взгляд на мир» или «несоизмеримость» мы неизбежно приходим к релятивизму. Естественно, такого вывода сам Уорф, с его склонностью к мистицизму и теософии Абсолюта, постарался бы избежать. Однако его не избежать тому исследователю, который принимает основные положения «гипотезы лингвистической относительности».

Список литературы

Новое в лингвистике, 1960 – Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 464 с.

Whorf, 1950 – *Whorf B.L.* Four articles on metalinguistics Washington: Foreign Service Institute, 1950. 263 p.

Whorf, 1952 – *Whorf B.L.* Collected papers on metalinguistics. Washington: Foreign Service Institute, 1952. 447 p.

Whorf, 1942 – *Whorf B.* Language, Mind and Reality // *Theosophist* (Madras, India). 1942. January and April issues. P. 282–291.

Whorf, 1956 – *Whorf B.L.* Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: The MIT Press, 1956. P. 246–270.

References

Carroll J.B. (ed.). *Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge: The MIT Press, 1956, pp. 246–270.

Novoe v lingvistike. Вып. I. [New in linguistics. Vol. I.]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 464 p.

Whorf B.L. Language, Mind and Reality. *Theosophist* (Madras, India), 1942, January and April issues, pp. 281–291.

Whorf B.L. *Collected papers on metalinguistics*. Washington: Foreign Service Institute, 1952. 447 p.

Whorf B.L. *Four articles on metalinguistics* Washington: Foreign Service Institute, 1950. 263 p.

Язык, сознание, и реальность*

Бенджамин Ли Уорф

Данный текст представляет собой перевод статьи Б.Л. Уорфа «Язык, сознание и реальность» (Language, mind and reality, 1941), написанной им по приглашению теософского журнала Theosophist, базировавшегося в Мадрасе, Индия, в последний год жизни автора. В статье заново формулируется «принцип лингвистической относительности», говорящий об обусловленности картины мира говорящего грамматикой его языка, и разрабатывается критика западной науки с точки зрения теософских воззрений Уорфа. Перевод данной статьи выполнен А.А. Веретенниковым.

Ключевые слова: Уорф, язык, относительность

LANGUAGE, MIND, AND REALITY

Benjamin Lee Whorf

This text is a translation of an article of B.L. Whorf “Language, mind and reality” (first published in 1941). The text was originally written for the journal Theosophist (India) during the last year of Whorf’s life. The article contains a formulation of the principle of linguistic relativity that relates to the idea of that the world picture of a user of a language depends on the grammar of the language she is using. The article also contains a critique of the Western science from Whorf’s theosophist perspective. The paper was translated in Russian by Andrey A. Veretennikov.

Keywords: Whorf, language, mind, reality, relativity

I

Не нужно быть слишком прозорливым, чтобы увидеть – в наше время наука, Великий Первооткрыватель современной западной культуры, сама не желая того, достигла своей границы. Науке нужно либо забыть о своем былом, очистить ряды и продвигаться вперед во все более странные области, полные шокирующих для ограниченного культурой понимания открытий, ибо стать, согласно выразительной фразе Клода Хугтона, плагиатором собственного прошлого. В основных чертах эта граница распознавалась довольно давно и ей было дано имя, в наши дни связанное с мифом. Это имя – Вавилон. Долгая и героическая борьба науки за то, чтобы быть чисто фактической, наконец привела ее в столкновение с неожиданными фактами языкового характера. Старая, классическая наука не признавала, не рассматривала и не понимала это как факты. Вместо этого они проникли в ее жилище с черного хода и уже считаются субстанцией самого Разума.

* Перевод подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-33-01043 «Семантика и прагматика контекстной зависимости для убеждений с индексным компонентом». Перевод выполнен по оригинальному изданию: [Whorf, 1942].

То, что мы называем «научным мышлением», есть специализация западного индоевропейского типа языка, в которой выработаны не только множество различных диалектов, но даже множество различных диалектов. Сегодня эти диалекты становятся взаимно непереводимыми. Например, термин «пространство» не означает и не может означать одно и то же для психолога и физика. Даже если небеса станут твердью и психологи твердо решат использовать «пространство» только со значением, придаваемым ему физиками, они не более смогут этого сделать, чем англичанин, использующий в английском языке слово ‘*sentiment*’ (эмоция) в значениях, которые одинаково пишущееся, но функционально отличающееся выражение *le sentiment* (переживание, искаженное эмоцией) имеет в своем родном французском.

Сказанное выше не является простой путаницей в терминах, с которой бы с легкостью справился опытный переводчик. Проблема гораздо труднее, чем это может показаться на первый взгляд. Каждый язык и каждый связный технический жаргон включает в себя определенные точки зрения, равно как и определенные устоявшиеся узлы сопротивления для расходящихся с ним взглядов. Тем более это так, если язык не рассматривается как всепланетное явление, но, как обычно и бывает, принимается как данность, и локальные, местные разновидности, используемые отдельно взятым мыслителем, считаются исчерпывающими его полностью. Такие точки сопротивления не только искусственно изолируют отдельные науки друг от друга; они не позволяют научному духу в целом сделать следующий великий шаг в развитии, раскрывший бы беспрецедентные перспективы и полностью оторвавший бы его от традиций. Определенные языковые шаблоны, долгое время почитаемые как чистый Разум *per se* и вплетенные в матрицу европейской культуры, из которой и произошли науки, уже выработали весь свой потенциал. Даже в науке чувствуется проблема с видением чего-то, что может быть очень значимым аспектом реальности, от правильного рассмотрения которого может зависеть весь будущий прогресс в понимании вселенной.

Таким образом, одним из важнейших будущих шагов западного познания является пересмотр его языкового основания и, в этой перспективе, мышления вообще. Моя задача в раскрытии этой темы перед теософской аудиторией не заключается в подтверждении или выдвижении какой-либо теософской теории. Скорее, из всех групп по интересам, что я знаю, теософы кажутся наиболее способными к восприятию новых идей. Моей же задачей является донесение идеи до всех, кто, в случае если западная культура переживет нынешнюю волну варварства, может оказаться руководящим реорганизацией всего будущего человечества.

Данная идея слишком радикальна, чтобы быть схваченной в одной фразе. Лучше я оставлю ее безымянной. Согласно ей, ноуменальный мир, мир гиперпространства и высших измерений еще ожидает

своего открытия науками. Он объединит их и унифицирует в своем первом аспекте, царстве шаблонных отношений, непостижимо многогранных и одновременно сродных с богатейшей и систематичной организацией языка, включающей *au fond*¹ математику и музыку, его ближайших родственников. Эта идея старше Платона, и одновременно настолько же нова, как наши наиболее революционные мыслители. Она подразумевается в мире понимающих отношений Уайтхеда, в теории относительности с ее четырехмерным континуумом и тензором Римана-Кристоффеля, суммирующим свойства мира в каждой точке-моменте. Однако одна из ее наиболее подстегивающих мысль современных презентаций, и я полагаю, наиболее оригинальная из них, заключена в *Tertium Organum* Успенского². Все, что я могу сказать нового по поводу этой темы, заключается в *предчувствии в языке* неведомого, большого мира, такого, где физическое является только поверхностью или оболочкой, но в котором мы *находимся* или *принадлежим*. Сам подход к реальности через математику, который только начинает современное познание, есть просто один из подходов через это отношение к языку.

Из данного подхода следует, что названное мною шаблонами есть базовое в подлинно космическом смысле, и что шаблоны формируют целое, наподобие Gestalten в психологии, включающиеся в большие общности в постоянной прогрессии. Таким образом, космическая картина имеет серийный или иерархический характер, то есть прогрессии планов или уровней. Не обладая пониманием такого серийного порядка, различные науки вычленяют сегменты из мира, возможно, нарушающие расположение его естественных уровней, или резко останавливаются когда, переходя с уровня на уровень, явления меняют свой тип или выходят за пределы возможностей старых методов наблюдения.

В лингвистике как науке факты языкового характера принуждают к признанию наличия различных уровней, каждый из которых явно задается порядком формирования наблюдаемых шаблонов. Здесь происходит нечто вроде того, как если бы мы, смотря на стену, расписанную тончайшими кружевами, обнаружили, что кружева являются лишь основой для более крупного, но все еще тонкого рисунка из мельчайших цветов, а заметив это, увидели, что множество пропусков среди кружева составляют новый шаблон, наподобие орнамента, где группы образуют буквы, которые, будучи правильно прочитанными, превращаются в слова, находящиеся в определенном порядке по отношению к друг другу и описывающие некоторые сущности. А в результате такого перекрестного анализа мы бы обнаружили, что наша стена оказалась великой книгой мудрости!

¹ В основании (фр.) – примеч. пер.

² П.Д. Успенский (1878–1947) – русский эзотерик, писатель, ученик и коллега Г.И. Гурджиева. – прим. пер.

Во-первых, уровень «под» чисто языковыми явлениями представляет собой физические, акустические явления, сплетаемые из звуковых волн. За ним следует уровень сходств в сокращающихся мышцах и органах речи, физиологически-фонетический уровень, формирующих то, что представляет собой упорядоченное множество из согласных, гласных, ударений, интонаций в каждом языке. Затем лежит морфофонемический уровень, на котором «фонемы» с предыдущего уровня оказываются скомбинированы в «морфемы» (слова и части слов, наподобие суффиксов и т. д.). Следующим будет уровень морфологии, после чего уровень сложного, по большей части бессознательного упорядочивания, обозначаемого бессмысленным словом «синтаксис» и так далее, к тем уровням, полное значение которых однажды паразит и ошеломит нас.

Речь есть лучший спектакль человека. Это его собственный номер на сцене эволюции, в котором он выступает на фоне космических декораций, производя нечто действительно свое. Однако мы подозреваем, что наблюдающие за нами боги знают наперед – переходящая в великолепную кульминацию последовательность удивительных трюков была украдена у Вселенной!

Незнакомая современному миру идея о внутреннем родстве природы и языка была многие века известна различным высоким культурам, более древним, чем западноевропейская. В Индии ее частью были *мантры* и связанное с ними искусство. На самом простом культурном уровне мантры представляют собой заклинания или примитивную магию, наподобие магии самых грубых культур. В высокой же культуре они могут обладать иным, высокоинтеллектуальным смыслом, имеющим отношение к внутреннему родству языка и космического порядка. Еще на более высоком уровне они становятся «мантра-йогой». В ней мантра превращается во множество осознанных приемов, предназначенных для помощи и, как следствие, управления сознанием в области ноуменального мира форм. Благодаря этому они могут *настроить* человеческий организм на передачу, управление и тысячекратное усиление энергий, которые организм обычно передает на самых незаметных частотах.

Аналогично этому, математическая формула, позволяющая физика располагать катушки проводов, пластинок из жестяной фольги, перемычек и прочих вполне пассивных и невинных приспособлений таким образом, чтобы создать нечто, что будет транслировать музыку в самые дальние уголки земли, помещает его сознание на непостижимый для обычного человека уровень. Она же позволяет осуществить переход материи на такой уровень, при котором становится возможным необычное проявление силы. Прочие формулы делают возможным такое расположение электромагнитных катушек и проводов в электростанции что, когда катушки (или, скорее, поле тонких сил,

внутри и вокруг них) приводятся в движение, сила проявляется таким образом, что результат мы называем электротоком. Мы не думаем о проектировке радио- или электростанции как о языковом процессе, однако это именно так. Необходимая для него математика представляет собой лингвистический аппарат, а без его правильной настройки или калибровки устройства останутся неподвижными. Математика, использованная в приведенных примерах, представляет собой *специализированный* формульный язык, созданный для того, чтобы стало возможным проявление через металлические тела особой силы, а именно, электричества, как мы это сегодня называем. У формульного языка мантр специализация иная, предназначенная для проявления иных сил, и предназначена она для изменения состояний нервной системы и желез или, опять же, в области «электронных» или «эфирных» сил внутри или вокруг этих физических тел. До того, как было произведено стратегическое перераспределение, эти части организма представляли собой просто «невинные устройства», настолько же неспособные к проявлению динамических сил, как распущенные электромагнитные катушки и провода. Однако в *правильной конфигурации* они оказываются чем-то иным, способным на усиление и активацию дремлющих сил. В то же время эти способности нельзя понять, исходя лишь из свойств отдельных частей.

Исходя из этой перспективы я бы хотел связать восточные идеи мантрического и йогического использования языка с так глубоко ему присущим конфигуративным или формообразующим свойством. Это приводит к наиболее важной части моего рассказа. Мы должны больше узнать о языке! Уже сейчас мы знаем о нем достаточно для утверждения, что он не является тем, чем кажется большинству людей, и ученых в том числе. То обстоятельство, что мы не прилагаем никаких усилий для устной речи, и даже не подозреваем об используемых нами чрезвычайно сложных механизмах, создает определенную иллюзию. Мы думаем, что знаем, как это происходит, что не остается никакой загадки, что у нас есть все ответы. Увы, это ложные ответы! Здесь можно провести аналогию с картиной мира, предоставляемой органами чувств: она проста, разумна и не оставляет желать ничего лучшего, однако весьма далека от истины.

Рассмотрим то, каким мир представляется самому мудрому из нас и обладающему наибольшим жизненным опытом, и кто в то же время не знает ничего о том, что наука открыла о Космосе. Для него земля – плоская; солнце и луна – светящиеся объекты небольшого размера, восходящие ежедневно над ее восточным краем, проходящие через верхние части атмосферы и исчезающие за западным. Очевидно, что они проводят ночь где-то под землей. Небо представляет собой перевернутую чашу из какого-то голубого вещества. Звезды, маленькие, но не слишком удаленные объекты, кажутся живыми, как

будто «выскакивающими» из неба каждый вечер и прячущихся на восходе, наподобие кроликов или змей. Словосочетание «Солнечная система» для него ничего не значит, а понятие «закон тяготения» маловразумительно, более того, даже бессмысленно. Для него тела падают не потому, что подчиняются закону тяготения, но «в силу того, что ничего их не поддерживает», то есть потому, что он не может себе представить ничего иного. Он не может помыслить пространство без «верха» или «низа», даже без «востока» и «запада». Для него сердце не качает кровь и не существует кровообращения: ему кажется, что это место, где находятся любовь, доброта и мышление. Охлаждение есть не вывод теплоты, но добавление «холода», листья зелены не в силу содержащегося в них химического вещества «хлорофилл», но в силу содержащейся в них «зелености». Опровергнуть его представления будет невозможно. Он будет настаивать на них как на ясном и практичном здравом смысле, они достаточны для него в силу их полной адекватности в качестве *системы коммуникации* между ним и его соплеменниками. То есть они *лингвистически* адекватны его социальным нуждам и будут оставаться таковыми, пока не появятся новые запросы, и язык не сможет на них ответить.

Все мы, от дикаря до ученого, настолько же далеки от истины в наших представлениях о языке, насколько заблуждается в вопросе о строении физической вселенной этот мудрец. Только недавно лингвистическая наука начала понемногу проникать в это царство, и ее открытия все еще неизвестны другим дисциплинам. Естественный человек, будь то человек с улицы или ученый, знает о влияющих на него лингвистических силах не больше, чем дикарь о силах гравитации. Он полагает говорение деятельностью, в которой он свободен от каких-либо ограничений. Он считает его простой и прозрачной активностью, объяснить которую весьма несложно. Однако эти объяснения оказываются ничем иным, как выражением его *потребностей в коммуникации*. Они не присущи самому процессу его общения. Например, он скажет, что думает о чем-то и подбирает слова по мере «поступления» мыслей. Однако, объяснение, какие именно мысли подходят для облачения в слова, оказывается просто рассказом о его социальных потребностях в данный момент. Этот ответ не прольет никакого света, но свет его и не интересует, так как процесс говорения вполне отвечает всем его социальным нуждам. Таким образом он ложно предполагает, что мышление есть очевидная, непосредственная активность, одинаковая для всех рациональных существ, прямым выражением которой является язык.

Мышление действительно представляется наиболее загадочным явлением, но пока что наибольший свет был пролит на него исследованиями языка. Они показывают, что формы мышления подчиняются непреклонным, моделирующим их законам, о которых субъект и не

подозревает. Эти шаблоны есть неощутимые, сложные систематизации его языка, без труда выявляемые при помощи беспристрастного сравнения и противопоставления с другими языками, в особенности принадлежащими иной языковой группе. Само его мышление находится в языке, будь то английский, санскрит или китайский³. Каждый язык есть обширная, отличающаяся ото всех прочих, система шаблонов, в которой культурно предопределены формы и категории, посредством которых индивид не только коммуницирует, но также анализирует природу, обращает внимание на типы связей и явлений или игнорирует их, передает свои рассуждения и строит здание своего сознания.

Данная доктрина нова для западной науки, однако она покоится на неоспоримых свидетельствах. Более того, она или что-то на нее похожее известно философским школам Индии и современной теософии. Это обстоятельство сокрыто тем фактом, что философский санскрит не имеет точного аналога моего термина «язык» как лингвистический порядок в широком смысле. Данный порядок охватывает весь символизм, все символические процессы, все процессы референции и логики. Термины наподобие *Nāma* относятся скорее к подразделам этого порядка, таким как лексический или фонетический. Скорее всего, ближайшим эквивалентом является *Manas*, которому наше слово 'mind' (ум) соответствует лишь в некоторой мере. *Manas* в широком смысле есть одна из основных иерархических степеней в мировой структуре или, как говорят, «монастический уровень». В данном случае «ментальный уровень» снова может запутать носителя английского языка. Английское 'mental' не вполне удачное слово, чья функция в нашей культуре часто требует рационального объяснения в силу того, что оно коннотирует скорее туманный лимб, а не оформленный шаблонами космический структурный порядок. Впрочем, иногда *Manas* используется для обозначения индивидуальной психики; именно это, согласно Фрицу Кунцу имеет место в знаменитом высказывании из *Голоса тишины*: «Ум есть великий разрушитель реальности».

Как говорят, уровень *Manas* разбивается на два больших подуровня, а именно *Rūpa* и *Arūpa*. Нижним является царство «имени и формы», *Nāma* и *Rūpa*. Здесь «форма» означает расположение в пространстве (в «нашем», трехмерном пространстве). Это весьма далеко от полного совпадения по объему с «шаблоном» даже в самом общем смысле. В то же время, *Nāma* или «имя» не есть язык или лингви-

³ Забегая вперед, отметим, что «мышление в языке» вовсе не обязательно использует слова. Никогда не слышавший о словах «время» или «род» неотесанный индеец племени чокто настолько же легко сравнивает время или род двух выражений, как и самый умелый филолог. Значительная часть мышления вообще не облачается в слова, но обращается с целыми парадигмами, классами слов, а такого рода грамматические порядки находятся «за» или «над» фокусом индивидуального сознания.

стический порядок, но только лишь один его уровень, «лексации» или именованья словами частей всего многообразия опыта, которые тем самым помещаются в частичную изоляцию друг от друга. Таким образом, слова наподобие 'sky' (небо), которые в английском можно использовать и как «доска», «подмости» (*the sky, a sky, skies, some skies, piece of sky* и т. д.), ведет нас к мысли о простой оптической иллюзии, в смысле применимости к относительно изолированным твердым телам. «Холм» или «болото» ведут нас к восприятию местных особенностей ландшафта или состава почвы в качестве самостоятельных *вещей*, наподобие столов и стульев. Каждый язык совершает это искусственное разделение неразрывного пространства, потока существования по-своему. Слова и речь не есть одно и то же. Как мы увидим, шаблоны структуры предложения, управляющие словами, более важны, чем сами слова.

Таким образом, уровень *Rūpa* и *Nāma* – сегментация формы и словарь – являются частью лингвистического порядка, но довольно рудиментарной и несамостоятельной. Она зависит от более высокого уровня организации, на котором появляется *комбинаторная схема*. Это уровень *Arūpa*, мир шаблонов по определению. *Arūpa*, «бесформенное» не означает ничего без лингвистической формы или организации, но даже без отсылки к пространственной, визуальной форме или указанию на место, как мы видели на примере «холма» и «болота», является важной чертой референции на лексическом уровне. *Arūpa* есть царство шаблонов, которые могут «актуализироваться» во времени и пространстве на материале нижних уровней, но сами не имеют к ним никакого отношения. Такого рода шаблоны скорее похожи не на значения слов, но на то, каким образом значение проявляется в предложениях. Не похожи они и на отдельные предложения, но на *схемы* предложений или модели структуры предложений. Наши индивидуальные сознающие «умы» могут лишь в самых общих чертах схватить такого рода шаблоны. Это происходит посредством использования математических или грамматических формул, в которые на места переменных подставляются слова, значения, количества и так далее. Ниже я предоставлю один простой пример.

Вполне в силах «культуры сознания» контактировать с уровнем *Arūpa* «ментального пространства» напрямую при расширении сознания. В книге Успенского под названием «Новая модель сознания» представлены поразительные проблески необычных ментальных состояний, которых достиг этот философ. Но только лишь в виде намеков, так как эти полностью «невербальные» перспективы ускользают от словесного выражения. Он говорит о царстве «движущихся иероглифов», состоящих полностью из «математических отношений», о расширении и разветвлении такого «иероглифа» до тех пределов, когда он покрывает часть вселенной. По всей видимости, к подобным

аналогиям вели математические пристрастия Успенского и его изучение таких областей, как неевклидовы геометрии, гиперпространство и отношение между временем и сознанием. Математика есть особый язык, происходящий от особых предложений, содержащих слова-цифры: 1, 2, 3, 4, ... x, y, z и так далее. Однако, каждый тип предложения любого языка есть потенциальное ядро всеохватной системы. Очень немногим удастся достичь постоянства такого типа сознания, однако многие математики и научные лингвисты, должно быть, имели опыт «видения», в одной мимолетной вспышке, всей системы отношений, формирующей единство, о котором до того и не подозревали. Потрясение от гармонии и научной красоты всей обширной системы преобразуется в поток эстетического наслаждения. Например, «видеть», как все элементарные звуки английского языка («фонемы») и их сочетания управляются изящным и в то же время систематичным законом во всех возможных формах английских односложных слов, и неважно, обладающих ли значением или бессмысленных, существующих или которые еще появятся на свет, или исключаются им же с такой же неизбежностью как химическая формула соединения не дает никаким, кроме лишь особых форм кристаллов, появиться на свет – это должно быть ни на что не похожим переживанием.

Для того, чтобы показать этот закон или шаблон, так называемую «морфо-фонемическую структурную формулу», мне потребуется много бумаги. Однако я могу представить ее в сокращенном виде как⁴

$$\begin{aligned} O, C - ng, C_1 C_2, C_3 C_4, \text{ etc. } \dots \\ s \pm CmCn + V + (V1) O, \pm (r, w, y); \\ C - h, C'_1 C'_2, C'_3 C'_4, \text{ etc. } \dots \\ C'mC'n \pm (t/d, s/z, st/zd). \end{aligned}$$

Эта формула предполагает, что слова английского языка символизируются или «записываются» согласно стандартной фонемической записи Леонарда Блумфилда из его книги «Язык». В этой системе дифтонгические гласные должны репрезентироваться чистой гласной (V), за которой следует w или y из термина (r, w, y) таким образом, что 'note' записывается *nowt* (или *newt*, в зависимости от диалекта), 'date' будет *deyt*, а 'ice' – *ays*. На физическом или акустическом уровне корректность данного анализа показывается тем, что если мы запустим фонограмму 'ice' наоборот, то получим звук наподобие *suɑ*, а если правильно произнесем *suɑ* в фонограф и обратим запись, то машина произнесет 'ice'. Для английского языка этот анализ точен и на структурном уровне, находящемся на два уровня выше акустического, так как ys из *ays* (ice), по всей видимости, управляется тем же шаблоном,

⁴ Приведенное здесь является сокращением. Формула в полном виде напечатана и объяснена в моей статье «Лингвистика как строгая наука» [Whorf, 1940].

что и *ls* или *els* (else), *ns* из *sins* (since), *ts* из *hats* и так далее. То есть является частью общей архитектурной схемы, управляющей двумя согласными.

Теперь, читая кавычки в формуле как «или», мы видим, что формула эквивалентна обширной серии подформул. Одной из простейших является $O + V + C - h$ (обратите внимание, как она входит в исходную формулу), означающая, что слово может начинаться не с согласной, но с любой гласной, за которой следует любая согласная, за исключением *h*, и дающая нам слова ‘at, or, if’. **Заменяя первый термин** на следующий за ним символ в исходной формуле, получаем $C - ng + V + C - h$, означающую, что слово, оканчиваясь, как и прежде, может начинаться с любой одиночной согласной английского языка, за исключением звука *ng*, как в ‘sing’ (этот звук должен записываться *одним* символом, но я использую стандартную лигатуру из уважения к наборщику). Данный шаблон дает нам обширную совокупность слов наподобие ‘hat, bed, dog, man’ и позволяет образовывать новые, такие как ‘tig, nem, zib’ но, надо отметить, не *ngib* или *zih*.

Пока что мы рассматривали простые шаблоны. Но с этого момента они становятся сложными! В этом сокращенном виде формула требует дополнения в виде серий упорядоченных согласных, чего-то наподобие списков, каждый из которых будет представлен в виде одним из символов C_1, C_2 и так далее. Формула $C_1 C_2$ означает, что слово может начинаться с любой согласной из списка C_1 и продолжиться любой из списка C_2 , который содержит только *r* и *l*. Например, так как C_1 содержит только *p, b, f*, то мы можем образовывать слова наподобие ‘pray, play, brew, blew, free, flee’ и бессмысленные ‘frig, blush’ и так далее. Предположим, нам нужно слово, начинающееся с *sr, zr, tl* или *df*. Мы обращаемся к списку C_1 но, к нашему удивлению, в нем нет *s, z, t* или *d*. **Кажется, мы зашли в тупик! Пробуем другие списки, но результат тот же.** Согласно формуле, для получения такого рода исходных комбинаций не существует способа объединения наших списков. Очевидно, нет никаких слов английского языка, подобных этим. Более того, любой подражатель Льюиса Кэрролла или Эдварда Лирса почему-то откажется от их использования. Это показывает, что создание новых слов не является делом буйной фантазии, даже в самых диких и бессмысленных версиях, но использованием уже имеющихся материалов по жесткой схеме. Если мы попросим носителя языка изобрести формы, которые уже не заложены в его языке, он отреагирует так же, как если бы мы попросили его сделать яичницу-глазунью без яиц!

Таким образом, формула описывает любую комбинацию, которую могут образовывать односложные слова и словоформы, отбрасывая все, что они породить не могут. В ней содержится *mpst* из ‘glimpsed’, *ksths* из ‘sixths’, *fhth* из ‘he fithed it’, *nchst* из странного, но возможного ‘**thou munchst it greedily**’ и множество прочих «гру-

бых звуков, смягчившихся для нас», но которые бы «заставили бы и Квинтилиана перевести дух⁵». В то же самое время формула исключает многочисленные благозвучные, но в силу невключенности в шаблон, трудные для нас комбинации, наподобие *litk, fpat, nweing, dzogb* и множество других, все из которых возможны и бесппроблемны для некоторых языков, но не для английского.

Станет очевидным, что в наши односложные слова встроена невообразимо тонкая организация, и что старая шутка насчет выражения своих мыслей односложными словами как метафора умственной простоты с этой точки зрения представляет собой сущую чепуху! В то же время, для такого взгляда это старое клише, само того не подозревая, несет зерно истины, согласно которой те, кто легко и бегло использует сложные системы языка, в принципе не подозревают о существовании подобных систем до тех пор, пока они не будут, минуя различные препятствия, представлены на всеобщее обозрение.

В данном случае весьма уместна поговорка «что сверху, то и снизу». Снизу, на фонологическом уровне языка, значимое поведение управляется шаблоном, находящимся вовне фокуса индивидуального сознания. Это же происходит и на высших уровнях языка, которые мы называем выражением мысли. Как мы увидим во второй части, мышление также следует по той или иной колее, проложенной в отдельном языке, организуясь так, что оно может сосредотачиваться на отдельных аспектах реальности и разума, систематически исключая иные, включенные в другие языки. Индивид не имеет ни малейшего понятия об этой организации и полностью скован ее неразрушимыми цепями.

II

В первой части мы видели, как значимое поведение (или, что то же самое, и поведение, и значимость, связанные между собой) в лингвистических и ментальных явлениях управляется особой системой или организацией, «геометрией» принципов формирования, особых для каждого языка. Эта организация существует извне узкого круга индивидуального сознания, делая его марионеткой, лингвистические действия которой управляются неощутимыми и неразрушимыми нитями шаблона. Выглядит это так, как будто индивидуальный ум, выбирающий слова, но не подозревающий об общем шаблоне, находится на поводе у более высокого, более интеллектуального ума, который слабо представляет себе дома, кровати или кастрюли с супом, но может систематизировать и математизировать в степени и объеме, которых даже отдаленно не добился ни один ученый-математик.

⁵ Цитата из переписки Джона Мильтона (1608–1674) – примеч. пер.

Все человеческие существа в данном отношении одинаковы и являются братьями друг другу. Насколько мы можем судить из системы языка, высший ум или «бессознательное» охотника за головами из Папуа и Эйнштейна обладает равными способностями к математике. И наоборот, ученый и деревенщина, исследователь и дикарь – все используют свое индивидуальное сознание с одинаковой степенью глупости и попадают в схожие виды логических затруднений. Точно так же, как пастух ничего не знает о космических лучах, они не знают ничего об управляющих ими прекрасных и неумолимых системах. Их понимание процессов, из которых состоят их речь и мышление, является весьма поверхностным, прагматичным, наподобие того, как маленькая Сью Смит понимала радио – оно нужно для сказки на ночь. Часто даже пытаются выставить это невежество в качестве добродетели и заклеить попытки лучше понять работу человеческого ума как «непрактичные» или «теории», если обвиняющий деревенщина, либо как «метафизику», «мистику» или «эпистемологию», если он носит соответствующую традиции мантию ученого. В частности, в западной культуре исследователям языка наиболее сложно добиться малейшего признания, в то время как естественная человеческая склонность обнаруживает язык, таинственный предмет сам по себе, удивительным. О нем обожают рассуждать и спекулировать ненаучно, бесконечно обсуждая значения слов, странность речи бостонца, как она кажется индейцу Ошкош или наоборот.

Высший разум кажется способным к любым чисто интеллектуальным действиям, но не к тому, чтобы «осознавать» на индивидуальном уровне. То есть он не фокусируется на практических проблемах и индивидуальном эго в его частном, непосредственном окружении. Определенные сны и исключительные ментальные состояния могут вести нас к предположению, что он осознает на своем уровне, а иногда это сознание может «прорваться» к персональности, но, если не использовать техник наподобие йоги, он никак не связан с индивидуальным сознанием. Мы можем называть его высшим эго, с учетом одной отличительной особенности, проявляющейся в каждом языке и его удивительным сходством с индивидуальной самостью, а именно, оно организует свои системы вокруг ядра из трех или более местоименных «персональных» категорий, сосредоточенных вокруг той, что мы называем первым лицом единственного числа. Оно может работать в любой лингвистической системе, ребенок может одинаково хорошо усвоить любой язык, от китайского, с его отдельной тональной окраской и ударениями в односложных словах, до Ноотка ост-

рова Ванкувер, с его однословными предложениями, наподобие *mamamamahln'igk'okmaqama* – «каждый из них сделал так, потому что они напоминали белых людей»⁶.

В силу систематизирующей, конфигурирующей природы высшего разума, аспект «шаблонизации» в языке всегда превосходит и управляет «лексацией» (*Nāma*) или именуемым аспектом. Как следствие, значения отдельных слов менее важны, чем мы обычно считаем. Не слова, но предложения являются сущностью речи, точно так же, как и уравнения и функции, но не просто числа, лежат в основе математики. Мы ошибаемся, веря в то, что любое слово обладает «точным значением». Высший разум оперирует с символами, не обладающими фиксированной референцией, эти символы подобны пустым банковским чекам, заполняемым по мере необходимости, под них можно подставить любое значение переменной, точно так же, как *S* и *V* из формулы, указанной в части *I* или *x*, *y*, *z* алгебры. Западное представление о том, что древние, изобретая алгебру, совершили великое открытие, представляется весьма странным, учитывая то, что человеческое бессознательное делало то же самое тысячелетиями! То же самое можно сказать о древних майя или древних индусах и их поразительных наслаивающихся друг на друга циклах астрономических чисел – они были просто людьми. Однако мы не должны совершать ошибки, думая, что слова, даже как они используются индивидуальным умом нижнего уровня, представляют собой противоположность этим переменным символам, что слово действительно обладает точным значением, представляет одну вещь, или является лишь *одним* значением переменной.

Даже низшему уму свойственно частичное понимание алгебраической природы языка; такой, что слова находятся между переменными символами чистого шаблонирования (*Arūpa*) и истинных фиксированных количеств. Часть значения, находящаяся в словах, и которую мы можем называть «референцией» зафиксирована только относительно. Ею управляют предложения и грамматические формы, в которые она входит. Удивительно, до какого минимума можно довести этот элемент референции. Предложение «я прошел всю дорогу туда только, чтобы увидеть Джека» содержит только одну фиксированную референцию, а именно «Джек». Остальное является шаблоном, ни к чему специально не относящимся; очевидно, что даже «увидеть» не означает предположения о визуальном изображении.

⁶ Это словопредложение содержит только одну *Nāma* или лексацию, *mamah* или «человек белой расы». Остальное является грамматическим шаблоном, который может относиться к чему угодно. Корень Ноотка или *Nāma* для «куклы», подвергнутый тем же самым операциям, будет значить «каждый из них сделал это в силу своей кукольности».

В референции слов мы оперируем с размером, разбивая его на классы: малый, средний, большой, огромный и так далее. Но, объективно, размер не разделяется на классы, это чистый континуум относительности. В то же время мы думаем о размере как о множестве из классов, так как язык расчленил и поименовал опыт именно таким образом. Слова, относящиеся к числам, могут относиться не к числу, как в счете, но к пересчету классов с растяжимыми границами. Таким образом, **'few' (немного) английского языка изменяет свой объем в зависимости от размера, важности или редкости референции.** «Немного» королей, линкоров или бриллиантов может быть тремя или четырьмя, «немного» горошин, капель или чайных листьев может быть тридцатью или сорока.

Здесь можно возразить: «Да, это верно относительно таких слов, как большой, маленький и им подобных; они очевидно являются относительными выражениями, но такие слова, как собака, дерево, дом, – это другое дело, они обозначают определенный предмет». Это не так, и указанные слова относятся к тому же типу что и «большой», и «маленький». Слово «Фидо», произнесенное определенным человеком, может относиться к конкретному предмету, но слово «собака» относится к классу с растяжимыми границами. Границы таких классов различны в зависимости от конкретного языка. Можно предположить, что «дерево» означает везде и для всех одно и то же. Это совсем не так. В польском языке слово, которое означает «дерево» также включает в себя значение «древесина». Контекст или модель предложения определяет, к какому объекту слово на польском (или любое слово, в любом языке) относится. На Хопи, языке американских индейцев Аризоны, слово «собака», *pohko*, включает в себя любого питомца или домашнее животное. Таким образом, «домашний орел» на Хопи – это в буквальном смысле «орел-собака», и имея при этом фиксированный контекст, можно обращаться к тому же орлу, как к чьему-то *pohko*.

Если мы посчитаем указанные обстоятельства странностями «примитивного» языка (хотя ни один язык не является «примитивным»), то обратимся еще раз к нашему собственному, английскому. Возьмем слово 'hand' (рука). Оно относится в 'his hand' (его рука) к области человеческого тела, в 'hour hand' (стрелка часов) – к явно отличающемуся объекту, в 'all hands on deck' (свистать всех наверх) – имеет иную референцию, в 'a good hand at gardening' (искусный в садоводстве) – к совсем другому, в 'he held a good hand (at cards)' (ему выпала хорошая карта) – еще к чему-то, в то время как 'he got the upper hand' (он преодолел) относится ни к чему в отдельности, но растворяется в шаблоне ориентации. Или рассмотрим слово 'bar' (прут) во фразах: 'iron bar' (железный прут), 'bar to progress' (препятствие на пути к прогрессу), 'he should be behind bars' (ему место за решеткой), 'studied for the bar' (учился на юриста), 'let down all bars' (с открытым

забралом), ‘bar of music’ (музыкальная фраза), ‘sand bar’ (песчаная отмель), ‘candy bar’ (конфета), ‘mosquito bar’ (противомоскитная сетка), ‘bar sinister’ (бастард), ‘bar none’ (без исключения), ‘ordered drinks at the bar’ (заказал в баре напитки)!

Все же можно заметить, что это все обыденные идиомы, не относящиеся к научному и логическому употреблению языка. Неужели? «Электрический» считается словом науки. Знаете ли вы его референт? Знаете ли вы, что «электрический» в «электрическом аппарате» не тот же, что в «специалист по электричеству»? В первом случае оно относится к электрическому току в аппарате, но во втором – отнюдь не к току в специалисте. Когда слово наподобие «группы» может относиться либо к последовательности фраз во времени, либо к куче статей на полу, его референциальный элемент незначителен. Референты научных слов часто достаточно расплывчаты, в частности, когда они управляются шаблонами, в которые входят. Стоит предположить, что это свойство, имеющее самое отдаленное отношение к мещанству, наиболее ярко выражено в интеллектуальной речи, и – *mirabile dictu* (странно сказать) – в языке поэзии и любви! Это и должно быть так, в силу того, что наука, поэзия и любовь сходны в своей «оторванности» от рабского мира буквального значения и банальных прозаических деталей, своими попытками расширить жалкую узость индивидуальной точки зрения, своим вознесением к *Arūpa*, к миру бесконечной гармонии, симпатии и порядка, неизменных истин и вечных вещей. В то время как все слова достаточно жалки в своей «убийственной буквальности», очевидно что научные термины, наподобие «сила, средний, пол, аллергический, биологический» жалки не менее и по-своему не более определены, чем «милый, роскошный, восторг, очарование, привязанность, мечтательность». Вы возможно слышали о ‘star dust’ (звездная пыль) – но что это? Множество ли это звезд, пудра с блестками, почва планеты Марс, Млечный путь, состояние мечтательности, поэтическое преувеличение, горячий порошок, спиральная туманность, пригород Питтсбурга или популярная песня? Вы не можете сказать, и никто не сможет. Слово, являясь единственной лексацией, не двумя, не обладает своей собственной референцией. Некоторые слова именно таковы⁷. Как мы уже видели, референция является меньшей, чем шаблон, частью значения. Наука, как поиск истины, есть разновидность божественного помешательства, как любовь. А музыка, разве она не из той же области? Да, музыка есть квазиязык, основанный целиком на шаблонах и без разработанного словаря.

Иногда власть шаблона над референцией ведет у удивительным вещам, например когда шаблон придает значения, не имевшиеся в изначальной референции лексации. Низший разум находится в заме-

⁷ Сравните ‘kith’ и ‘throe’, не обладающие значением, но приводящие в замешательство без шаблонов ‘kith and kin’ и ‘in throes of’ (родня, посреди).

шательстве, не может схватить те формулы, что управляют им, и в отчаянии придается своим излюбленным очевидным типам объяснения, даже «как видится» и «как слышится». Слово ‘asparagus’ (спаржа), под действием чисто фонетических шаблонов английского языка, показанных в формуле из первой части, преобразуется в ‘sparagras’, а так как ‘sparger’ есть диалектная форма ‘sparrow’ (воробей), то мы обнаруживаем ‘sparrow grass’ (спаржа), а затем и теории отношения воробьев к этой «траве». ‘Cole slaw’ (винегрет с капустой) пришло от немецкого *Kohlsalat*, «капустный салат», однако давление шаблона, преобразующее его в ‘cold slaw’ (холодный салат) в некоторых регионах породило новую лексацию ‘slaw’ и новое блюдо ‘hot slaw’ (горячий салат)! Конечно, дети постоянно меняют шаблоны, но давление примеров со стороны взрослых в итоге приводит их язык к норме: они узнают, что Миссисипи не есть Миссис Сиппи, а экватор – не menageric lion (бродячий лев), а imaginary line (воображаемая линия). Иногда сообщество взрослых не обладает нужным для коррекции знанием. В некоторых частях Новой Англии, персидские кошки называются ‘coon cats’, это ведет к мнению, что они являются гибридом между кошками и енотами (raccoon). **Люди, не обладающие познаниями** в биологии, зачастую твердо в этом убеждены, так как давление лингвистического шаблона (имя животного 1 изменяет имя животного 2) позволяет им «видеть» (или, как говорят психологи «проецировать») объективные качества енота на тело кота – они указывают на пушистый хвост, длинную шерсть и так далее. Я знаю один случай, когда женщина, владелица прекрасного ‘Coon cat’, спорила со своим приятелем: «Да ты просто *посмотри* на него, его хвост, глаза – разве ты не видишь?». «Не говори глупостей! – отвечал ее более утонченный приятель. – Подумай о биологии! Еноты не могут скрещиваться с котами, они принадлежат разным семействам». Однако женщина была настолько убеждена в своей правоте, что позвала для подтверждения своих слов известного зоолога. Как говорят, он заметил с поразительной дипломатичностью: «Если вам так нравится думать, то думайте». «Он был еще более жесток, чем ты!», – отрезала она своему приятелю, оставшись при своем убеждении, что ее питомец есть результат скрещивания между развратным енотом и капризной кошкой! В более широкой перспективе, именно так плетется покрывало Майи, иллюзия, рожденная окостенелой индивидуальностью. Мне говорили, что ‘Coon cats’ называются так по имени некоего капитана Куна, привезшего первую из этих персидских кошек в штат Мэн.

В более сложных случаях все мы, не замечая того, проецируем языковые отношения на вселенную, и *видим* их в ней так же, как эта милая женщина *видела* языковое отношение (Coon = raccoon), проявившееся в ее коте. Мы говорим «видишь ту волну», в рамках того же шаблона, как и «видишь тот дом». Но без проекции со стороны

языка никто и никогда не видел отдельную волну. Мы видим лишь поверхность в постоянно меняющемся волнообразном движении. В некоторых языках нельзя сказать «волна», и в этом отношении они ближе к реальности. Хопи говорят *walalata*, «происходит множественное волнение» и могут точно так же, как и мы, указать на одно из мест в нем. Однако, так как волна не может существовать сама по себе, то форма, соотносящаяся с нашим единственным числом, *wala*, не является эквивалентом английского ‘wave’ (волна), но означает «случился всплеск», как когда встряхивают сосуд с жидкостью.

Шаблон английского языка управляет ‘I hold it’ (я держу это) точно так же, как ‘I tear it’ (я разрываю это) и множеством других предложений, относящихся к действиям, приводящим к изменениям в материальном мире. Однако фактически «держать» есть не действие, но состояние относительного расположения. В то же время мы думаем о нем, даже видим, как действие, так как язык управляет данным предложением так же, как он управляет намного более распространенным типом предложений, имеющих дело с движением и изменениями. Мы *приписываем* действие тому, что называем «держать» в силу формулы «существительное + глагол = актер и его действие», являющейся фундаментальной для наших предложений. Таким образом, во многих случаях мы склонны «вчитывать» в природу фиктивные действующие сущности просто в силу того, что наши шаблоны предложений требуют в тех случаях, когда речь не идет в повелительном наклонении, чтобы перед глаголами стояли существительные. Мы обязаны говорить ‘it flashed’ (вспыхнуло) или ‘a light flashed’ (вспыхнул свет), указывая на актора ‘it’ или ‘a light’, **производящего то, что мы называем действием**, ‘flash’ (вспышка). Однако вспышка и свет есть одно и то же, здесь нет ничего, что бы производило действие, и нет самого действия. Хопи говорят *rehpi*. В их языке глаголы могут обходиться без существительных и это придает их языку как логической системе силу для понимания определенных аспектов космоса. Научный язык основан не на языке Хопи, а на западном индоевропейском языке и, также как и мы, иногда видит действия и силы там, где могут быть лишь состояния. Не можем ли мы представить себе то, что ученые, так же как и дамы с кошками, не замечая того, проецируют лингвистические шаблоны определенного типа языка на вселенную, *видя* их там, их проявление на самом теле природы? Изменение языка может преобразовать наше понимание Космоса.

Все сказанное типично для индивидуального сознания низшего уровня, пойманного в ловушку огромного мира, непроницаемого для его методов и использующего свой странный дар языка для плетения покрывала Майи или иллюзии, для создания промежуточной картины реальности и принятия ее за окончательную. Западная культура здесь пошла дальше всех, и в упорной подробности такого промежуточного

анализа и в принятии его за окончательный. Преданность иллюзии была закреплена в западном индоевропейском языке, а путь наружу лежит через более широкое понимание, то, что может предоставить лишь он сам. Это есть «мантра-йога» западного сознания, следующий большой шаг, к которому мы сейчас готовы. Возможно, такая «культура сознания» есть самый подходящий способ достичь великого просветления для западного человека.

Через такое понимание языка достигается новая стадия в братстве всех людей. Научное понимание весьма различных языков, не говорение на них, но анализ их структуры, есть урок братства как универсального человеческого принципа – братства «детей Manas». Оно ведет нас к преодолению границ локальных культур, национальностей, физических особенностей, называемых «расой», к тому, что в своих языковых системах, пусть настолько различных, но в их упорядоченности, гармонии и красоте, в их соответствующих тонкостях и глубоком анализе реальности, все люди равны. Этот факт не зависит от состояния эволюции по отношению к материальной культуре, варварству, цивилизации, моральному или этическому развитию и так далее. Последнее есть наиболее удивительное и шокирующее для заданоевропейца открытие, на самом деле, даже горькая пилюля! Однако это правда, самый грубый дикарь может с легкостью бессознательно оперировать с языковой системой настолько тонкой, многообразно систематизированной и интеллектуально сложной, что для описания ее работы требуется исследование длиной во всю жизнь со стороны наших лучших умов. Монастический уровень и «высшее эго» было дано всем, а эволюция человеческого языка была закончена и распространялась в этой гордой законченности по всей планете задолго до того, как были созданы древнейшие из руин на земле.

Лингвистическое познание ведет к пониманию множества различных и прекрасных систем логического анализа. Благодаря ему точки зрения на мир различных социальных групп, что мы ранее считали чуждыми, становятся вполне понятными. Чуждость становится новым и часто просветляющим взглядом на вещи. Возьмем, например, японцев. Взгляд на них извне, через призму политики их правительства, будет насколько угодно далеким от братской любви. Однако подход к японцам через эстетическую и научную ценность их языка изменяет образ. Именно это значит признать родство на космополитических уровнях духа. Одним из интересных шаблонов их языка является то, что предложение может иметь два по-разному ранжированных подлежащих. Нам знакома идея двух уровней дополнений для глаголов, непосредственной и более отдаленной цели, или прямого и непрямого дополнения, как их обычно называют. Но, вероятно, нам не приходила в голову идея о возможностях применения подобной идеи к подлежащим. Именно она работает в японском языке. Два под-

лежащих – назовем их подлежащим 1 и подлежащим 2 – отмечаются частицами *wa* и *ga*, а диаграмма может показать их вместе с линией к каждому слову-подлежащему, причем две линии сойдутся к тому же утверждению, тогда как предложение английского языка может иметь только один субъект с одной линией к предикату. Примером может послужить то, как можно сказать, что «Япония гориста»: «Япония₁, гора₂ (есть) много»⁸ или «Япония, по отношению к своим горам есть много». «Джон длинноног» будет «Джон₁ нога₂ (есть) длинна». Этот шаблон позволяет сочетать максимальную краткость с максимальной точностью. Вместо расплывчатости нашего «гориста» японец может, с равной компактностью в формулировке, различить «гориста» в смысле, что есть много невысоких гор, от «гориста» в смысле, что горы, немногочисленные по отношению к всей местности – высоки. Мы видим, как логическое использование этого шаблона наделяет японца большими возможностями для точных научных операций с идеями, если эти возможности развивать в правильном направлении.

В людях и культурах, самых невзрачных на внешний взгляд, в тот же момент, когда начинается научное, непредубежденное исследование языка, обнаруживаются неизвестные для западных индоевропейских наречий и ментальностей, изящные, действенные и научные способы выражения. Алгонкинские языки используются очень простыми людьми, индейскими охотниками и рыбаками, но возможности анализа и синтеза в них поразительны. Одним из примеров их особого грамматического изящества является обвиатив. Это значит, что их местоимения имеют четыре лица вместо трех или, с нашей точки зрения, два третьих лица. Данное обстоятельство помогает в сжатом описании сложных ситуаций, в то время как мы вынуждены прибегать к тяжеловесной фразеологии. Обозначим их третье и четвертое лицо числами 3 и 4. Алгонкины могут рассказывать историю Вильяма Телля так: «Вильям Телль призвал своего₃ сына и приказал принести ему₃ его₃ лук и стрелы, которые₄ он₄ ему и принес₃. Он₃ сказал ему₄ замереть на месте и водрузил яблоко на его₄ голове, взяв свои₃ лук и стрелы, сказал ему₄ не бояться. Затем он₃ пронзил стрелой его₄ на его₄ голове, не повредив сыну». Такого рода средства здорово помогли бы в разборе наших сложных юридических затруднений, избавив нас от «части первой части» и «вышеупомянутый истец, должен, со своей стороны» и так далее.

На языке чичева, родственному зулусскому, говорят не обладающие письменностью негры Восточной Африки. В нем есть два прошедших времени, одно для прошедших событий с нынешним результатом или влиянием на настоящее, другое – без такого влияния. Прошрое, зафиксированное во внешних ситуациях, отличается

⁸ «Есть» заключено в кавычки, так как «быть многими» выражается единственным словом глагольного типа. В японском языке множественное число не используется.

от прошлого, зафиксированного лишь в психике или памяти. Здесь нам открывается новый взгляд на *время*. Пусть 1 обозначает первое, а 2 – второе; рассмотрим следующие нюансы языка чичева: я пришел₁ сюда; я пошел₂ туда; он был₂ болен; он умер₁; Христос умер₂ на кресте; Бог создал₁ мир. «Я поел₁» означает, что я не голоден, «я поел₂» означает обратное. Если вам предложили еды, а вы сказали «нет, я поел₁» это будет в порядке вещей, однако если бы вы использовали другое прошедшее время, вы бы произнесли оскорбление. Теософ, говорящий на чичева, мог бы использовать время 1, говоря о прошлой инволюции монад, приведшей мир в нынешнее состояние, в то время как он мог бы использовать время 2 для, скажем, планетных систем в далеком прошлом, не существующих сегодня, и чья эволюция закончилась. Если бы он говорил о реинкарнации, он бы использовал 2-е для событий прошлой инкарнации просто для того, чтобы остаться в их сетке референции, но он бы использовал 1-е для указания на или подразумевания их «кармы». Может быть, эти примитивные народности владеют таким языком, который, если они стали бы философами или математиками, сделали бы их нашими самыми выдающимися мыслителями в области *времени*.

Возьмем для примера язык Кер д'Ален, на котором говорят члены маленького индейского племени в Айдахо. Вместо нашего, простого понятия «причинности», основанного на «заставило это (его) сделать так-то», грамматика Кер д'Ален требует от говорящего различать (что они, конечно, делают автоматически) среди трех каузальных процессов, обозначаемых тремя причинными глагольными формами: (1) рост или питание внутренней причины; (2) добавление или прирост извне; (3) вторичное добавление, например, чего-то, подверженного процессу 2. Таким образом, для того, чтобы сказать «это сделали сладким» они используют форму 1 для сливы, подслащенной при помощи очистки от кожуры, форму 2 для чашки кофе, подслащенного сахаром, форму 3 – для пирожных, подслащенных сиропом из растворенного сахара. Если, при наличии более тонкой культуры, их мыслители превратят эти, в настоящее время бессознательные, различия в теорию троичной каузальности, подходящую для научных наблюдений, они могли бы таким образом создать ценный инструмент для науки. Возможно, *мы* могли бы искусственно сымитировать такого рода теорию, но не смогли бы ее применить, так как *мы* не привыкли с легкостью проводить такого рода различия в повседневной жизни. Понятия имеют своей основой обыденную речь и только потом ученые пытаются использовать их в лаборатории. Даже относительность обладает такой основой в западных индоевропейских языках (как и в других), об этом говорят факты использования в этих языках множества пространственных слов и шаблонов для работы со временем.

С точки современного лингвистического подхода язык заметно влияет и на другие психологические факторы, но особое значение он имеет для музыки, поэзии, литературного стиля и восточных мантр. То, о чем я до сих пор говорил, касается уровня *Manas* в более философском смысле, «высшего бессознательного» или «души» (как это понятие использует Юнг). О чем я буду говорить, так это о «психике» (как это понятие использует Фрейд), «нижнем» бессознательном, том *Manas*, что зовется «убийцей реального», уровнем *Kama*, эмоций или чистых чувствований (*Gefühl*). В серийном отношении, содержащем в себе уровни *Nāma-Rūpa* или *Agūra*, этот уровень бессознательной психики находится на другой стороне от *Nāma-Rūpa*, а *Nāma* или лексация колеблется между этими двумя крайностями. Следовательно, психика является психологическим коррелятом фонемического уровня в языке, связанная с ним не структурно, как *Nāma* или лексация, и не используя ее как строительные материалы, наподобие того, как при создании слов оперируют с фонемами (гласными, согласными и ударениями), но как содержание на уровне чувствования фонем. Существует всеобщий, *Gefühl*-тип связи переживаний, фиксируемый в лаборатории и кажущийся независимым от языка – в своей основе схожий для всех людей.

Нужно отметить, что без серийного или иерархического порядка во вселенной эти психологические и лингвистические эксперименты противоречили бы друг другу. В психологических экспериментах испытуемые ассоциируют переживания светлого, холодного, острого, твердого, высокого, легкого (по весу), быстрого, высокой частоты звука, узкого и так далее в длинных сериях с друг другом; и обратно тому – переживания темного, теплого, поддающегося, мягкого, тупого, низкого, тяжелого, медленного, низкой частоты, широкого и так далее – в других сериях. Это происходит вне зависимости от того, напоминают ли их слова, ассоциированные с такими переживаниями. Обычный человек с большой вероятностью заметит отношение к словам только тогда, когда это отношение есть отношение сходства с сериями гласных или согласных в словах, но если это отношение по контрасту или конфликтующее, то оно останется незамеченным. Чувствительность к отношению сходства есть часть чувствительности к литературному стилю или тому, что иногда небрежно называют «музыкой» слов. Чувствительность к конфликтному отношению намного более трудна, но освобождает от иллюзий. Несмотря на то, что она достаточно «непоэтична», в действительности она ведет к Высшему *Manas*, к симметрии высшей, чем физический звук.

Для нашего тезиса важно то, что язык, при помощи лексации, сделал говорящих на нем более чувствительными к определенным трудноуловимым психическим ощущениям, он позволил осознать более низкие уровни, чем его собственный: такова сила природы ма-

гии. Язык поистине с йогическим мастерством позволяет оставаться независимым от фактов низшей психики, преодолевать их, указывать на них или их отбрасывать, преобразовывать оттенки слов согласно своим правилам, независимо от того, кажется ли психике звуки подходящими. Если звуки соответствуют, их психическая сила возрастает, и это может быть замечено самым неискушенным наблюдателем. Если звуки не подходят, психические качества изменяются вместе с языковым значением, вне зависимости от несоответствия со звуками и это остается незамеченным.

Таким образом, гласные *a* (как в ‘father’, отец), *o*, *u* ассоциируются в лабораторных экспериментах с темными-теплыми-мягкими сериями, а *e* (*a* английского языка в ‘date’, дата), *i* (английское *e* в ‘be’, быть) с множеством светлого-холодного-острого. Как того следует ожидать от обычного, наивного чувства языка, согласные ассоциируются сходным образом. Происходит следующее: когда слово обладает акустическим сходством со своим собственным значением, мы можем это отметить, как в английском ‘soft’ (мягкое) или немецком *sanft*. Однако обратное остается незамеченным. Таким образом, немецкое *zart* (*tzart*) (нежное) обладает таким «резким» звуком, несмотря на его *a*, что для незнакомого с немецким языком вызывает яркие и резкие значения, но для немца оно «звучит» *мягко*, а также, возможно, тепло, темно и так далее. Другой хороший пример – это *deep* (глубоко). Его звуковая ассоциация должна напоминать *peep* (писк) или такие бессмысленные слова, как *veep*, *treep*, *queep*, то есть как яркое, острое, быстрое. Но его языковое значение в английском языке отсылает к иной разновидности переживаний для такой ассоциации. Это обстоятельство полностью перекрывает его объективное звучание, заставляя его субъективно «звучать» как темное, теплое, тяжелое, мягкое, как будто звуки действительно были такими. Для обнаружения этого разрыва между двумя «музыками», одной более ментальной, а другой – психической, требуется освобождающий от иллюзий, пусть и непозитивный, лингвистический анализ. Манас предоставляет возможность не обращать внимания на свойства на психическом уровне точно так же, как не является важным, стоят ли за переменной *x* автомобиля или овцы. Он может проецировать части своих шаблонов на опыт таким образом, что они искажают, вызывают иллюзии, или проясняют и создают научные теории и инструменты для исследования.

Патанджали описывал йогу как полную остановку изменений в психике⁹. Мы видели, что эта активность состоит по большей части из персонально-социальных реакций по неоощаемым путям, проложенным из уровня **Агīра**, **функционирующим над или за фокусом индивидуального сознания**. Причина, почему этот уровень находится за пределами понимания сознания, заключается не в его фундаменталь-

⁹ В пересказе сутр Йоги Брэгдона: [Bragdon, 1933].

ном различии (как если бы он бы, скажем, пассивной сетью), но потому что личность концентрируется, благодаря эволюции и привычке, на уже упомянутой изменчивой активности. Согласно самым разнообразным, и восточным, и западным источникам, остановка этой активности и переход к покою, что требует длительной тренировки, несмотря на ее трудность, является потрясающим расширением, просветлением и очищением сознания, благодаря которому разум работает с невиданной скоростью и четкостью. Научное изучение языков и лингвистических принципов является по крайней мере частичной попыткой, приподнимающей разум до этого уровня. Понимание больших лингвистических шаблонов включает в себя такую частичную смену точки зрения, уводящую от изменчивости психической активности. Такого рода понимание имеет и терапевтическую ценность. Многие из неврозов являются просто навязчивым повторением систем слов, от которого пациента можно освободить, показав ему сам процесс и его шаблон.

Все сказанное ведет к идее, затронутой в первой части моего эссе, согласно которой типы шаблонной связи, обнаруживаемые в языке, могут быть не более чем колеблющимися и искаженными, бледными и лишенными содержания отражениями *каузального мира*. Как язык состоит из дискретных лексаций-сегментаций (Numa-Rūpa) на фоне упорядоченного шаблонирования, менее очевидного, но более жесткого и универсального, так и физический мир может быть собранием квазидискретных сущностей (атомов, кристаллов, живых организмов, планет, звезд и так далее), не вполне прозрачных для понимания как таковых, но возникающих из поля причин, что само является множеством шаблонов и упорядочиваний. Сегодня наука находится на самой грани этой стены, за которой она встретит эти *свойства поля*. По мере того, как физика исследует внутриатомные явления дискретные физические формы и силы все более и более растворяются в отношениях чистого шаблонирования. *Место* кажущейся сущности, например электрона, становится неопределенным, прерывистым. Сущность появляется и исчезает, переходя от одной структурной позиции к другой, точно так же, как фонема или любой другой упорядоченный лингвистический объект, о котором можно сказать, что он *нигде* не находится в процессе этого перехода. Его место, о котором ранее думали и анализировали как о континуальной переменной, становится при более пристальном исследовании просто чередованием, определенные ситуации «актуализируют» его, а управляет им структура, располагающаяся за чувствительностью измерительных приборов. Здесь нет трехмерной формы, вместо нее – «Agūra».

Так как наука еще не освободила себя от иллюзорных необходимостей обычной логики, то она не осознает трансцендентальной логики такого положения дел. Эти необходимости являются в своей

основе грамматическими особенностями западной арийской грамматики, необходимости для субстанций, являющиеся необходимостью расположения субстантивов или имен существительных в определенных местах предложения, необходимостью для сил, притяжения и других, являющихся просто необходимостью расположения глаголов в других местах и так далее. Наука, если она переживет надвигающуюся тьму, отбросит эти кажущиеся необходимости языка и будет рассматривать сами лингвистические принципы, слишком долго считавшиеся субстанцией самого Разума.

Перевод с английского *А.А. Веретенникова*

Список литературы

- Bragdon, 1933 – *Bragdon C. An Introduction to Yoga*. N. Y.: Knopf, 1933. 101 p.
Whorf, 1940 – *Whorf B. Linguistics as an exact science // Technology Review* (MIT). 1940. Vol. 43. P. 61–63, 80–83.
Whorf, 1942 – *Whorf B. Language, Mind and reality // The Theosophist*. 1942. Vol. 63. No. 1. P. 281–291.

References

- Bragdon C. *An Introduction to Yoga*. New York: Knopf, 1933. 101 p.
Whorf B. Language, Mind and reality, *The Theosophist*, 1942, vol. 63, no. 1, pp. 281–291.
Whorf B. Linguistics as an exact science, *Technology Review* (MIT), 1940, vol. 43, pp. 61–63, 80–83.

ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА И ОБЫДЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Данная статья представляет собой рецензию на книгу Е.Г. Драгиной-Черной «Неформальные заметки о логической форме» (СПб.: Алетейя, 2015). Предлагается обзор структуры и основных идей книги. Рассматриваются аргументы в пользу динамической регулятивной модели логики. Приводится критический анализ аргументов автора, призванных продемонстрировать иррациональность обыденного мышления.

Ключевые слова: гилеморфизм, субстанциальная концепция, динамическая концепция, рациональность

LOGICAL FORM AND ORDINARY THINKING

Ekaterina Vostrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: katerina-vos@mail.ru

This is a review of the book by E.G. Dragalina-Chyornaya “Informal notes on logical form”. The review discusses the structure and the main ideas of the book. The review focuses on the author’s arguments in favor of the dynamic regulatory model of logic and provides a critical analysis of them.

Keywords: hylomorphism, substantial model of logic, dynamic model of logic, rationality

Книга «Неформальные заметки о логической форме» Е.Г. Драгиной-Черной посвящена обсуждению вопроса о статусе и природе логического суждения и его отношения к тому, как люди рассуждают в обыденной жизни. Что является предметом изучения логики? Правила, по которым строится успешное рассуждение? Идеальные правила мышления, существующие в третьем идеальном мире? Эти вопросы ставит автор и прослеживает историю их обсуждения от античности до наших дней.

Автор предлагает классификацию логического гилеморфизма – подхода, который рассматривает логику как теорию формальных отношений. В зависимости от предлагаемого ответа на вопрос о природе формы и формальных отношений, в рамках гилеморфизма автор выделяет субстанциальную версию и динамическую версию. В структуре книги в соответствии с данной классификацией выделяются два раздела, посвященные обсуждению истории и содержанию этих двух направлений.

Субстанциальная модель своим источником имеет аристотелевское различие материи и формы. Субстанциальная версия формальности трактует ее как абстракцию от материального. Автор указывает на то, что субстанциальная версия имеет множество модификаций, но в рамках данной книги предлагает обсуждение ее центральной модификации – понимание формальности как инвариативности и противопоставление этой инвариативности постоянно претерпевающему изменению материальному миру.

В рамках данной модели или версии, выделяется два подхода, которым посвящены две главы: «Схематическая формальность» и «Теоретико-модельная формальность».

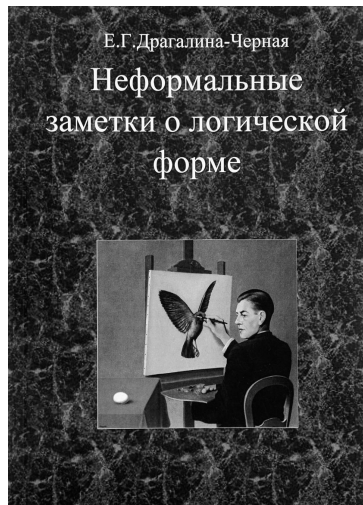
Основой для различия данных подходов служит понимание процедуры варьирования. Схематическая (подстановочная) формальность понимает варьирование как операции с терминами. Теоретико-модельная формальность понимает варьирование как операции преобразования моделей.

В рамках главы, посвященной обсуждению схематической формальности, обсуждаются аристотелевская логика, эллинистические комментаторы Аристотеля (Секст Эмпирик, Александр Афродизийский), средневековая философия (подробно обсуждаются идеи Августина и схоластов Уильяма Оккама, Жана Буридана, Фомы Аквинского).

Глава «Теоретико-модельная формальность» начинается с обсуждения идей Бернардо Больцано как предшественника основателя метода моделей Альфреда Тарского, и далее подробно рассматривается метод Тарского.

Автор, указывает на то, что теоретико-модельная формальность не учитывает динамику соотнесения языка и теоретико-множественных модельных структур. Она полагает, что недостатком субстанциальной модели в целом является игнорирование отношения формальности к той деятельности, в результате которой возникают формальные объекты и которую они призваны описывать.

Динамическая модель ориентирована именно на описание деятельности. Автор пишет: «В динамической модели формальность – что уступает место формальности – как» [Драгалина-Черная, 2015, с. 103]. Таким образом, формальность в рамках данного подхода соотносится не с объектами, а действиями агентов, осуществляемыми по определенным правилам и с определенными целями.

Динамическая модель рассматривает формальное как способ следования правилу и противопоставляет формальное не материальному, а неформальному поведению. Автор прослеживает истоки динамической модели в схоластическом понимании логики как формального искусства.

В рамках динамической формальности автор выделяет конститутивный и регулятивный подход, которые она обсуждает в соответствующих главах книги. Согласно конститутивному подходу, логика формирует условия возможности деятельности. Согласно регулятивному подходу, логика регламентирует независимо существующую деятельность. Различие между конститутивными и регулятивными принципами восходит к работа Дж. Ролза и Дж. Серля. Автор иллюстрирует это различие на следующем примере. Правила дорожного движения регулируют деятельность, существующую независимо от этих правил. Правила шахматной игры, в свою очередь, создают саму возможность игры.

В главе о конститутивном подходе в основном обсуждаются идеи Канта и раннего Витгенштейна. Автор указывает на то, что Кант трактует формальные правила общей логики не как объект познания, а как условие его возможности. Логика обладает универсальной нормативностью в отношении рассудка и разума, поэтому его идеи следует отнести не к схематическому, а к динамическому, конститутивному направлению.

К конститутивному направлению автор относит также подход Витгенштейна, сформулированный им в «Логико-философском трактате». Мотивация для такой классификации взглядов раннего Витгенштейна осталась для меня не вполне понятной. Представляется, что наиболее естественным было бы отнесение взглядов раннего Витгенштейна к теоретико-модельному подходу. Именно Витгенштейн формулирует один из основных постулатов современной формальной семантики (в основе которой лежит теоретико-модельный подход), разрабатываемой для естественных языков: значением предложения являются условия его истинности.

В качестве аргумента в пользу отнесения взглядов Витгенштейна к динамическому подходу автор приводит его знаменитую метафору строительных лесов.

«Логические предложения описывают строительные леса (das Gerüst) мира, или, скорее, изображают их. Они ни о чем не “трактуют”. Они предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения – смысл; это и есть их связь с миром (6.124)». [Витгенштейн, 2008, с. 190] Автор предлагает интерпретировать строительные леса как конститутивное условие строительства.

Автор симпатизирует, однако, другому направлению в рамках динамического подхода, а именно регулятивному направлению (хотя и оговаривает, что дихотомия регулятивного и конститутивного не является абсолютной). К данному направлению относятся, прежде всего, работы позднего Витгенштейна и работы философов обыденного

языка, таких как Дж. Серл. Автор относит сюда же взгляды Д. Блура. Также в рамках данного подхода обсуждаются работы Я. Хинтикки, С. Тулмина, Дж. Лакоффа и др.

«Правила языковых игр логики конституируют институт логического», – пишет автор [Драгалина-Черная, 2015, с. 158]. Автор задается вопросом: кто открывает (создает?) логические правила? Создатель логической нормы обитает не в платоновском мире вечных истин, не в «третьем мире» Фреге, а в нашей институциональной реальности. А участниками институциональной реальности являются люди – целесообразно действующие агенты.

Создатель логической формы действует целесообразно: его цель состоит в достижении истины. Автор полагает, что правила логики могут помочь нам рассуждать эффективнее, соответственно следование этим правилам повышает рациональность действия, а значит правила логики могут носить регулятивный характер.

Однако, регулятивные правила носят не императивный, а рекомендательный характер, они допускают возможность их нарушения. Означает ли это, что правила логики могут нарушаться? Автор полагает, что у нас накопилось достаточно свидетельств того, что правила логики в действительности часто нарушаются людьми, даже самыми рациональными.

Можно выделить следующие критические аргументы автора, призванные продемонстрировать недостаточность субстанциального и конститутивного направлений.

Во-первых, автор приводит данные экспериментов, демонстрирующих, что люди нарушают правила вывода, а также могут действовать нерационально.

Во-вторых, автор приводит данные исследований, стремящихся показать, что люди с невысоким уровнем образования или относящиеся к примитивным культурам демонстрируют склонность к неформальной стратегии рассуждения.

В-третьих, способность к логике тренируется, как и любая другая способность (автор приводит данные сравнительного исследования [Драгалина-Черная, 2015, с. 154], показавшего, что знакомство с общими математическими принципами и отношениями повышает способность к решению логических задач.

Хотелось бы более подробно остановиться на некоторых из данных аргументов и поспорить с автором относительно того, действительно ли эти аргументы показывают, что люди мыслят /могут мыслить нерационально.

Автор пишет, что решающий вклад в дискредитацию претензий логики на нормирование обыденных рассуждений внесли эксперименты Питера Уэйзена и Рута Берна [Драгалина-Черная, 2015, с. 154].

В первом эксперименте испытуемым давалась задача на логику условных предложений. В одном случае эта задача была сформулирована при помощи букв и цифр, а в другом с использованием знакомых

названий городов и объектов. В первом случае практически половина людей совершала ошибку, во втором почти все ответили правильно. На мой взгляд, результаты данного эксперимента вполне совместимы с утверждением о том, что люди рассуждают разумно. Естественно, что использование знакомых выражений делает процесс вычисления более простым, требуются гораздо меньшие затраты памяти на запоминание условий задачи. К тому же ничего не сказано о том, было ли предоставлено неограниченное количество времени в экспериментальных условиях для решения задачи или решение требовалось предоставить за очень короткий промежуток времени. Результаты данного эксперимента можно интерпретировать следующим образом: люди рассуждают вполне разумно, если условия задачи вполне понятны и легки для запоминания.

Во втором эксперименте людям предлагалось рассмотреть два предложения, данные в (1) и (2):

(1) *Если ей надо написать эссе, она будет допоздна работать в библиотеке*

(2) *Ей надо написать эссе*

Около 90 % участников эксперимента делали правильный вывод: «она будет допоздна работать в библиотеке»

Однако при добавлении посылки, данной в (3), только 60 % испытуемых делали такой вывод (который остается формально правильным ответом). Иными словами, добавление посылки, данной в (3) мешало людям сделать правильный вывод, хотя добавление этой посылки не должно было влиять на него.

(3) *Если библиотека будет открыта, она будет допоздна работать в библиотеке*

На мой взгляд, можно выделить несколько проблем с данным экспериментом.

Во-первых, не приводятся данные о том, какой же вывод делали испытуемые в данном случае, хотя это могло бы пролить свет на то, каков был процесс рассуждения.

Во-вторых, существует определенные правила логики диалога, которым следуют рациональные субъекты. В частности, существуют множество исследований, посвященных значению условных предложений в естественном языке, таких как (3). Было отмечено, что такие предложения, как (3), несут импликацию, данную в (4) ([van der Auwera, 1997; Horn, 2000]). Импликация – это вывод, который как бы приглашается логикой диалога, но может быть отменен. Этот вывод не следует из условий истинности предложения, но совершается прагматически. (Процесс рассуждения здесь такой: если мне дается именно данное условие, то это значит, что если данное условие не выполняется, то ситуация будет противоположной, в противном случае, зачем бы оговаривалось данное условие).

(4) Если библиотека не будет открыта, она не будет допоздна работать в библиотеке

Носитель языка считывает импликацию автоматически [Grice, 1989].

В данном конкретном случае отмена импликации сопряжена с определенными сложностями, а именно ее отмена требует принятия предложения, данного в (5), а оно противоречит тому, что нам известно о внешнем мире.

(5) Даже если библиотека не будет открыта, она будет работать в ней допоздна

Многие исследователи также отмечали, что на наши суждения об условиях истинности условных предложений влияет контекст. В частности, в рамках данного эксперимента, испытуемые, следуя принципу доверия, полагали, что информация в (4) сообщается, поскольку она релевантна. Они полагали, что данная информация в (4) сообщается им в качестве оговорки, уточнения уже сказанного, (3) сообщается, чтобы сузить уже данный контекст оценки предложения, данного в (1).

Участники эксперимента действовали вполне рационально, исходя из логики диалога, когда из (1), (2), (3) делали такой вывод: «Если ей нужно написать эссе, она будет работать в библиотеке допоздна, если, конечно, библиотека будет открыта»,

Данный эксперимент, на мой взгляд, показывает следующее: если бы условные предложения естественного языка имели бы в качестве своего значения материальную импликацию, то мы бы ожидали, что участники эксперимента дадут ожидаемый ответ. Однако, условные предложения естественного языка (как это было показано уже в работах Д. Льюиса [Lewis, 1975]) имеют совсем другое значение. Кроме того, сюда примешиваются факты импликаций, а также тот факт, что рациональный участник диалога стремится интерпретировать предложения исходя из того, что его собеседник дает ему максимально релевантную и полезную информацию. Участники эксперимента, на мой взгляд, отвечали в полном соответствии с логикой диалога, таким образом действовали максимально рационально.

Сходные проблемы, на мой взгляд, содержатся в аргументах, которые, с точки зрения автора книги, показывают, что представители «примитивных» культур не способны мыслить рационально. В частности, автор приводит данные эксперимента, проведенного М. Коулом и С. Скрибнер [Драгалина-Черная, 2015, с. 144]. Экспериментаторы задавали либерийцам племени кпелле следующий вопрос: «Паук и черный олень всегда вместе едят. Паук ест. Ест ли олень?». Испытуемый отвечал: «Но меня там не было. Как я могу ответить на такой вопрос?»

На мой взгляд, такой ответ вполне можно интерпретировать как рациональный. Интерпретация таких выражений естественного языка, как «всегда» зависит от контекста. Например, высказывание

«я всегда здесь сижу» не обязательно интерпретируется как «я вообще никогда не схожу с этого места», а понимается как «во всех релевантных ситуациях, когда я нахожусь в этой комнате, я выбираю данное место». Можно обратить внимание на тот факт, что и в русском языке, следующий дискурс вполне является рациональным и возможным: «Я всегда сижу здесь, а в этот раз решила сесть в другом месте». Поскольку такие выражения, как «всегда» зависят от того, каким образом ограничивается их область действия, я не вижу никакого противоречия в ответе представителей племени кпелле. Опять же, в данном случае, экспериментаторы исходят из неправильного представления о значении предложений естественного языка и делают вывод о том, что люди отвечают нерационально.

Многочисленные формально-семантические исследования редких языков показывают, что эти языки обладают такой же выразимостью, как и русский или английский язык, они содержат кванторы, которые подчиняются логике кванторных выражений и т. д.

Еще один пример нерационального действия, обсуждаемый в книге, демонстрировали участники игры в ультиматум [Драгилина-Черная, 2015, с. 126]. Участникам предлагаются следующие условия: одному игроку выдается 100 марок и предлагается разделить деньги по взаимной договоренности. Игроки общаются через компьютер. Первый игрок предлагает, второй соглашается или нет. Всего дается одна попытка. Если второй игрок не принимает предложение первого, то никто ничего не получает. Стандартное предсказание для рационально действующих игроков, стремящихся к максимальной полезности: 99/1 (первому игроку рационально взять себе 99 марок, а второму согласиться на 1. Автор указывает, что вопреки данному предсказанию эксперименты в основном приводили к исходам 50/50 или 60/35. Кроме того, второй игрок отказывался от сделки, если ему предлагалось менее 30 %. На мой взгляд, результаты данного эксперимента вовсе не показывают нерациональность людей. Напротив, они показывают, что есть важный фактор «люди не хотят принимать несправедливо низкую оплату», который остается неучтенным, когда делается предсказание о «рациональном» исходе эксперимента. Первый игрок ожидает, что второй не захочет принимать несправедливую сумму и знает, что может потерять все, поэтому предлагает более справедливое распределение средств.

Таким образом, мне представляется, что данные аргументы все не демонстрируют нерациональность, нелогичность поведения людей. В каждом из описываемых случаев присутствуют важные неучтенные обстоятельства, а агенты, напротив, действуют максимально рационально.

Особо хотелось бы отметить, что при обсуждении истории логики автор не замыкается в рамках западной логической традиции. Она проводит параллель между западной античной и индийской школой

философии и логики навья-ньяя [Драгалина-Черная, 2015, с. 23–27]. Также предлагается интересное обсуждение истории логики в древнем Китае [Драгалина-Черная, 2015, с. 147–150]. Таким образом автору удастся избежать европоцентризма, зачастую присущего исследованиям в области логики и формальной философии.

В целом книга представляет интерес для всех, кто интересуется историей и философией логики, а также формальной философией. Книга написана доступным языком, имеет четкую и понятную структуру. Автор ставит интересные и важные философские вопросы о природе логики, о рациональности, об отношении логики как науки к рассуждениям людей в обычной жизни и приводит и рассматривает интересные аргументы.

Список литературы

Витгенштейн, 2008 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. 277 с.

Драгалина-Черная, 2015 – *Драгалина-Черная Е.Г.* Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя, 2015. 202 с.

Grice, 1989 – *Grice P.* *Studies in the Way of Words.* Cambridge (MA): Harvard University Press, 1989. 406 p.

Horn, 2000 – *Horn L.* From *if* to *iff*: Conditional Perfection as Pragmatic Strengthening // *Journal of Pragmatics.* 2000. No. 32. P. 289–326.

Lewis, 1975 – *Lewis D.* Adverbs of Quantification // *Formal Semantics of Natural Language* / Ed. by E. Keenan. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 3–15.

van der Auwera, 1997 – *van der Auwera J.* Conditional Perfection // *On Conditionals Again* / Ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 169–190.

References

Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus logico-philosophicus]. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 277 p. (In Russian)

Dragalina-Chyornaya E.G. *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme* [Informal notes on logical form]. Saint-Petersburg: Aleteia Publ., 2015. 202 p. (In Russian)

Grice P. *Studies in the Way of Words.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 406 p.

Horn L. From *if* to *iff*: Conditional Perfection as Pragmatic Strengthening. *Journal of Pragmatics*, 2000, no. 32, pp. 289–326.

Lewis D. Adverbs of Quantification. In: E. Keenan (ed.). *Formal Semantics of Natural Language.* Cambridge: Cambridge University Press, 1975, pp. 3–15.

van der Auwera J. Conditional Perfection. In: A. Athanasiadou and R. Dirven (eds.). *On Conditionals.* Amsterdam: John Benjamins, 1997, pp. 169–190.

Виталий Георгиевич Горохов

10 сентября 2016 года ушел из жизни Виталий Георгиевич Горохов – главный научный сотрудник, зав. сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор.

Виталий Георгиевич Горохов родился в Москве в 25 мая 1947 г. В 1964 г. окончил **Московский радиомеханический техникум** (специальность – «радиолокация»). Работая по специальности, окончил в 1971 г. философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 1974 – аспирантуру Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1970–1977 гг. В.Г. Горохов возглавлял сектор методологических проблем АСУ НИИ систем связи и управления г. Москвы.

Первая специальность и профессиональный опыт Виталия Георгиевича во многом определили выбор направления философских исследований и научно-организационной деятельности. Темой его кандидатской диссертации (1975) стал методологический анализ системотехники, а докторская диссертация (1986) посвящена проблемам развития теоретического знания в технических науках. Более 10 лет (1977–1988) В.Г. Горохов работал редактором отдела социальных и философских проблем науки и техники в журнале «Вопросы философии», в 1988 основал сектор философии техники в Институте философии АН СССР, а в 1995 г. стал научным координатором Российско-Германского колледжа. В.Г. Горохов был одним из организаторов и научным руководителем лаборатории философии техники и техникосознания, открытой в 2011 г. Поволжским государственным технологическим университетом совместно с Институтом философии РАН. В 2013 г. Виталий Георгиевич возглавил сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук.

Сегодня трудно переоценить вклад В.Г. Горохова в развитие философии науки и техники в нашей стране, как и его вклад в организацию и развитие российско-германского сотрудничества в этой области. В.Г. Горохов – автор фундаментальных работ по философии, методологии и истории технического и естественнонаучного знания, истории инженерной профессии, по истории философии техники. В числе многих написанных им книг – «Методологический анализ научно-технических дисциплин» (1984), «Русский инженер и философ техники Петр Климентьевич Энгельмейер (1997), «Technikphilosophie und Technikfolgenforschung in Russland» (2001), «Основы философии техники и технических наук» (2007), «Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и в Германии в конце 19 – начале 20 столетий (сравнительный анализ)» (2009), «Технические науки: история и теория» (2012). В по-

следние годы В.Г. Горохов уделял значительное внимание социальным и методологическим вопросам, связанным с феноменом технонауки и нанотехнологий.

Много времени и сил отдавал Виталий Георгиевич Горохов преподавательской деятельности. Он читал лекции по философии науки и техники в вузах Москвы – Московский горный институт, МГТУ им. Н.Э. Баумана, ГАУГН, МГУ им. М.В. Ломоносова (где руководил российско-германской магистерской программой «Философия и европейская культура»), в университете Дубна, в университете г. Карсруэ (Германия). В.Г. Горохов – автор учебных пособий по философии и социологии науки и техники, широко используемых в преподавании соответствующих дисциплин в университетах России.

Виталий Георгиевич был не только выдающимся ученым, но и хорошим, светлым человеком. Мы будем хранить в сердцах память о добром товарище, который готов был поддержать нас в научных поисках и в решении организационных вопросов, искренне радовался новым идеям, хорошим статьям и книгам своих коллег.

Редколлегия

Информация для авторов

- Автор гарантирует, что текст, представленный для публикации в журнале, не был опубликован ранее или сдан в другое издание. При использовании материалов статьи в последующих публикациях ссылка на журнал «Эпистемология и философия науки» обязательна.
- Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и фамилий.
- Рукописи принимаются исключительно в электронном виде в формате MS Word (шрифт – Times New Roman; размер – 12; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по левому краю; поля – 2,5 см) по адресу электронной почты журнала: journal@iph.ras.ru
- Объем статьи – от 0,75 до 1,3 а.л. (включая ссылки, примечания, список литературы, аннотацию). Объем рецензии – до 0,5 а.л. знаков (рецензия должна сопровождаться фотографией рецензируемого издания, двуязычной аннотацией и ключевыми словами)
- Примечания оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией. Библиографические сведения, отсылающие к Списку литературы, даются в основном тексте и в примечаниях в квадратных скобках; например: [Сидоров, 1994, с. 25–26]. На все источники из цитируемой литературы должны быть ссылки в тексте статьи.
- Помимо основного текста статьи рукопись должна включать в себя следующие **сведения на английском и русском языке**:
  - 1) ФИО автора; ученую степень и ученое звание; место работы; полный адрес места работы (включая страну, индекс, город); адрес электронной почты автора;
  - 2) название статьи;
  - 3) аннотацию (1000–1500 знаков);
  - 4) ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний);
  - 5) список литературы.
- Рукописи на русском языке должны содержать два варианта списка литературы:
  1. «**Список литературы**», выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.
  2. Список «**References**», составленный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных (Scopus и др.). Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:
    - автор (имена отечественных авторов – в транслитерации латиницей, имена зарубежных авторов – в оригинальном или англоязычном написании);
    - заглавие статьи (транслитерация);
    - [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

-
- название русскоязычного источника (транслитерация);
  - [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
  - выходные данные на английском языке (включая общее количество страниц в источнике или номера страниц, на которых размещен текст в: сборнике/журнале/монографии).
- Для транслитерации необходимо использовать сайт <http://translit.net/> (формат BGN)
  - Подробные рекомендации по оформлению текстов содержатся на странице журнала: http://iph.ras.ru/eps_contributors.htm
  - К рукописи также должна прилагаться фотография автора.
  - Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf.
  - Решение о публикации материала принимается в соответствии с решениями членов редколлегии, главного редактора и рецензентов в течение трех месяцев с момента поступления текста в редакцию.
  - Плата за публикацию материалов не взимается, гонорар авторам не выплачивается.

Научно-теоретический журнал

**Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки
2016. Том 50. Номер 4**

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-57113 от 03 марта 2014 г.

Главный редактор: *И.Т. Касавин*

Зам. главного редактора: *И.А. Герасимова, П.С. Куслий*

Ответственный секретарь: *Л.А. Тухватулина*

Художник: *Ч.Р. Кантов*

Технический редактор: *Ю.А. Аношина*

Корректор: *А.А. Гусева*

Подписано в печать с оригинал-макета 06.12.16

Формат 60x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman, Calibri

Усл. печ. л. 16,00. Уч.-изд. л. 15,86. Тираж 1 000 экз. Заказ 29

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о журнале «Эпистемология и философия науки»
см. на сайте: <http://journal.iph.ras.ru>